ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 44 ОКТЯБРЬ 1986

ПЕРВЫЙ БОЙ С ФАШИЗМОМ

ПОКУПАТЕЛИ ДОВОЛЬНЫ

О ЛЖЕФУТБОЛЕ

ТРИФОНОВ О ТВАРДОВСКОМ

ВСПОМИНАЕТ СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

ВЕРНАЯ НОТА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (3093)

1—6 НОЯБРЯ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.10.86. Подписано к печати 28.10.86. А 00751. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2687. Заказ № 3750.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

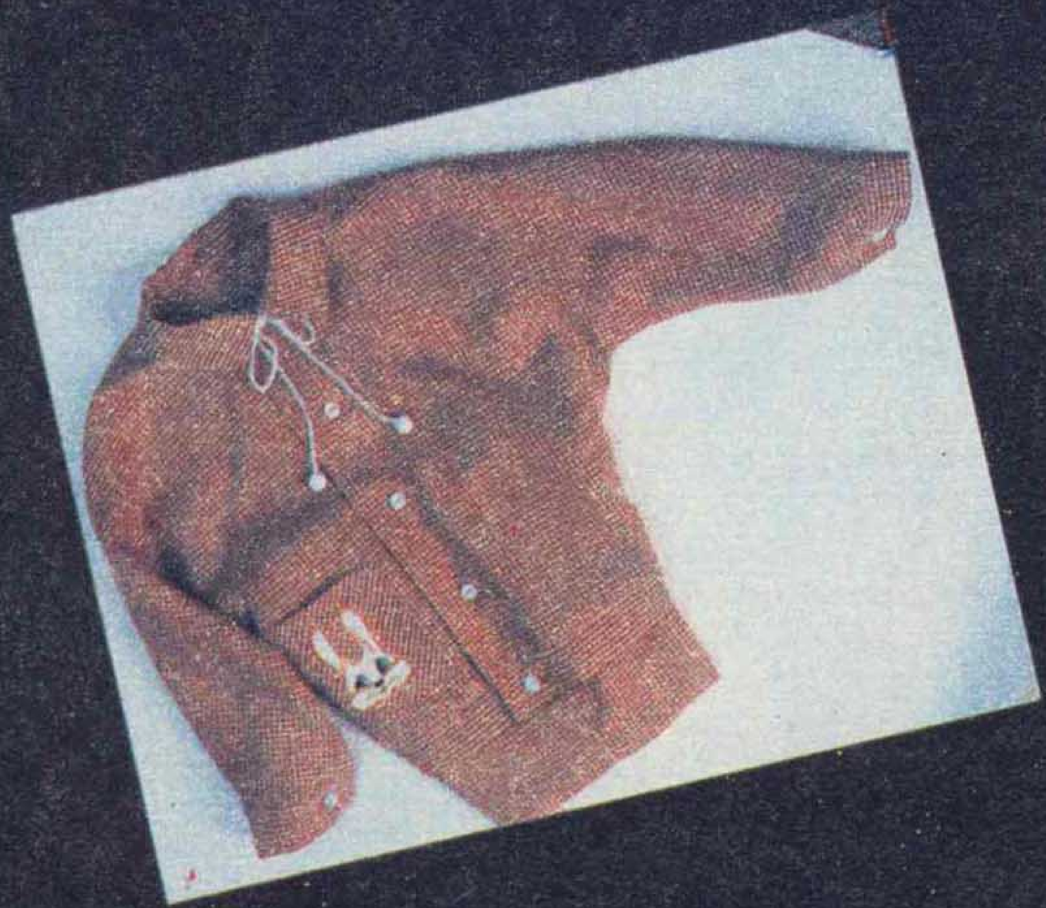
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

перестройка: проверка делом

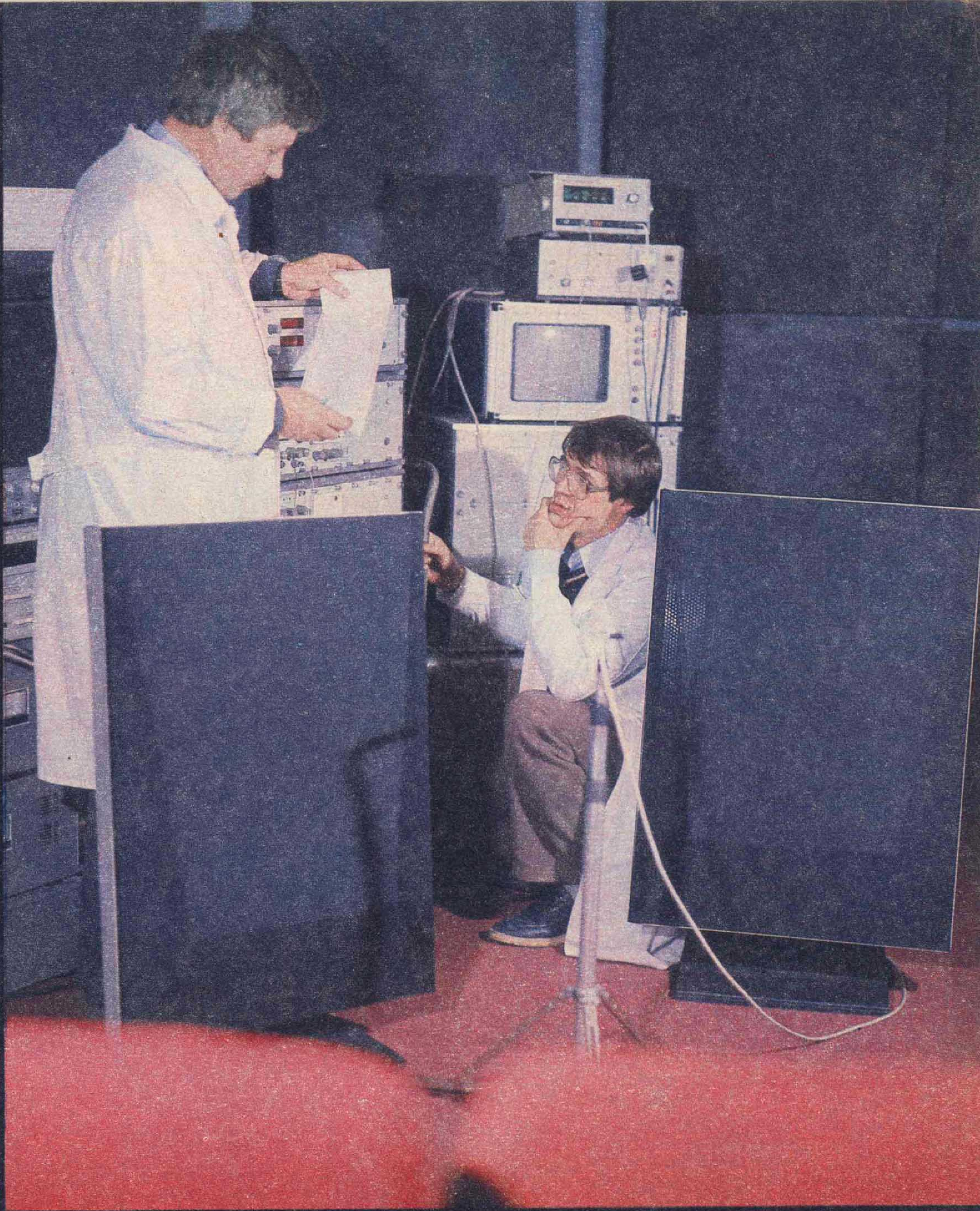
ВОЗМОЖ

НОСТЬ ВЫБОРА

Труженики народного хозяйства! Боритесь за высокое качество продукции, за честь советской марки! Создавайте надежный заслон технической отсталости, браку!

(Из Призывов ЦК КПСС)

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собственный корреспондент «Огонька»
Фото А. БОЧИНИНА

Директор ленинградского филиала объединения «Союзпромвнедрение» В. Иванова назвала мне с десяток (относящихся не только к Минлегпрому) предприятий, выпускающих сейчас товары народного потребления, отвечающие самому придирчивому вкусу. Выбрал три, быть может, не слишком известных в масштабах страны, но и любопытных.

ПОЛЮБИЛИСЬ — И ДЕТЯМ, И МАМАМ

Первое же — объединение «Салют» — загадало загадку.

«Салют» шьет одежду для детей. Расхваливать ее нет смысла — посмотрите сами на фото. И это не выставочные образцы. Ежегодно обновляется половина моделей.

Застать их на прилавке все равно что угадать три цифры в «Спортлото». Детей у нас любят, их наряды стоят дешево, и уж, коли попадется родителю что-либо эффектное, мимо не пройдет. Видел, как мамы-героини, явные южанки, брали с боем в ДЛТ по семь-восемь курточек сразу. Приближаться к взволнованной, взрывоопасной толпе бабушек и мам отваги не хватило. В общем, дефицит.

Но вот в кои-то веки стою в его окружении, и главный конструктор Л. И. Цымлякова, перебирая пригожие курточки, костюмчики, платьица, рубашки для маленьких, рассказывает, как они проектировались, создавались.

Недавно видел Лидию Ивановну в телепередаче, где, в частности, высказывала она недовольство в адрес Ленинградского производственного металлофурнитурного объединения. Минувшие годы мало отразились на качестве металлофурнитуры; не слишком обогатили они и палитру текстильщиков, предлагающих объединению «болонью», родственную ей ткань «лаке», коечто из хлопка, синтетики — и все преимущественно робких, несмелых тонов. Тесьму «Салюту» дают обувную; среди эмблем, нашивок едва ли не самыми симпатичными показались мне те, что делает в Эстонии... Хаапсалуская межколхозная строительная организация.

Одним словом, снабжение не ахти. И проектируют, шьют здесь, не рассчитывая на импорт, стараясь как можно лучше подать то, что есть. Есть, например, болотного цвета вельвет. Пошить из него костюмчик, конечно, можно. Маскировочный. А вот продать... Можно, оказывается, и продать, если украсить его большим портретом кота Леопольда. Мультгерой симпатичен, но на одну вышивку уходит полтора часа. Невыгодно, но что еще делать для использования невеселой расцветки ткани?

Подобных примеров вынужденной находчивости мне приводили немало. Не облегчает жизнь «Салюту» и довольно слабая техническая оснащенность его крохотных подразделений, разбросанных по многим городам и поселкам области.

...На всех этажах головного предприятия стрекочут обычные швейные машинки, и обслуживают их не хитроумные, не знающие устали роботы — улыбчивые выпускницы ПТУ № 135, их наставницы.

— Самый надежный контролер качества — совесть, — сказала руководитель одной из лучших бригад Галина Александровна Смирнова,— ведь шьем для детей. Темп задают такие мастерицы, как Валентина Николаевна Семашкина, выполнившая за одинадцатую пятилетку девять годовых норм. У нее учатся, на нее равняются. А бригадная форма организации труда помогает по-хозяйски распорядиться тем, что имеем.

Символом подобной рачительности стало нехитрое приспособление, показанное инженером-технологом третьего цеха А. К. Никаноровой. По просьбе Аллы Константиновны Лена Щербина берет кусок меховой подкладки и одним движением подшивает к ней тесьму... сразу с двух сторон. Несколько секунд экономит простенький с виду медный рычажок, и секунды эти, помноженные на десятки операций, вырастают в минуты и часы, сбереженные при помощи таких незамысловатых устройств.

85 процентов моделей создает для объединения Ленинградский Дом моделей. Остальное — шесть конструкторов «Салюта». Это, так сказать, резерв оперативности, позволяющий фирме живо откликаться на запросы торговли.

Связь эта обоюдовыгодная: торговля знает, что получит отменный товар, объединение уверено, что в магазинах с пониманием отнесутся к их самым смелым (хоть нередко и вынужденным) экспериментам.

«СТАТИК» — ЭТО КЛАСС!

Элегантная, прекрасного дизайна акустическая система «Статик» даже внешне выгодно отличается от своих зарубежных собратьев, изготовленных столь известными фирмами, как «Ямаха», «Сони», «Таной». Но не внешностью определяется достоинство колонок.

— Будем слушать Чайковского,— предложил начальник КБ Ю. В. Иванов. То, что я услышал, безусловно, превосходило все, что доводилось слышать до сих пор, хотя (как любитель) музыкой, записями интересуюсь давно. Представьте, что вы всю жизнь довольствовались черно-белым изображением и вдруг познакомились с цветным — разница по богатству красок на слух была примерно такая же.

Таким же было и мое удивление, когда узнал, что Юрий Васильевич попеременно включает то «Статик», то «Квод» ЕСМ-63 — стоящие рядом колонки стоимостью в 2500 долларов, относящиеся на мировом рынке к числу элитарных.

Разницы меж ними не уловил, а это обещало скорый праздник в отчем доме искушенных ценителей звукозаписи — наконец-то и наша радиопромышленность выпустила нечто, способное дать фору любому престижному импорту.

Однако с какой стати вы должны верить моим восторгам? Сошлюсь на мнение народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР Вениамина Баснера: «Огромное впечатление произвело на меня прослушивание электростатических акустических систем. Особенно хочется подчеркнуть, что эти системы в отличие от обычных, распространенных, доносят до слушателя художественный музыкальный образ произведений, творческую индивидуальность солиста и дирижера».

На заводе имени Калинина конструкторское бюро по разработке усилителей низкой частоты и акустических систем было организовано в 1981 году. И цели сразу же поставило перед собой максимальные — быть впереди. Восемнадцать человек, собравшихся в новом КБ, пришли сюда исключительно по собственному желанию — жизнь, знали, ожидает их нелегкая, а работа не слишком знакомая: Ю. Иванов по образованию инженер-электрик, его правая рука С. Кунеловский — электромеханик и т. д. Объединяли всех энтузиазм, искренняя любовь к радиотехнике, музыке. В большинстве завсегдатаи филармонии, с новинками иностранной бытовой радиоэлектроники знакомы не понаслышке. В распоряжении КБ хорошо оборудованный экспериментальный участок, где можно быстро на практике проверить любую самую смелую идею.

Создан «Статик» в удивительно короткие сроки. В 1981 году получили от головного института эскизные документы, а в 1984-м представили опытный образец на осенней Лейпцигской ярмарке. «Статик» удостоен золотой медали ВДНХ.

СВЯЖЕМ СВИТЕР... НА ДИСПЛЕЕ

Вот уж не думал, что вязание такое увлекательное занятие! К тому же очень простое, не требующее особого навыка. Берешь цветные карандаши, лист бумаги в клеточку, подходящие к замыслу нитки — остальное дело техники.

Техника — это вязальная машина «Нева-7», оснащенная электронной системой программного управления. Звучит солидно, но курсы программистов оканчивать не обязательно: справится и шестилетний малыш, и древняя бабуся. Узор, который вы придумали, нарисовали на листе бумаги с помощью клавиш дисплея (одно нажатие на клавишу соответствует одной будущей петле), переносится в память машины и затем автоматически воспроизводится, повторяется необходимое число раз на задуманном вами изделии, будь то свитер, кофточка, шарф...

Визуальный контроль осуществляет телеэкран — если вам какой-то элемент узора не нравится, можете внести поправку, изменить его. Ну, а в итоге получить изделие точно по своему вкусу, ни в чем не уступающее самому совершенному промышленному образцу. Вызывает уважение и сноровка «семерки» — рисунчатый трикотаж она свяжет раз в пятнадцать(!) быстрее ручной «Невы-5».

— Да ведь это уже не просто бытовая техника, почти домашняя фабрика, патент на нее надо брать,— удивился я.— К тому же прямой вызов легкой промышленности: сейчас волей-неволей берешь в магазине что дают, а с этой машиной она конкуренции не выдержит.

— Ну до этого, наверное, не дойдет,— улыбается В. Иорш.— Однако возможности для творчества «Нева-7» открывает действительно безграничные.

Изделия группы ручных машин Специального конструкторского бюро по проектированию трикотажных машин объединения имени Карла Маркса, которым руководит В. Иорш, не уступают зарубежным аналогам известных фирм Японии, Франции, и не случайно «Нева-5» и «Нева-6» продаются и пользуются спросом в «Березке».

Каждая новая модель — обязательный рывок вперед: «семерка» обеспечивает бо́льшую сравнительно с предыдущей моделью скорость вязания. «Восьмерка» соединит в себе как бы две машины сразу — сможет использовать и традиционную тонкую, и толстую, домашней выделки пряжу. Машин для грубой, домашней шерсти в стране еще не было. Ленинградцы устранили этот пробел. Опытный образец «Нева-8» изготовят в этом году, серийное производство «семерки» будет освоено в нынешней пятилетке.

НА ПЕРВОЙ ЦВЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Всем на радость нарядная одежда * Мозговой центр «Салюта». В центре — Л. И. Цымлякова.

«Будем слушать Чайковского...»: у «Статика» Ю. Иванов и А. Белканов * От премудрой вязи чертежа — к простоте вязания.

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

22 октября по советскому телевидению выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

«...СУТЬ НАШЕЙ ПОЗИЦИИ, НАШИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВОТ В ЧЕМ: МЫ ЗА СОКРАЩЕНИЕ, А ЗАТЕМ И ПОЛНУЮ ЛИКВИДАЦИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И РЕШИТЕЛЬНО ПРОТИВ НОВОГО ЭТАПА ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ, ПЕРЕНОСА ЕЕ В КОСМОС.

ОТСЮДА — МЫ ПРОТИВ СОИ И ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ДОГОВОРА ПО ПРО».

М. С. ГОРБАЧЕВ

МУЖСКОЕ ДЕЛО

Супьянбек ШЕРИПОВ, собкор «Огонька»

Когда я только-только познакомился с Александром Солохом, мастером машинного доения кубанского колхоза «Искра», меня удивило, что этого веселого, улыбчивого парня прозвали на селе Хмурым. Потом мы долго беседовали с ним, и я понял, чему обязан Саня своим прозвищем. Обдумывая что-нибудь важное, он, забывая обо всем, уходит в себя: взгляд становится отрешенным, морщины сбегаются к переносью, и тогда кажется, будто по-другому его и назвать нельзя. Но когда, наконец, ответ на трудный вопрос найден, Александр преображается: разглаживаются морщины, в углах губ появляется усмешка, взгляд становится цепким и решительным.

Александр Солох далеко не сразу отыскал свое место в жизни. Лишь к двадцати шести годам сделал он окончательный выбор, вернувшись в село, в котором родился. Непрост был его «путь к себе». Окончив среднюю школу, трудился в родном колхозе, служил в армии, а затем судьба забросила его в славный город Севастополь. Здесь он работал на судоремонтном заводе, «пахал», как говорится, на совесть. Все складывалось у Солоха нормально: и на заводе не раз был по-доброму отмечен, и город ему нравился, и новые товарищи, а он все хмурился да хмурился... Солоха одолевали воспоминания, и он нередко задумывался: а не вернуться ли...

Порой он пытался рассказать друзьям по цеху о кубанских просторах, о колхозе «Искра», что раскинулся в Тимашевском районе, старался объяснить, почему так тянет его домой, но заводчане не могли понять Саню:

— Так что же тебя там привлекает? Какие блага, перспективы?

Солох в таком случае прекращал разговор. Он не знал, как объяснить им: уехав из села, он словно бы увез его с собой... И потому мысленно никогда не расставался с теми, с кем когда-то учился, с кем вместе работал в поле...

И наступил день, когда Александр решил: все. Пора прощаться. Он знал, что на заводе никто не упрекнет его за это, ведь не за длинным рублем он гнался, не легкой жизни искал. Шел туда, где труднее.

Узким местом в «Искре» было производство молока. Значит, именно здесь он, Александр Солох, должен приложить свои силы, именно здесь он сможет принести наибольшую пользу.

Сходные чувства были и у давних Сашиных друзей — Сергея Полянского, его жены Ирины, Виктора Бабаева. Вчетвером они и составили комсомольско-молодежный коллектив. Вожаком выбрали молодого коммуниста Ирину Полянскую.

Работа на молочной ферме была для них новым делом. И нужно было в кратчайший срок овладеть его секретами. Они брали уроки у зоотехников и ветеринаров, часами беседовали с опытными доярками, корпели над книгами, привыкали просыпаться без будильника в четыре часа утра...

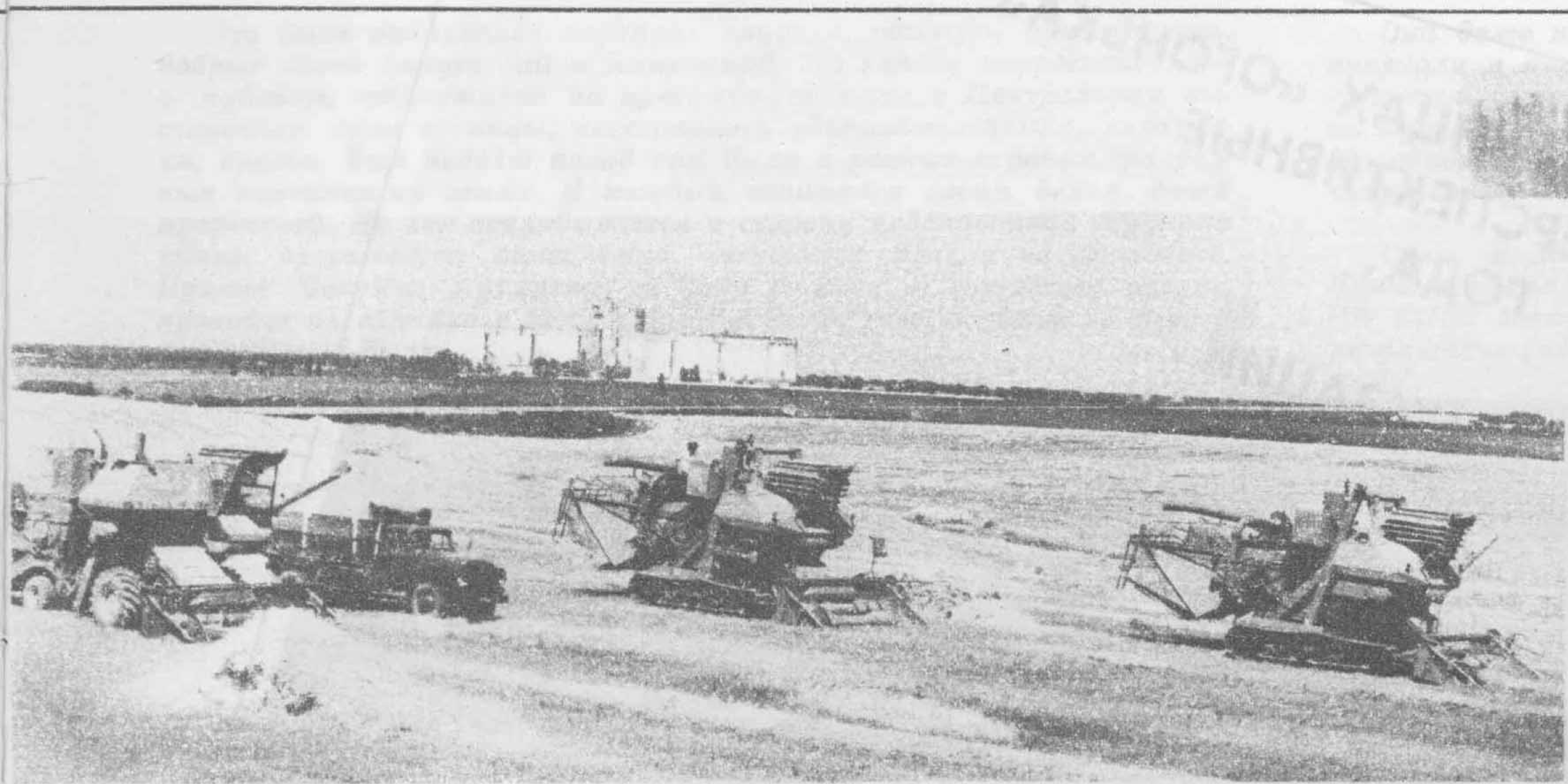
— Здесь, в колхозе, мы постоянно ощущаем, что наши усилия помогают изменить жизнь,— говорит Александр.— Хозяйству нужны на молочном комплексе не какие-то безликие работники. Мы чувствуем: на нас надеются, в нас верят, и это дарит нам и настроение и дополнительные силы...

Период ученичества длился недолго. План десяти месяцев молодые работники колхозной фермы перевыполнили. Да и рубеж наметили высокий — получить за год от каждой коровы по 3800 литров молока. И еще один немаловажный фактор. Этот коллектив на подряде. Четверо трудятся за пятерых: в состав звена они зачислили своего земляка, Героя Советского Союза, Александра Степанова, младшего сына Епистинии Федоровны Степановой, девять сыновей которой отдали жизнь за Родину. Зарплата Героя перечисляется в Фонд мира...

Когда видишь, с каким уважением относятся односельчане к молодым мастерам машинного доения, трудно поверить что совсем недавно кое-кто подсмеивался над ними: «За бабье дело взялись...»

— И хотя мы, конечно, не придавали особого значения этим словам,— вспоминает Александр Солох,— какой-то неприятный осадок от них все же оставался. И вот, представьте, как нам было приятно, когда недавно, во время встречи с работниками молочного комплекса, Михаил Сергеевич Горбачев, словно догадавшись о любителях посудачить, сказал, что наша работа — это настоящее мужское дело.

Но расскажем обо всем по порядку. В погожий сентябрьский день в гости к труженикам «Искры» приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Побывал он и на молочном комплексе, Ирина Полянская поднесла Михаилу Сергеевичу

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ КУБАНИ

Хороший подарок к празднику Великого Октября сделали земледельцы Краснодарского края. Засыпав в закрома государства 4,3 миллиона тонн зерна, они выполнили повышенные социалистические обязательства по продаже хлеба. Страна получила от них около трех с половиной миллионов тонн пшеницы, свыше 95 процентов которой сильных и ценных сортов.

На снимках:
Так работали уборочные звенья колхоза «Кавказ» Абинского района на подборе валков.
Инженер Н. Крыжановский, агроном А. Кочубей и бригадир Г. Демченко за проверкой качества обмолота.
Фото В. Веленгурина (ТАСС)

хлеб-соль, обстоятельно рассказала об особенностях работы своего звена, о проблемах, с которыми приходится сталкиваться. Побеседовал Михаил Сергеевич и с Александром Солохом.

А на другой день, встретившись с партийным активом Краснодарского края, Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «Мы можем с вами работать, товарищи. А мы ведь еще только начали, причем при огромных объемах, недостатке техники и особенно средств защиты растений. Если все сделать по-настоящему, строго по технологии, можно выйти на большие рубежи. То же самое происходит и в животноводстве. Вот в колхозе «Искра» на комплексе процесс селекции — голштинизации — вместе с промышленной технологией и улучшением базы кормления обеспечивает быстрый рост надоев молока — 600 килограммов прибавки в год при равных условиях кормления остального стада. Товарищи, это тоже результат интенсификации. Вы на четыре процента уменьшили поголовье коров, а молока прибавили... Значит, интенсификация в аграрном секторе — ключевая задача и главное направление работы».

Весомые слова, вдохновляющие и одновременно ко многому обязывающие. Многих заставили они критически пересмотреть свои дела и поступки, понять: сегодня нужно спрашивать с себя куда строже, чем прежде.

— Знаете, ребята,— говорила со своим звеном Ирина Полянская,— еще совсем недавно я, честно говоря, была удовлетворена результатами нашей работы. Но ведь достигнуты они вчера. А разве можно жить вчерашним днем? Нет, конечно. Поэтому мы должны сделать новый шаг вперед и выйти к отметке в четыре тысячи литров.

— Нельзя забывать и о том,— вступил в разговор Сергей Полянский,— что, как бы ни были важны производственные проблемы, мы не должны замыкаться только на них. Борьба с любителями легкой жизни, с теми, кто привык только получать от общества, ничего ему не давая,— это тоже наша прямая обязанность.

— Нужно выводить на чистую воду тех, кто лишь формально числится в колхозе,— поддержал друга Александр Солох,— тех, кто, устранившись от работы на общее благо, превратил свои приусадебные участки в основной источник доходов.

— Вот мы порой говорим о ком-нибудь: хороший, мол, человек,— сказал Виктор Бабаев.—При этом имеем в виду, что он отлично работает, не ловчит, честен и порядочен во всем. Таких людей мы должны всячески поддерживать и словом и делом, должны добиваться, чтобы их труд получал должную оценку, чтобы всегда торжествовала социальная справедливость...

Вспоминаются очень правильные слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные в Краснодаре: «Молодежь хочет активно участвовать в перестройке. Мы это чувствуем, и это надо приветствовать». Думаю, что их с полным правом можно отнести к Ирине и Сергею Полянским, Александру Солоху, Виктору Бабаеву.

● Мастера машинного доения Виктор и Тамамат Бабаевы, Сергей и Ирина Полянские (звеньевая) и Александр Солох.

Фото Игоря ФЛИСА

Молодые ленинградские конструкторы Дмитрий Парфенов и Геннадий Хаинов, авторы автомобиля-самоделки «Лаура», считают: «Да». В прошлом году «Огонек» (№ 46) писал о них и о том, в каких условиях им пришлось работать над своим детищем. Теперь Дмитрию и Геннадию предоставлена лаборатория для разработки перспективных моделей. Но проблемы встречаются на каждом шагу. Фирма «Внедрение» протягивает руку помощи, поддерживая молодых ленинградцев в их уверенности: сегодня, сейчас пришло время для появления автомобиля 2000 года.

Проблемы изобретательства и технического творчества, о которых шла речь в беседе с заслуженным изобретателем СССР А. Н. Филипповым («Огонек» № 40), вызвали живой отклик читателей. Действительно, содержимое «красной папки» — не внедренные в народном хозяйстве изобретения — это безвозвратно потерянные вклады на сберегательную книжку нашей экономики. «Огонек» всегда пропагандировал творчество изобретателей и талантливых самоучек. А теперь на своих страницах открывает ЖУРНАЛИСТСКУЮ ФИРМУ «ВНЕДРЕНИЕ». Давайте сообща помогать авторам перспективных изобретений и талантливым самодеятельным конструкторам, сообща бороться с косностью и бюрократией.

Приглашаем рабочих, инженеров, ученых, студентов — всех, кто заинтересован в скорейшей реализации передовой технической мысли,— стать общественными корреспондентами нашей фирмы.

Приглашаем в общественный совет фирмы деятелей науки и техники, заслуженных изобретателей СССР, технических экспертов и руководителей производства. Тех, кто согласен принять участие в работе нашей фирмы, просим откликнуться. Ваша помощь, ваши возможности очень нужны нам.

Конечно, мы не собираемся замахиваться на необъятное, тем более внедрять всякого рода «вечные двигатели». Предлагаем ограничить круг: автомобиль 2000 года, сельская и городская малая транспортная механизация.

Ждем ваших писем! На конвертах не забудьте сделать пометку: «ОТДЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. ФИРМА «ВНЕДРЕНИЕ». Не забудьте указать фамилию, имя, отчество, род занятий и адрес.

ОТВЕТЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НА ВОПРОСЫ:

1. Каким могло бы быть Ваше участие в деятельности фирмы?

2. Какое изобретение Вы считаете перспективным для внедрения? Что на данном этапе осложняет, тормозит его внедрение?

3. Ваши предложения по деятельности фирмы «Внедрение»?

Это была волнующая картина: поцелуи, объятия, рукопожатия, добрые слова напутствий и пожеланий. На глазах корреспондентов и публики, собравшихся на пресс-конференцию в Центральном выставочном зале столицы, расставались единомышленники, соратники, друзья. Еще неделю назад они были в разных странах, на разных континентах земли. И каждый занимался своим делом, своей профессией. Но вот откладывается в сторону недописанная страница книги, прерывается киносъемка, застывают краски на мольберте. Призыв Чингиза Айтматова и воля к миру, к торжеству разума приводят их сначала в Москву, потом во Фрунзе, а потом на берега озера Иссык-Куль.

Они даже не знали, как будет называться то, во имя чего они приехали в нашу страну, ибо название придумают сами: «Иссык-Кульский форум». Отныне так будут именоваться регулярные встречи крупнейших деятелей культуры мира, и речь на них будет идти об одном: как перейти в третье тысячелетие, не разрушив себя, сохранив землю от ядерного пожара.

Сюда, в Манеж, они пришли взволнованные, разгоряченные. Пришли прямо из Кремля, где их принимал Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Этот факт — высшая оценка результатов работы «Иссык-Кульского форума».

навстречу третьему тысячелетию

ОБРЕСТИ СЕБЯ НАДЕЖДОЙ

...Посмотрите на фотографию: крупнейший американский писатель Джеймс Болдуин сажает дерево. Очень символичный снимок. Символ прост: все, приехавшие в Киргизию на Иссык-Куль, в течение недели высаживали росточки мира, росточки будущего. Маленькие, хрупкие, но надежно проклюнувшиеся в благодатной земле.

— Всякое начинание трудно. Тем более такое, за которым стоят сложности объединения индивидуальностей на какой-либо платформе,— говорит ученый секретарь форума, кандидат философских наук Р. Хаиров.— Поэтому необходимо было прежде всего предложить идею, которая послужила бы основой дискуссии на форуме. Идея родилась: всепланетная подготовка встречи третьего тысячелетия как торжества мира, гуманизма и созидания, необходимость рождения нового планетарного мышления как инструмента решения грядущих проблем, творческое могущество человека, способного проложить путь к мирному будущему планеты.

Местом первой встречи была избрана Киргизия, куда Ч. Айтматов пригласил участников форума как личных гостей на «шерне»— традиционное чаепитие. Так родилось новое движение снизу, движение неформальное, движение нового глобального мышления. А если выразить наш замысел кратко, то он звучит так: «Выживание через творчество».

И вот на гостеприимной земле Киргизии собрались выдающиеся деятели культуры разных стран. Среди них американские писатели Джеймс Болдуин и Артур Миллер, президент Римского клуба Александр Кинг, эфиопский художник Афеворк Текле, французский писатель, лауреат Нобелевской премии Клод Симон, итальянский физик Аугусто Форти, американский футуролог Олвин Тоффлер, писатель из Турции Яшар Кемаль, кубинский писатель Лисандро Отеро, общественный деятель Испании Федерико Майор и другие.

За «круглым столом», в дружеской, непринужденной обстановке говорили они о судьбах цивилизации.

Во вступительном слове Чингиз АЙТМАТОВ сказал:

РАСТОПИТЬ ЛЬДЫ ОТЧАЯНИЯ

— Каждый из нас, присутствующих на данной встрече, представляет прежде всего самого себя как личность, а уж потом в известной мере ту или иную страну. Иначе говоря, не столь важно, откуда мы, но важно, кто мы. Важно подчеркнуть личностный характер встречи.

...Друзья, я исхожу из того, что в общем контексте современной мировой культуры каждый из нас имеет свою стезю, обладает индивидуальным видением и собственным голосом в искусстве, в гуманитарных занятиях и науках, а все мы входим в интеллектуальный потенциал мира, созидателей духовных ценностей.

...Я все чаще наталкиваюсь на пугающую меня мысль, что в наше время в силу целого ряда обстоятельств в развитии мировой истории трудно стало полагаться на прежнюю традиционную диалектику бытия — на тот извечный баланс добра и зла, на котором худо-бедно, но держался белый свет. Эта почтенная диалектика мироустройства оказалась ныне, на мой взгляд, вне рамок здравого смысла и потому уже не в состоянии служить инструментом познания современной личности и современного общества.

И потому я задаюсь вопросом: не означает ли это положение вещей наступления принципиально новой эры в существовании человеческого духа на земле, равносильно, скажем, ледниковому периоду в геологической истории планеты? С полюсов как бы наползают льды отчаяния, и мы мечемся на все более сокращающемся для выживания пространстве...

Может возникнуть вопрос: почему выживание и при чем тут творчество? Тут, разумеется, много различных аспектов — исторических, политических, социальных, моральных и прочее... Но есть аспект всеобъемлющий... Лично я воспринимаю это положение ве-

● **Участники форума внимательно слушают друг друга: Клод Симон, Ч. Айтматов, Д. Болдуин, Ф. Майор, А. Текле.**

● **Д. Болдуин.**

щей, как грозное испытание жизненности разума. Ведь прорыв природы к разуму совершался не один миллиард лет. И что же в итоге, к чему пришел разум? Чем грозит обернуться эволюционное развитие сознания? Если корень зла таится в биологии, то неужто это направление в развитии этого вида материи было изначально тупиковым, потенциально гибельным, уходящим со сцены в саморазрушении и самоуничтожении? Неужто было так предусмотрено в генах — человек достигнет грандиозного, непостижимого могущества и рухнет под тяжестью достижения собственного ума? С этим примириться трудно и нельзя — теперь, когда разум сам контролирует самую природу и себя, собственное воспроизводство и собственную эволюцию, предоставить волю силам самоуничтожения было бы по крайней мере преступно.

И тут мы обращаемся в художественном творчестве прежде всего к слову, к духу, к сознанию как таковым, как первоначальным импульсам жизненно мыслящих существ, в надежде, что нескончаемое познание собственной сути поможет человеку выжить и заново обрести себя в условиях неудержимой научно-технической революции, позволяющей все больше наращивать противостоящими сторонами смертоносного для земли вооружения, в условиях подчиненности массовой культуры потребительским интересам и вкусам... И тут мы сталкиваемся неизбежно с глобальной задачей культивирования нового сознания, нового планетарного мышления как средства выживания человеческого общества на рубеже веков, на пороге нового тысячелетия...»

Потом началась дискуссия.

Из выступления Джеймса БОЛДУИНА:

ЗНАТЬ ДРУГ О ДРУГЕ ПРАВДУ

— ...Когда я был мальчишкой, я познакомился с работами Достоевского и Горького. Позже Чехова... Но вот с того момента, когда я появился здесь, я испытываю чувство большого удовлетворения, потому что познакомился с Россией в более широком смысле, а не только по литературе. Я увидел, насколько это разнообразная страна, и у меня создалось совершенно новое впечатление: одно дело — слышать и читать про страну, и другое дело — оказаться в ней, познакомиться с людьми, поговорить с ними, послушать их.

Это великое для меня открытие.

Как часто сегодня наше представление друг о друге основано на легендах, а на самом деле мы воочию должны знать друг друга. Мы знаем друг про друга очень много, но совсем не обязательно правду.

Здесь, на форуме, приехав из разных концов мира, мы научились лучше говорить на языке современности.

Только при таких встречах, когда мы сталкиваемся лицом к лицу, мы начинаем понимать, что существует другая культура, которую мы совсем не знаем, и появляются совсем другие люди, которых мы начинаем узнавать. И нам приходится полностью поменять наши представления, и сегодня нет более важной проблемы, чем возможность преодолеть ограничения, связанные с национальными границами, национальными стереотипами и, если можно так выразиться, с ограничениями, принятыми сегодня на языке политики и социальных систем.

Наверное, таким способом, с помощью таких смелых действий, в которых есть и изрядная доля риска, мы можем познать мир, в котором живем... Слишком долго нам казалось, что нашу безопасность можно обеспечить внутри наших собственных стен, и только теперь мы начинаем понимать, что эти стены не предохраняют нас.

...Мне очень понравилась легенда о том, что человек, побывавший здесь, на вашей земле, обязательно вернется сюда...

СЛУШАТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА

Из выступления американского драматурга Артура Миллера:

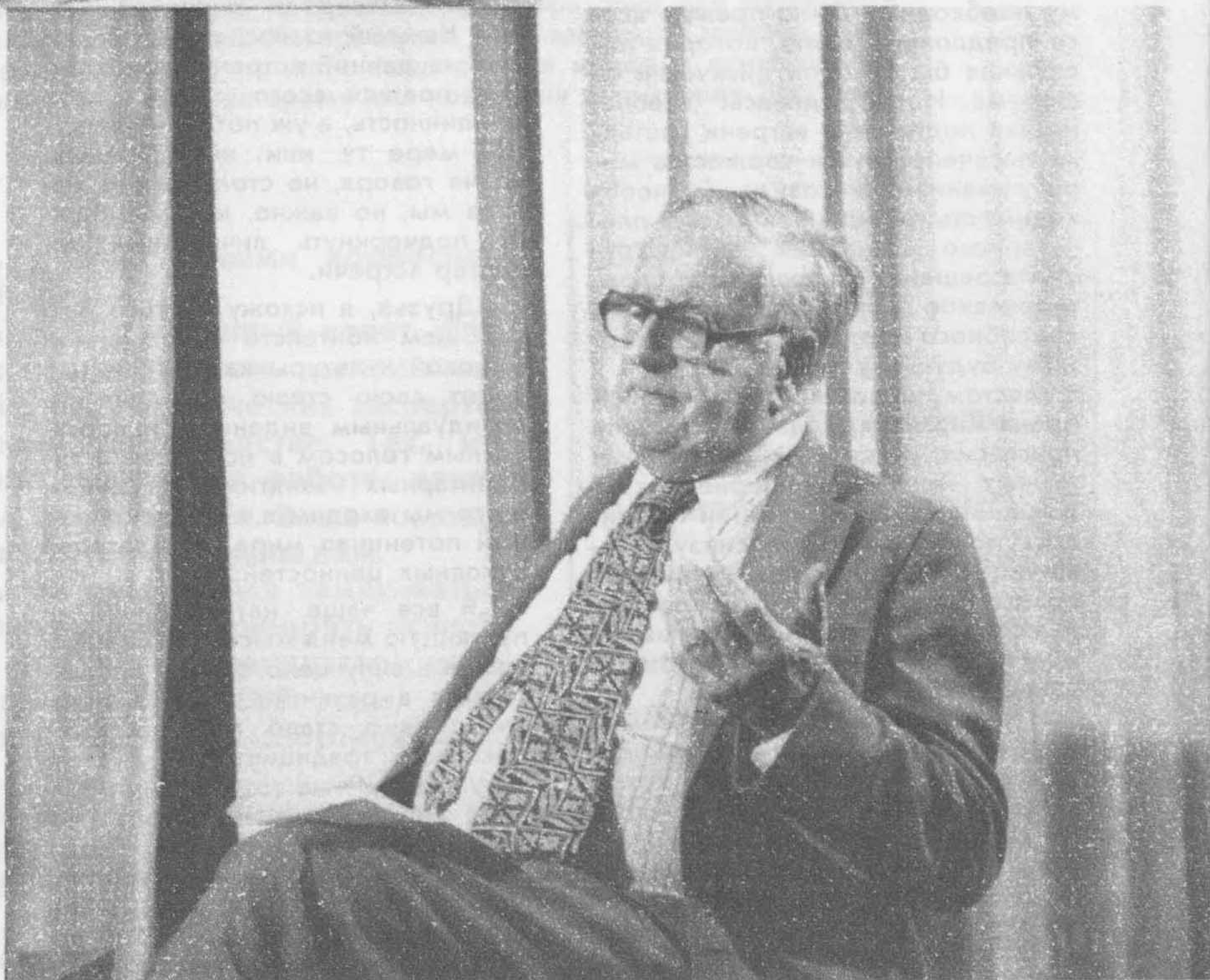
— Пришло время, когда начинают слушать каждого человека. И хорошо, что мы можем сейчас обменяться друг с другом мнениями. Здесь собрались ученые, писатели, художники, и всех нас объединяют проблемы, трудности. И прежде всего вопрос мира на Земле. Но помимо этого у нас есть серьезное желание выйти за рамки своих государственных интересов и идеологий. И говорить друг с другом мы будем просто как люди, которые глубоко обеспокоены тем, что происходит, и тем, что может быть в будущем. Давайте посмотрим друг другу в глаза...

ПОСЕЯТЬ СЕМЕНА НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

В последний день встреч было оглашено и принято участниками

● А. Текле здесь все интересно.

● Двусторонний обмен мнениями: Н. Менон и А. Миллер.

● Выступает А. Кинг.

Фото М. НОВИЦКОГО и М. ЮРЧЕНКО

«Заявление Иссык-Кульского форума»: «Наше будущее уже никогда не будет таким, каким оно бывало в прошлом. Только те из нас, кто способен увидеть скрытое, смогут и совершить невозможное. А значит, нам необходимо иметь свободу для того, чтобы создавать, распространять или преподавать новые способы мышления, требующие многоплановости и способности воспринимать новое. Новые идеи должны распространиться на все области нашей жизни, включая политику, создавая таким образом новое мышление в каждой стране. Будущее не должно зависеть только от решений, принимаемых политиками, и от конфронтаций между отдельными державами. Огромную роль призваны сыграть человеческий гений, сила воображения талантливых людей, инициативы и открытия людей науки, мечты поэтов, надежды всех людей. И только все это вместе взятое поможет посеять семена нового мышления — общего и политического...»

...Когда заканчивалась пресс-конференция в Манеже и Чингиз Айтматов собирался ее закрывать, из публики раздался возглас. Человек не успел подойти к микрофону, но его слышали все. «Вы не пасуйте,— говорил он.— Мы с огромным чувством отмечаем вашу инициативу и верим вам. Мы желаем, чтобы вы продолжили путь, который избрали, и чтобы на этом пути вы были тверды и неуклонны».

Этими словами сказано многое. Ведь дело не только в том, что на Иссык-Кульском форуме говорилось о проблемах научно-технического прогресса и порожденных им противоречиях, о вопросах охраны окружающей среды, о судьбах цивилизации и проблемах выживания человека в ядерный век, о месте и роли художника, творца в современном мире. Дело не только в этих наиважнейших проблемах как таковых.

Дело в том, чтобы люди поверили, что за всеми разговорами, диалогами, обменом мнениями могут стоять и реальные результаты. Чтобы все люди, наконец, поняли, что главное сегодня — услышать друг друга. Услышать и понять. Что только общими усилиями можно построить такой мир, о котором мечтает человечество.

До третьего тысячелетия нашей эры осталось пятнадцать лет. Для истории срок незначительный. Во всем мире, в каждой стране будет происходить подготовка к этой «круглой» дате, к этому знаменательному событию в истории людей. С чем придет человечество к этому рубежу? Что из содеянного цивилизацией достойно того, чтобы взять с собой в третье тысячелетие! От чего народы мира должны быть избавлены уже в самое ближайшее время! Сегодня миллионы и миллионы поддерживают слова М. С. Горбачева в Заявлении от 15 января 1986 года: к двухтысячному году избавить человечество от ядерного оружия.

Материалом «Обрести себя надеждой» журнал «Огонек» открывает новую рубрику «Навстречу третьему тысячелетию» и приглашает наших читателей к размышлениям на эту тему.

Публикацию подготовили Ф. МЕДВЕДЕВ, Д. НИКОЛАЕВ

Через год все прогрессивное человечество будет отмечать 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Сегодня мы возвращаем вас памятью к борьбе чекистов по охране и защите великих завоеваний Октября в первые годы молодой республики. Это в то же время дань нашего уважения к летописцам борьбы за становление Советской власти в стране. «Огонек» не раз еще обратится к этой теме.

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ГОЛУБОЙ СВЕТ»

В. ЗАСЕЕВ

Уже стемнело, когда оперативный отряд прибыл на станцию Перово. Дачи в эти часы наглухо запирались, и лишь лай собак нарушал тишину загородной жизни.

«Операция началась ровно в 20.30. Ларцев тихо открыл наружную дверь подворья, предварительно выведя из строя звуковую сигнализацию. Немецкие овчарки, охранявшие двор, вылезли из будок и настороженно смотрели на неожиданно и бесшумно открывающуюся калитку... В большом зале собралась вся колония «Континенталя». Портрет президента Гинденбурга был снят со стены. Стальная дверь сейфа была открыта, на столе в беспорядке разбросаны бумаги. Колония явно готовилась к эвакуации.

— Оружие на стол!— приказал Ларцев.

— О, мой бог!— воскликнул Бюхнер и, разведя руки в стороны, с кислой улыбкой глядя на бумаги, тихо произнес:— Ну что же, берите их!— Потом посмотрел на портрет Гинденбурга и шепотом добавил:— Новое правительство фюрера нам не простит такого провала...»

Этой острой сценой заканчивает свою книгу «Покушение на ГОЭЛРО» бывший чекист Александр Поляков. Книга сравнительно недавно вышла в Политиздате двухсоттысячным тиражом и молниеносно исчезла с прилавков магазинов.

Я сижу в доме Александра Антоновича Полякова и перелистываю страницы его произведений. К сожалению, автора нет в живых. Несколько месяцев назад он скончался, так и не успев завершить очередную книгу о героических подвигах соратников Ф. Дзержинского.

— Последние годы Александр Антонович работал чуть ли не по двадцать часов в сутки,— вспоминает жена ветерана госбезопасности Раиса Михайловна Цыганкова.— Он очень хотел как можно больше рассказать молодежи о трудностях становления Советской власти, против которой ополчились враги всех мастей.

Да, трудным было время, которое с достоверностью летописца воспроизводит в своих книгах автор. И это неудивительно, ведь А. Поляков сам был свидетелем многого из того, о чем узнаем мы из его книг.

«В начале двадцатых годов на территории РСФСР,— читаем мы у Полякова,— действовала так называемая Американская администрация помощи — АРА, во главе которой стоял кадровый военный разведчик, полковник Вильям Хаскель. Большинство сотрудников АРА были также офицерами американской разведки, и их деятельность, проходившая под маской благотворительности, преследовала враждебные цели». В упряжке с американцами находились англичане и немцы.

Одной из операций противника тех дней была операция под кодовым названием «Голубой свет». Вот как описывает это автор книги.

В один из дней на сверхсекретном совещании в русском отделе английской разведки «Интеллидженс сервис», на котором присутствовал Дени Росс, шел разговор о подготовке операции «Голубой свет».

— Советы укрепляют свои позиции в мире, и вряд ли стоит надеяться на то, что большевики будут устранены завтра, в следующем месяце или даже в будущем году,— говорил неторопливо доктор Росс.— Вот почему мы с вами теперь должны планировать свое наступление на Россию на продолжительный срок. Поэтому же наши будущие совместные операции должны быть длительно действующими и хорошо подготовленными, как на шахматной доске Капабланки...

Росс прежде всего выдвигал задачу вербовки агентуры из числа советских специалистов, чтобы беспрепятственно наносить удары по экономическому потенциалу Страны Советов. И в первую очередь по новым электростанциям. Доктор философии Дени Росс, изучавший марксизм и тщательно проштудировавший многие труды В. И. Ленина, хорошо понимал, какую ценность представляет для молодого Советского государства план ГОЭЛРО.

Неторопливо и тщательно просчитывал свои ходы доктор Росс. «В России, как видно из советской печати, стихийные силы устраивают в различных областях хозяйства саботаж. Наша задача,— наставлял своих партнеров Росс,— придать ему организованную и более совершенную форму... В нем наше будущее самое главное оружие, и его надо использовать в более широком масштабе для того, чтобы подорвать большевистскую экономику изнутри, руками самих русских...»

И вот начинают выходить из строя одна за другой турбины фирмы «Континенталь». Поставщики и слушать не хотят о якобы допущенных фирмой дефектах. «Вы считаете, что государством могут управлять кухарки. Это ваше внутреннее дело. Но допускать возчиков к обслуживанию техники — нонсенс!» — бросает в лицо нашим специалистам иностранный делец-разведчик. И хотя молодые советские энергетики изо всех сил старались обслуживать зарубежные турбины в строгом соответствии с техническим предписанием, но... когда в турбинном масле обнаруживается наждачный песок, крыть становится нечем. Враг торжествует, враг доволен.

Нет, не скрывает неудач первых лет борьбы с опытным врагом автор книги «Покушение на ГОЭЛРО». Авария с крупным мотором на Златоустовской электро-

станции, умышленная поломка генератора на Зуевской районной электростанции, выведение мотора питательного насоса на Уральской ГРЭС, аварии на Челябгрэсе, на Бакинской, Шатурской и Каширской станциях... Все это дело рук иностранных разведок и их затаившихся пособников из числа контрреволюции. Но чекисты уверенно идут по следу врагов и в решающий момент пресекают основные диверсии. Доктор Росс и его компания получают мат в этом шахматном поединке. Операция «Голубой свет» проваливается, так и не успев накалить обстановку в стране Октября. «В противоборстве с ползучей контрреволюцией,— пишет А. Поляков,— с объединенными силами английской, американской, германской разведок выиграть войну умов помогло молодое поколение коммунистов, пришедших в ОГПУ из технических вузов, вчерашние рабочие и крестьяне. Вот почему ни одна электростанция, ни одно крупное предприятие в Советском Союзе не были взорваны!»

Целая плеяда выдающихся чекистов того времени проходит перед нами на страницах книг А. Полякова: Ф. Дзержинский, А. Артузов, И. Уншлихт и, конечно же, В. Менжинский. Будучи начальником Особого отдела и членом коллегии ВЧК, Вячеслав Рудольфович Менжинский зачастую был мозгом большинства крупнейших операций по обезвреживанию врага. Человек высочайшей эрудиции, свободно владевший тринадцатью (!) языками, он был в курсе многих заговоров, готовящихся против СССР, и умело обезвреживал их. Вот почему для сотрудников ВЧК не был особым сюрпризом американский план «Инкуайри» — проект покорения Европы, в том числе и России, при помощи экономических и финансовых методов давления. Тем не менее план этот против объятого голодом первого в мире социалистического государства начинал претворяться.

С одной стороны, промышленные диверсии, саботаж, с другой... стремление «бить по Советской власти американским хлебом». С этой целью уже знакомая читателям американская организация АРА, допущенная на территорию СССР, проводила в жизнь жесткую линию плана «Инкуайри», согласно которому США подвергали целые страны либо экономической блокаде, что обрекало население на голод и нищету, либо бросали им время от времени небольшие подачки, заставляя следовать в фарватере политики Вашингтона. Не случайно В. И. Ленин предложил Ф. Дзержинскому создать особую группу ВЧК по наблюдению за враждебной деятельностью АРА. И возглавить ее было поручено В. Менжинскому.

Страницу за страницей своей книги «Диверсия под флагом помощи» посвящает борьбе чекистов с разведчиками из АРА А. Поляков.

Конец сентября 1921 года. В Москву прибывает почти весь аппарат русского отдела АРА. Встреча на перроне Виндавского (Рижского) вокзала хотя и прошла по этикету, но ни приветственных речей, ни дипломатических церемоний не было. Американцы разместились в особняке на Спиридоновке и...

Шаг за шагом следим мы за действиями заокеанских гостей, которыми руководит полковник Вильям Хаскель, проникаем в святая святых отдела под кодовым номером два, состоящего из кадровых военных разведчиков, главной целью которых был сбор секретной информации и передача ее за океан.

Стылый, голодный 1921 год. Вымирают целые улицы в городах, целые деревни. Люди тянутся к куску хлеба, и АРА умело играет на этом. В Среднем Поволжье она превращается в оплот белогвардейщины. Все ее инспектора, как на подбор, оказываются бывшими белогвардейцами. Это они комплектуют местные комитеты РАКПД (Российско-американский комитет помощи детям) из бывших офицеров, попов и эсеров. И в результате места в столовых, как правило, занимают дети кулаков, а вдовы убитых и пропавших красноармейцев, имеющие малолетних детей, остаются обреченными на голодную смерть.

Со временем АРА начинает действовать более нагло и откровенно. Узнав по своим каналам, к примеру, что один из эсеров уговорил членов Исаклинского комитета РАКПД подписать составленный на десяти листах план свержения Советской власти и установления нового строя, как тут же в распоряжение контрреволюционного подполья от АРА поступает обоз с продовольствием. А вот еще пример. Когда в Пугачевский уезд приехал из миссии АРА американец Маклинток, то первым делом он связался не с представителями Советской власти, а с местным попом и муллой. Те, в свою очередь, вывели Маклинтока на атамана банды, действовавшей против Советов. И тут же, следом, в распоряжение «друзей» Маклинтока прибывает обоз с продовольствием. И таких примеров накапливались десятки, сотни. Враг наглеет, распоясывается все больше и больше. В связи с усилением подрывной деятельности АРА ВЧК издает специальный приказ: «По нашим сведениям, американцы в организацию АРА привлекают враждебные Советской власти элементы, собирают шпионскую информацию в России и занимаются скупкой ценностей... Таким образом, внутри России, кроме организаций подпольных, особое значение приобретает деятельность АРА... ВЧК предлагает местным органам установить порядок предварительного одобрения местной властью кандидатов на службу в иностранные организации помощи голодающим затем, чтобы лиц, враждебно настроенных против Советской власти, к работе не допускать. В случае обнаружения таковых — увольнять...»

Американцы протестуют, «лезут в бутылку», грозятся и вовсе прекратить поставки хлеба, для них оскорбительны подозрения в нелояльности к новому строю. Но факты, добытые чекистами, неопровержимы. А вскоре миссии Вильяма Хаскеля пришлось сматывать удочки с территории Советского государства...

Чем дальше удаляется от нас славное время первых лет Советской власти, тем больше хочется узнавать о нем.

В Политиздате мне показали рукопись, которую принесла в издательство Татьяна Алексеева. Увлекшись судьбой одного из самых прославленных чекистов того периода, молодой кандидат филологических наук засела в архивы и написала книгу «Доверено защищать революцию» о Глебе Ивановиче Бокие. В марте 1918 года по указанию ЦК он был назначен заместителем председателя Петроградской ЧК, стал правой рукой М. Урицкого.

Завершенные операции, разоблачение заговоров и предотвращение злодеяний, диверсий были, как правило, плодом кропотливейшего, тяжелого труда. И не всегда успех сопутствовал чекистам, особенно поначалу, когда молодые и неопытные бойцы не до конца и не сразу смогли разобраться, с каким матерым, беспощадным и коварным врагом им предстояло бороться. «Старый мир был загнан в угол,— пишет в своей книге Татьяна Алексеева,— а даже крыса, загнанная в угол, может кинуться на человека. Но враг был не крысой. Если и сравнивать его, то, пожалуй, более подходящей будет волчья стая, обезумевшая от ярости и ненависти... И начиналась беспощадная борьба. И победить в ней могли только беззаветно преданные делу В. И. Ленина люди...»

Огромная роль в подготовке таких людей отводилась партией самым опытным революционерам, прошедшим трудные годы подпольной борьбы. Глеб Иванович Бокий был одним из них.

Представить, сколь высоко оценивался Г. Бокий в стане врагов, можно по такому факту. Когда после ареста одного из заговорщиков в руки чекистов попал список лиц, наиболее опасных для контрреволюционеров, то под номером 1 в этом списке значился Г. Бокий.

С большой теплотой рассказывает о своем герое Татьяна Алексеева. Перед нами проходят многие события тех дней: убийство Урицкого, после чего Глеб Иванович Бокий был назначен председателем ПетроЧК, раскрытие нескольких контрреволюционных заговоров и борьба со спекулянтами и расхитителями продуктов, подавление мятежа эсеров и многое другое. И в каждом эпизоде, скрупулезно выверенном и описанном автором, перед нами встает образ верного ленинца, преданного делу революции человека.

Партия часто бросала Г. Бокия в самые горячие точки страны, и он с честью выходил из труднейших положений. После назначения начальником Особого отдела Туркестанского фронта и Чрезвычайным представителем ВЧК в Туркестане Глебу Ивановичу не раз приходилось принимать личное участие в разработке и проведении сложнейших операций. Так, летом 1920 года военные контрразведчики и чекисты Туркестана под его руководством полностью обезвредили и ликвидировали крупную шпионскую организацию, которую возглавлял инженер Соколов, работавший на железнодорожном транспорте. Завербованный английской разведкой, Соколов сумел раскинуть агентурную сеть в Ташкенте, Бухаре, Фергане и других городах Средней Азии. Поддерживая связь с главарями басмаческих банд, его агентура добывала сведения о расположении, состоянии и передвижениях частей Красной Армии, саботировала многие добрые начинания Советской власти, занималась подрывной деятельностью в промышленности. Английские спецслужбы явно рассчитывали на слабость и неопытность чекистских органов молодой республики. Но их надежды не сбылись.

Весну 1921 года Глеб Иванович Бокий встретил в Москве. И сразу же, по заданию В. И. Ленина, включился в дело о Гохране, где давным-давно процветало хищение ценностей: золота, платины, драгоценных камней. И Г. Бокий безукоризненно провел его. Ибо понимал, что каждый драгоценный камень, пропавший из Гохрана, оборачивался для страны отсутствием дополнительного вагона зерна, а каждый золотой слиток — необходимым стране паровозом, трактором, машиной...

«Перебирая год за годом жизнь Глеба Ивановича Бокия,— пишет в заключение своей книги Т. Алексеева,— не перестаешь удивляться, как много он успел сделать, как много успели сделать его друзья и соратники. Они были первыми — основатели и строители нашего государства. Они были всегда на своем месте, ибо место их было там, куда направляла партия. Они сами творили книгу своей жизни, где каждая строка и слово написаны кровью, отданной во имя народа».

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«Министерство культуры СССР рассмотрело выступление «Огонька» «А в цирке по-прежнему грустно...» (№ 39) и сообщает, что в настоящее время принимаются меры по упорядочению деятельности Всесоюзного объединения государственных цирков. Издан приказ министерства «О мерах по усилению контроля за производственно-эксплуатационной деятельностью цирковых коллективов, охраной труда и техникой безопасности объединения», в котором приняты серьезные меры административного воздействия к руководителям В/О «Союзгосцирк».

С целью повышения идейно-художественного уровня программ, аттракционов и номеров в В/О «Союзгосцирк» введена должность главного режиссера объединения и создан отдел перспективного развития циркового искусства, который возглавляет народный артист РСФСР В. В. Головко.

Специально созданной комиссии министерства поручено осуществить глубокую проверку деятельности объединения и в ноябре 1986 года вынести вопрос на рассмотрение коллегии министерства.

О результатах рассмотрения вам будет сообщено дополнительно.

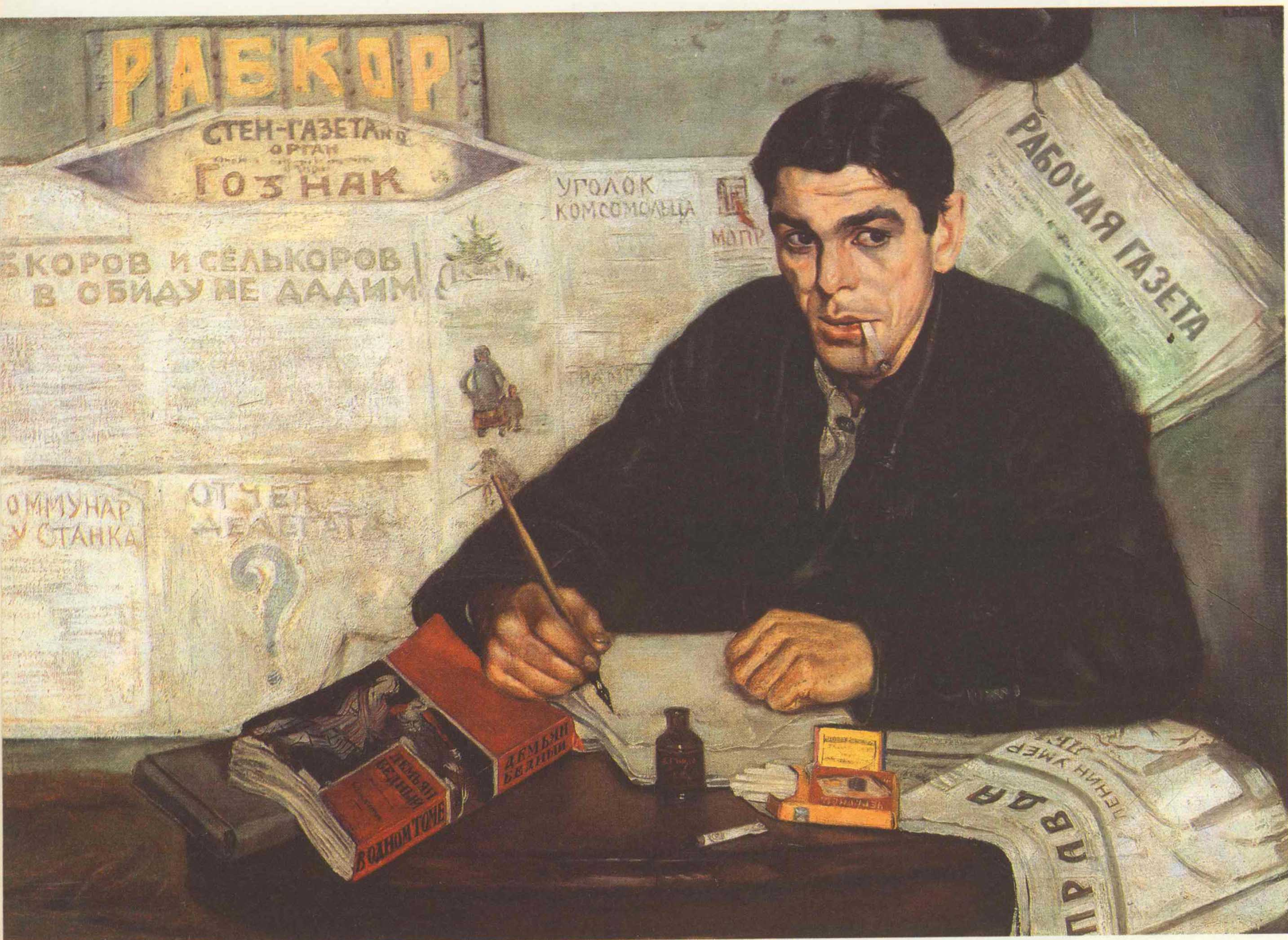
Г. А. ИВАНОВ, заместитель министра культуры СССР».

ОТ РЕДАКЦИИ. Конечно, мы подождем результатов работы комиссии, а затем отдел искусств вновь вернется к разговору о положении дел в «Союзгосцирке».

Государственная Третьяковская галерея.

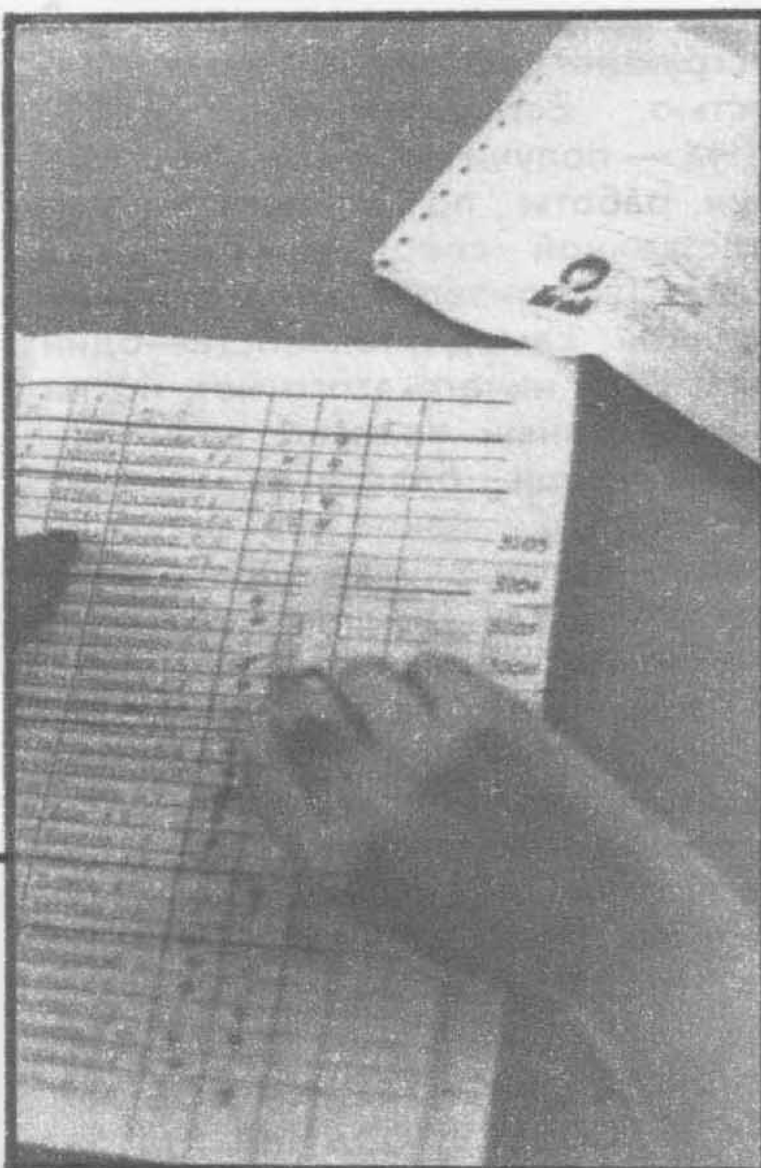
Г. Ряжский. 1895—1952. ДЕЛЕГАТКА. 1927.

В. Перельман. 1892—1967. РАБКОР. 1925.

Государственная Третьяковская галерея.

Сегодня в нашей новой рубрике «Я и семья» разговор пойдет на тему, которая была самой острой в минувшее лето в семьях, где дети-абитуриенты готовились стать студентами, но не перешагнули студенческого порога. Каждому понятно, что экзаменационный отсев неизбежен и что с годами он становится все более жестким. Новые правила для поступающих в вузы, балл «за призвание», профориентационное собеседование сделали этим летом вузовскую проблему животрепещущей едва ли не для каждой семьи. Вопросы, недоумения, сомнения по этому поводу и в письмах читателей. МЫ ПРИГЛАСИЛИ К РАЗГОВОРУ НА ЭТУ ОСТРУЮ ТЕМУ АКАДЕМИКА АПН СССР АРТУРА ВЛАДИМИРОВИЧА ПЕТРОВСКОГО.

ТАЙНА ИНСТРУКЦИИ N 22

А. В. ПЕТРОВСКИЙ,
академик АПН СССР

ЧУДЕСА ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКИ

Не скрою, мне, заведующему кафедрой педагогики и психологии Московского университета, в эти месяцы приходилось нелегко. Вопросы, которые мне задавали, были более прямыми и откровенными, чем поначалу мои ответы. Основной аргумент, которым приходилось пользоваться, если мои собеседники слишком уж полыхали эмоциями по поводу различных неурядиц, возникающих в новой ситуации, звучал так: «Ну, что вы хотите, друзья? Идет эксперимент. Итоги подводить рано. Минвуз проанализирует результаты и откорректирует процедуры для будущего».

Я и в самом деле убежден, что итоги эксперимента будут подвергнуты в Минвузе тщательному анализу с участием педагогов, психологов, руководящих работников вузов всех профилей и заинтересованных ведомств, и тогда можно будет сказать, что было хорошо, а что плохо. Все, о чем пойдет речь дальше, следует рассматривать лишь как некую дополнительную информацию для предстоящего анализа.

...Вторая половина июля. Иду по коридорам педагогического института крупного города. Здесь я не первый раз — хорошо знаю ректора, проректора, заведующих кафедрами, преподавателей. Знаю, что в институте хорошо поставлена профориентационная работа. Основной упор делается на педагогические классы, где задолго до окончания школы формируется педагогическое мышление, осваивается литература по проблемам обучения и воспитания.

На дверях аудиторий висят таблички «Профориентационное собеседование по...» и далее — название специальности. Толпы перед дверями. На каждого, кто выходит, наваливаются грудой: «Что спрашивали?» Знакомые экзаменационные мистерии, и все же... Давайте остановимся перед аудиторией и немного поразмышляем. Согласно инструкции Минвуза СССР, «профориентационное собеседование проводится с целью оказания помощи поступающему в выборе специальности в соответствии с его склонностями. По итогам профориентационного собеседования абитуриенту может быть начислено до трех баллов».

Что об этом можно сказать теперь? Не хотелось бы высказывать безапелляционного суждения, но пойду на риск. Утверждаю, что комиссия, состоящая из декана, двух-трех преподавателей и представителя общественных организаций, за несколько минут (а через эту аудиторию проходят пятьсот — шестьсот поступающих) не только не сможет определить склонности абитуриента, но вообще что-либо сказать о нем как о личности, не говоря уже о его призвании. Впрочем, это не смогли бы сделать и пять профессоров психологии. Пусть бы они даже были оснащены личностными тестами и имели на каждого поступающего по три-четыре часа времени. Не будем выдавать желаемое за действительное! Нет пока у нас такой экспресс-диагностики способностей и склонностей. Над ней еще надо работать. И не случайно об этом как задаче на будущее говорится в проекте постановления ЦК КПСС о перестройке высшей школы. А пока комиссии придется опираться лишь на рассказы абитуриента.

...Мы открыли дверь аудитории, где шло профориентационное собеседование. Меня поражал глухой ропот: «Еще один собеседник на нашу голову!» Дальнейшее оказалось вовсе неожиданным.

...За столом сидела робкая девушка. Усталые члены комиссии задавали вопросы. Очевидно, вносить разнообразие в вопросы им было мучительно трудно (ведь это был уже четыреста шестнадцатый абитуриент!). Впрочем, находясь еще по ту сторону двери, я успел услышать некоторые из этих вопросов: «Девочки, как называлась книжка Сухомлинского, о которой они все спрашивают?» «Сердце отдаю детям». «А если спросят, какую общественную работу вела в школе?» «Скажи: шефский сектор». Вопросы, разумеется, даже отдаленно не могли выявить педагогические склонности и способности, но все-таки сами по себе не вызывали у меня протеста. Куда педвузу было до изобретательности, которой прославились приемные комиссии расположенного неподалеку медицинского института: «Какой девиз Игр доброй воли? Назовите трех президентов стран Латинской Америки. Кто из иностранных государственных деятелей приехал в Москву 14 июля? Назовите известных вам врачей вашего города». Вот какие там задавались вопросы. Впрочем, одну девушку спросили, почему она выбрала этот институт. «Я хочу быть врачом»,— неосторожно ответила она и заслужила реплику: «Неубедительно!» Абитуриенты, поступавшие в мединститут, как, впрочем, и в соседний — педагогический, быстро сориентировались. И если в первые дни собеседований они наивно выкладывали комиссии свои заветные мечты: хочу быть микрохирургом, психотерапевтом, анестезиологом, бактериологом,— то уже через несколько дней все как один объявили, что мечтают быть амбулаторным врачом и никем более.

Собеседование в аудитории про-

должалось, и начал я понемногу ориентироваться в ситуации. Вот отвечает, краснея и сбиваясь, милая девчушка. Как умно говорит она о детях, знает педагогическую литературу, и трудности профессии ей знакомы: родители — учителя и бабушка у нее учитель. Запрятав подальше мой скепсис психолога, я уже готов согласиться, что собеседование все-таки полезное дело. Пусть не склонности, но известную подготовку к нашему педагогическому делу все же выявляет. Жду, что девушка получит свои три профориентационных балла, которые ей положены, как сказано, «по итогам профориентационного собеседования». Но... тут-то начинается фантасмагория. Председатель комиссии, глядя куда-то в сторону, произносит: «Согласно инструкции № 22 министерства, мы ставим вам ноль баллов по профориентационному собеседованию и... рекомендуем к поступлению в пединститут!»

Как же так? Поставить ноль баллов по профориентации, то есть признать, что человек абсолютно не ориентирован на профессию педагога, и рекомендовать его в институт, который готовит учителей! Это не укладывалось в голове — ведь именно эта абитуриентка показала себя куда лучше в сравнении с теми, кто вышел из аудитории с одним, двумя и даже с тремя баллами. В этом следовало разобраться, и я выяснил, почему у председателя комиссии был виноватый голос, когда она объявила этот странный вердикт. Согласно инструкции № 22 Министерства высшего и среднего специального образования СССР, комиссия, которая проводит профориентационное собеседование, фактически совершенно бесправна, и баллы, которые она выставляет, предопределены заранее. В инструкции все расписано с точностью. Есть у тебя медаль ВДНХ — получи три балла. Есть стаж работы по избранной или родственной специальности — два балла. Ты призер смотра художественной самодеятельности—один балл. Если ничего этого нет, но ты прирожденный педагог, врач, инженер — ноль баллов и никаких исключений!.. Какое же значение имеет в таком случае собеседование? Где, как и для чего оно должно быть зафиксировано? Увы, об этом ничего не сказано. Почему же инструкция предписывает ставить дополнительные баллы по итогам собеседования, если по его итогам, не нарушив инструкцию, поставить их ни в коем случае нельзя?

ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

В последнее время ответственные сотрудники Минвуза СССР разъясняли, что профориентационное собеседование не является экзаменом, «провалиться» на нем, дескать, нельзя, и задача его «не отсев случайных людей, а выбор тех, кто имеет особые права и настоящие способности». Если исходить из того, что я увидел и услышал в тот месяц (допускаю, что моя информация неполная), «провалиться» на собеседовании действительно нельзя, хотя бы потому, что его содержание, согласно инструкции, в расчет не идет вообще (впрочем, если вузы ее не нарушают, что я, не имея конкретных фактов, все-таки подозреваю). Подобное собеседование не только не может дать отсев, но и отбор для поступления в вуз по способностям не обеспечит. Было сказано, что «отсутствие дополнительных баллов не является «минусом» при конкурсном отборе». Если так, то здесь необходимы какие-то добавочные пояснения вузам и абитуриентам. Ведь отношения между поступающими по необходимости носят конкурентный характер. Если у кого-то появился даже один лишний балл в дополнение к экзаменационным оценкам, то при прочих равных обстоятельствах отсутствие такого же балла в условиях конкурса — это неизбежный минус для другого!

Не хотелось бы, чтобы на основании некоторых высказанных мною соображений возникло представление, что я выступаю против эксперимента по усовершенствованию отбора и приема в вузы. Думаю, что Минвуз берет в целом правильный курс на ограничение тотальных прав конкурсных экзаменов. Их недостатки хорошо известны. Понятна его попытка как-то дифференцировать контингент поступающих по объективным, документально подтверждаемым критериям. Справедливо и стремление вуза выяснить степень подготовленности к нему абитуриента за пределами школьной программы и в пределах круга интересов будущего профессионала. Здесь, конечно, надо искать, экспериментировать, а раз так, то ошибки столь же вероятны, как и удачи. В науке, даже если экспериментальные данные и не отвечают гипотезе, это не может быть поставлено в «минус» экспериментатору, ведь это дает возможность глубже проанализировать и уточнить гипотезу. Но когда в эксперименте участвуют люди, тем более молодые и легко ранимые, нужно быть предельно осмотрительным.

Опираясь на приведенные выше соображения, я попытался осуществить самый предварительный анализ профориентационного собеседования в трех его измерениях.

ПЕРВОЕ — ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Изначально предполагалось, что собеседование может выявить склонности абитуриента, его настоящие способности, призвание. К сожалению, на это пока рассчитывать, за редкими исключениями, не приходится. Собеседование, тест, анкета и т. п. не могут ничего сказать о способностях и склонностях — они проявляются только в динамике их формирования.

ВТОРОЕ — ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Что-то не получилось, на мой взгляд, с инструкцией № 22. Ориентируя вуз и абитуриента на профориентационное собеседование, по итогам которого должны быть выставлены дополнительные баллы, она тут же подменяет его результаты баллами, которые строго ограничены наличием конкретных документов.

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ. Я не стану затруднять читателя «Огонька» нагромождением академических человеко-часов, которые оказались непродуктивно затрачены преподавателями. Я рассказал о том, как обидно бесполезно было потрачено время членами комиссии в одном лишь пединституте. У нас в стране их более двухсот, а вузов в целом? Сколько же подобных годовых «нагрузок» поглощает это мероприятие и как они будут оплачиваться — об этом невольно приходится думать! (Между тем при имеющемся перечне обязательных критериев, которым должны соответствовать документы, выставить дополнительные баллы может один секретарь приемной комиссии при участии двух-трех сотрудников!)

А в заключение нельзя не упомянуть **О ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ СОБЕСЕДОВАНИЯ — НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ.** Я имею в виду то состояние души и сердца, с которым абитуриенты покидают уважаемый и желанный вуз после скоропалительного и непонятно проведенного собеседования. Очень хочется надеяться, что будущее лето не принесет столько разочарования ни родителям, ни детям, ни педагогам.

ПОЧТА НЕПТУНА

33. Bulgaria, Sofia, 1606.
Bul. „Skobelev" 27. tel. 52-41-58.
D-r med. Georges Iconomov

ДСО „РИБНО СТОПАНСТВО"
КЛОН ОКЕАНСКИ РИБОЛОВ БУРГАС
КОРАБ ОRT „Pingvin"
СМЯНА № 18 Burgas
НЕТО Lisboa - Murmans
КАЧЕСТВО 73° 73 personnes
ДАТА 12.00 h 25. 07. 1980.

Одно из писем, которое Георги Икономов отправил «почтой Нептуна».

Говорят, что изобретателем такого вида связи был греческий моряк, живший за триста лет до нашей эры. Он решил доказать, что вода в Средиземное море поступает из Атлантики. Запечатав записки в амфоры, он опустил их в океан за Гибралтаром. Некоторое время спустя одна из них была найдена у берегов Сицилии.

Издавна «почтой Нептуна» пользовались люди, потерпевшие кораблекрушение, чтобы послать мольбу о помощи.

В Англии даже существовала придворная должность — «открыватель океанских бутылок». В его обязанности входил поиск выброшенных на берега королевства сосудов и чтение записок, находившихся в них. Эта должность просуществовала более двух с половиной веков. «Почта Нептуна» позволила дописать не одну страницу истории мореплавания.

И сейчас «бутылочная почта» существует: к ней прибегают романтичные влюбленные, а также хитрые рекламные фирмы, которые запечатывают в яркие бутылки описания своих товаров...

Есть и вполне серьезные люди, которые бросают в море бутылки с записками, имея вполне конкретную цель: изучить океанские течения, которые влияют на климат планеты, на движение косяков рыбы. Исследователи Арктики использовали деревянные поплавки и металлические контейнеры для выяснения картины дрейфа льдов в северных морях.

Судовой врач болгарин Георги Икономов уже более пятидесяти лет опускает свои письма в почтовый ящик — океан. Он отправил их более одиннадцати тысяч и получил ответы из разных стран.

«Это настоящая удача, что во время каникул я нашел Ваше послание!» — пишет одиннадцатилетний французский школьник Пьер Глуэр. А рыбак Буссета Бен Али из Алжира так выразил свои чувства: «Господин Джордж, я впервые пишу иностранцу. Это просто чудесно, что мы выловили Ваше письмо! Мне очень хочется с Вами встретиться...»

«Почта Нептуна» продолжает действовать. Отдыхавшие в «Артеке» советские школьники и одноклассники Саманты Смит с борта теплохода, названного именем маленькой американки, вместе отправили свои письма с рисунками и призывами к миру и дружбе. А экспедиция журнала «Вокруг света» с борта шхуны «Полярный Одиссей» опустила на границе Белого и Баренцева морей свое оригинальное послание — спасательный круг с обращением ко всем мореплавателям.

Содержание большинства таких посланий — призыв к миру и дружбе, к совместной борьбе против войны.

По материалам болгарского журнала «Антени» подготовил В. МИХЕЕВ

ПЛАНЕТА, ОСТАНЬСЯ НАВЕКИ!

Юрий **КУЗНЕЦОВ**

Вокруг творчества поэта Юрия Кузнецова идут острые, подчас даже предельно острые споры, но в этом нет ничего необычного: из истории литературы хорошо известно, что резкие споры вызывало поначалу творчество многих — в том числе даже и самых «бесспорных», на наш нынешний взгляд,— поэтов.

Споры о поэзии Юрия Кузнецова обусловлены, в частности, тем, что она непроста для восприятия. И не столько из-за особой сложности ее художественного «языка», но в силу того, что поэт ставит перед собой исключительно масштабные цели. Он стремится видеть и воплощать мир во всей беспредельности его пространства и времени. В творчестве Юрия Кузнецова это извечное устремление поэзии выступает с необычайной прямотой и заостренностью и как бы готово пронизать собою любой поэтический образ.

Овладевшее поэтом стремление видеть все, о чем он говорит, перед лицом вечности и безграничности мира, вне всяких сомнений, порождено самой современной эпохой. Именно тогда, когда поколение, к которому принадлежит Юрий Кузнецов, входило в жизнь, наша планета реально стала тем единым миром, где совершившееся в любой точке событие так или иначе откликается повсюду. Именно в это время человек впервые вышел за пределы Земли, в космос, и смог узреть свою планету целиком. Именно на сегодняшнем историческом гребне, когда трагедийной вероятностью стала гибель человечества, возникает обостренное видение всего человеческого пути в его единстве, в неразрывной связи всех времен.

Это, конечно, только отдельные проявления тенденций, имеющих прямое отношение к творчеству Юрия Кузнецова — творчеству глубоко и жгуче современному.

Вадим **КОЖИНОВ**

ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Звезда покатилась — трава
поднялась,
Закат обернулся рассветом.
На землю приходят один только
раз.
Что думает мальчик об этом?
Цветите, цветы, у родного крыльца!
Шумите, зеленые ветки!
Надежда и вера, стучитесь
в сердца!
Родные, останьтесь навеки!

Война прокатилась — земля
сотряслась,
Она разминулась с рассветом.
На землю приходят
один только раз.
Что думает воин об этом?
Грядущие беды таятся в былом.
И снова долины и реки
Война осеняет совиным крылом.
Отчизна, останься навеки!

Душа потерялась,
любовь не нашлась,
Ракиты не верят ракетам.
На землю приходят
один только раз.
Что думают люди об этом?
Священные рощи пусты, но зато
Полны бомбовые отсеки.
О вечном покое не помнит никто.
Народы, останьтесь навеки!

Останьтесь, родные! Заря занялась!
Мы дети единого круга.
На землю приходят
один только раз,
Так будем достойны друг друга!
Цветите, цветы, у родного крыльца!
Шумите, зеленые ветки!
Надежда и вера,
стучитесь в сердца!
Планета, останься навеки!

К РОДИНЕ

Ты во имя грядущей любви
Города сотрясала и села.
И гиганты, и бесы твои
Вырывались из бездны раскола.

Принимала ты все племена,
И друзей, и врагов обнимала.
Хоть меняли твои имена,
Ты текучей души не меняла.

Мужики называли святой,
Сыновья-нигилисты — проклятой.
Умывая ладони землей,
Вон стоит твой последний оратай.

Взгляд в себя
и вселенский размах...
Как тебя величать, он не знает.
На твоих бесконечных холмах
Он ладони вкруг солнца смыкает.

●

Твои воды одеты в гранит,
Поезда бороздят твое лоно.
И зловещие тайны хранит
Пятикнижье стекла и бетона.

Твою душу никто не спасет,
Не гляди на заморские страны.
От своих непоклонных высот
Отгони мировые туманы.

Ты не веришь сыновним слезам,
Но готова на крестные муки,
Простирая к врагам,
как к друзьям,
Пятикрылые долгие руки.

ОПОРА

На дно своих скорбей глядят глаза
У тех людей с воздетыми руками,
Бичуемых ветрами и снегами,
Им даже слезы вытереть нельзя.

Рогатки голых рук напряжены,
Как будто небо держат над собою.
Они такими вышли после боя.
Никто не виноват. Окружены.

Но мертвая земля прозрела вдруг,
И мертвый воздух
разорвали звуки:
«Они сдаются? Поднимают руки?
Пусть никогда не опускают рук!»

И тяжесть свыше снизошла на них,
Они кремнели, рук не опуская...
Из всех опор невидимого рая
Есть и такая — не слабей других.

БОРЬБА

Прошу я милости убого
Перед скончанием веков.
Дай потерпеть еще немного
Нападки злых моих врагов.

Я б даже долей малой воли
Испепелил их, как огнем.
Но мне нельзя терять и доли,
Когда борюсь с твоим врагом.

ОЧИЩЕНИЕ

В. Лапшину

Когда ты спал лицом к стене,
Высокий дух сошел во сне
И оборвал твой сон.
Ты обернулся: он!

Твоя стена ушла в простор.
Он на тебя смотрел в упор,
И стал ты невесом,
Как дым в луче косом.

Нечеловеческая мощь
Косым углом раскрыла ночь,
Тебя дотла сожгла
И в сумерки ушла.

Как пепелище, ты лежал
И дымом собственным дышал,
Но ускользал и он
За чистый небосклон.

ПРОЩАНИЕ ДУХА

Ни делом, ни словом, ни мыслью
Тебе не подняться вовек
Над этой землею и высью...
Ты ниже земли, человек!

Прощай! Стороной оборотной
Заветная светит звезда.
Душа улетает бесплотной
Сквозь двадцать сетей навсегда.

Да, все поколения живы.
Но знаешь, названый собрат,
Какие грядущие взрывы
Уже за Сатурном гремят?

Какие в ушах просверленных
Иные свистят голоса?
Какие в глазах ослепленных
Иные мигают глаза?
Какие в устах оскверненных
Иные звучат словеса?

●

Он видел больше, чем его глаза,
Он тронул глубже
зримого покрова,
Он понял то, о чем сказать нельзя,
И, уходя, не проронил ни слова.

Хотя он не оставил ничего,
Молчание его подобно грому.
Все говорят и мыслят за него,
Но думают и мыслят по-другому.

ЗАТМЕНИЕ

Ты — солнце, я — день...
Рой случайных подруг
Меж нами описывал
замкнутый круг.

Я их ненавидел, я солнце любил.
Я видел тебя, но об этом забыл.

Явилась другая, твой лик заслоня...
Мерцают светила
средь темного дня.

Тебя ненавижу, другую люблю,
Но чую небесную тягу твою.

Заухали совы земного конца.
Зажгите свечу! Я не вижу лица!

Не вижу!.. И только корона твоя
Сияет так страшно из тьмы бытия.

СХВАТКА С ФАШИЗМОМ

ПОЛВЕКА НАЗАД НА ПИРЕНЕЯХ РАЗВЕРНУЛАСЬ ПЕРВАЯ БИТВА С ФАШИЗМОМ. ВМЕСТЕ С ИСПАНСКИМИ ПАТРИОТАМИ НА ЗАЩИТУ РЕСПУБЛИКИ ВСТАЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН.

Н. ЛЯЩЕНКО, генерал армии

В горных долинах Киргизии, где прошло мое детство, говорят: «Если хочешь рассмотреть гору, нужно отойти от нее подальше. Если хочешь дать оценку событию, нужно время». Время... Как незаметно оно летит, каким быстротечным и спрессованным становится с каждым прожитым годом. Кажется, совсем недавно я был нескладным рабочим парнишкой, работал на конезаводе, охотничал в горах Прииссыккулья, митинговал на собраниях и сходках, служил в Кушке, громил басмачей, был курсантом Объединенной Среднеазиатской военной школы в Ташкенте... А ведь прошло с той поры шестьдесят лет. Целая жизнь! И какая жизнь!

Нашему поколению в этом отношении повезло, причем повезло без всяких кавычек. Мы росли и мужали в боях, винтовкой и шашкой учились владеть раньше, чем карандашом. Вы только вспомните: разгром басмачества, конфликт на КВЖД, Хасан, Халхин-Гол, финская кампания, Великая Отечественная война. А мне еще выпало почти два года провести в сражающейся Испании.

...О победе народного фронта на выборах в кортесы зимой 1936 года знала вся наша страна, знала и ликовала. В истории Испании началась новая эра, ознаменованная революционным воодушевлением народа. Но крупная буржуазия, помещики, католические священники и офицерский корпус поняли, что старые порядки не вернуть парламентарным путем, и стали на путь подготовки вооруженного переворота. В качестве ударной силы на авансцену выдвигается фашистская партия «Испанская фаланга», созданная по нацистскому принципу. Помощь Берлина и Рима была гарантирована.

И вот 18 июля 1936 года по радио прозвучали роковые слова: «Над всей Испанией безоблачное небо»,— послужившие сигналом к путчу. Так 50 лет назад началась национально-революционная война испанского народа против фашистских мятежников и итало-германской интервенции. На первых порах мятеж развивался неблагоприятно для заговорщиков: вооруженные выступления гарнизонов большинства городов были подавлены, главная сила путчистов — марокканские части и «иностранный легион» находились в Африке. Военный и торговый флот не поддержал фашистов, поэтому перебросить войска через Гибралтар не было никакой возможности.

Тогда о настроении путчистов мы ничего не знали, но теперь обладаем неоспоримыми свидетельствами того, что мятеж можно было подавить в самом зародыше. В августе тридцать шестого нацистский адмирал Редер докладывал Гитлеру: «Поскольку большая часть военно-воздушных и военно-морских сил сражается на стороне правительства, нельзя рассчитывать, что Франко может с успехом держаться без обширной помощи извне». Даже генерал Мола, командующий вооруженными силами мятежников в северной зоне, пи-

сал в эти дни Франко, что считает дело проигранным. «Мы не предполагали, что против нас поднимется весь народ»,— заявил один из идеологов реакции, граф Романонес.

Казалось, еще одно усилие республиканцев — и история Испании пойдет иным путем. Но момент был упущен — Гитлер распорядился оказать франкистам неограниченную поддержку. На немецких «юнкерсах» Франко в течение двух недель перебросил из Африки в Испанию восемнадцать тысяч марокканцев. Вскоре из Германии прибыл небезызвестный легион «Кондор», состоящий из пятидесяти тысяч вооруженных самой современной техникой солдат и офицеров. Еще более широкую помощь предоставил Муссолини: 200 тысяч солдат и офицеров, 1000 самолетов, 950 танков, около двух тысяч орудий, без малого девять тысяч пулеметов, четверть миллиона винтовок и много другой военной техники.

Надо сказать, что друзья республиканской Испании тоже не дремали. Основная помощь, конечно же, шла из Советского Союза, но доходило далеко не все. Часть судов с военной техникой была перехвачена и потоплена итальянскими подводными лодками, а часть насильно уведена в занятые мятежниками порты. Был и другой путь — по железной дороге через Францию. Но французское правительство Блюма нанесло республиканской Испании удар в спину, отказавшись передать закупленное и оплаченное оружие. Пылились где-то у границы и ящики с разобранными советскими самолетами, пушками, пулеметами и винтовками.

Но люди прорывались! Я хорошо помню, как всколыхнулась тогда вся наша страна. Многотысячные митинги солидарности на Красной и Дворцовой площадях, сбор средств на покупку одежды, продовольствия и медикаментов. В газетах — репортажи с фронтов, в кинотеатрах — премьеры документальных фильмов о сражающейся Испании.

Около пятидесяти тысяч волонтеров из пятидесяти четырех стран мира воевало в составе интернациональных бригад. Воевали интербригадовцы прекрасно, в этом я не раз имел возможность убедиться. Их посылали туда, где было трудно, где фронт трещал по швам, где намечали удар по врагу. Немало славных побед на счету интербригадовцев, но достались они дорогой ценой: около двадцати тысяч погибших и умерших от ран, пропавших без вести, оставшихся инвалидами. Именно они — первые жертвы сопротивления народов Европы фашизму.

На стороне республики сражалось около трех тысяч советских военных и гражданских специалистов. Весной тридцать седьмого в составе группы военных советников прибыл в Испанию и я.

Когда главный военный советник Г. М. Штерн знакомил нас с военно-политической обстановкой, то обратил внимание на большое разнообразие флагов — красных, черно-красных, бело-розовых и других. «Это во многом отражает расстановку сил политических партий и течений,— сказал он.— Неразберихи пока хватает, но вы должны усвоить основное: идет консолидация сил, их ядром являются коммунисты — надежда и гордость республики».

В тот же день выдали новые документы. Я охнул, увидев вместо привычного «Беркут» свою настоящую фамилию,— это было строжайше запрещено. К счастью, по фамилии меня никто не называл, прижилось «Руссо гранде — Большой русский», а чуть позже «Капитан Николас» или просто «Колас».

И вот я еду на Южный фронт в 20-ю пехотную дивизию. Думал ли я когда-нибудь, что попаду на воспетый в стихах Гвадалквивир?! А теперь река Гвадалквивир — поселок Поркуна, оказалась участком обороны дивизии. Дело прошлое, но когда я узнал, что ядро дивизии составляют анархисты и социалисты, стало не по себе. Настроение еще больше упало, когда познакомился со штабными офицерами: мирные разговоры, праздное настроение, пышные обеды и ужины с вином... Такая же обстановка и на переднем крае — боевого духа, желания активно воевать нет и в помине.

Ну, думаю, встречу комиссара, выложу ему все, как на духу! Но когда встретил, желание говорить всерьез пропало. Представьте себе узколицего, длинноволосого человека в лакированных узконосых штиблетах. На ремне — пистолет с серебряной чеканкой, пальцы унизаны кольцами и перстнями, на запястьях — массивные браслеты. И все же я сказал ему о недостаточной боеготовности дивизии.

— Это ваша задача, советник, поднять боеготовность. А вообще в этом нет необходимости. Мы ждем разложения армии Франко. Она вот-вот развалится под воздействием нашей пропаганды,— заносчиво бросил комиссар и удалился.

— Меньшевик,— сплюнул стоящий рядом боец.— Хвастун. С таким не навоюешь.

А ведь перед нами стояли марокканцы. Они воевали фанатично, в атаку ходили с зажатыми в зубах кинжалами и наводили ужас на вчерашних пахарей. После первых боев я убедился, что людей, готовых идти на самопожертвование, среди испанцев достаточно. Смерть, да еще на миру, у них в своеобразном почете. Но до чего же трудно было их убедить, что солдатская наука требует каждодневной тяжкой работы, что надо копать траншеи — и не по колено, а в полный рост, что надо чистить оружие, что нельзя пренебрегать маскировкой. Однажды мне нужно было попасть в передовой батальон.

— Как его найти? — спросил я.

— Проще простого. Идите прямо к развевающимся знаменам — батальон там.

Пришел — и глазам не верю. Под оливами в беспорядке разбросаны винтовки, здесь же — пачки с патронами и кое-как набитые пулеметные ленты. А сами пулеметы ржавые, грязные, забитые комьями земли. И что самое поразительное — ни одного солдата, кроме дежурного наблюдателя. Весь батальон удобно расположился в ярких палатках метрах в двухстах от траншеи. Солдаты и офицеры лениво перекидывались в карты, что-то жевали, потягивали красное вино. Когда я сказал командиру батальона, что при таком «порядке» враг может внезапно напасть и без особого труда захватить позиции, тот небрежно ответил:

— Они на это не пойдут. А если начнут стрелять, мы услышим и успеем добежать до траншеи. Танки нам тоже не опасны, их задержат деревья.

К вечеру от батальона вообще ничего не осталось: солдаты разбрелись по ближайшим хуторам, в том числе расположенным за линией фронта.

Я пребывал в шоке. Но вмешиваться в действия командира не имел права. Много позже мне стали понятны причины безмятежного поведения анархистов. Один из создателей республиканской армии, член ЦК Компартии Испании, Энрике Листер, писал: «Было известно, что анархистские вожаки уже в начале войны дали своим командирам указание беречь вверенные им воинские части, чтоб после победы над Франко дать бой коммунистам, другим демократическим силам и совершить свою «революцию».

Задача советских военных советников в том и состояла, чтобы из такого разношерстного войска создать регулярную революционную армию. Опирались мы в этом, конечно же, не на анархистов или социалистов, а на коммунистов. Эта партия была самой молодой, но и самой авторитетной. В создании и быстром росте республиканской армии роль коммунистов была очень и очень велика. Уже в послевоенные годы мне довелось прочитать об этом свидетельство американского историка Кеттеля. «Все обозреватели сходятся на том,— писал он,— что под воздействием коммунистов правительству удалось создать из общего хаоса современную армию, которая оказалась в силах противостоять в течение трех лет объединенным силам Франко, марокканцев, иностранного легиона, нескольких итальянских и немец-

См. стр. 19.

Кордовский фронт. Сентябрь 1936 года.

Бильбао. Май 1937-го. Воздушная тревога.

Фото Роберта КАПЫ

БЕРЕЗЛИВОСТЬ

Первый этаж — прежде всего торговый этаж. Так сложилось: магазины и магазинчики, кафе и мастерские... К. Барыкин и собственные корреспонденты журнала Н. Храброва, Ю. Лушин, С. Калиничев, В. Кузнецов, О. Петриченко и А. Щербаков ведут читателя по улицам городов. Все ли тут сделано, чтобы первый этаж был удобным этажом?

Кузнецкий мост давно без кузниц — это подметил еще в девятнадцатом веке Петр Вяземский. В его пору московский Кузнецкий кузниц уже не имел, но был богат на магазины. Пассажи модных товаров, галантерейные лавки, салон хрусталя, торговый дом Хомякова (ныне тут Министерство речного флота), кафе «Питоресса», в послереволюционное время переименованное в «Красный петух», но известное не этим своим псевдонимом, а тем, что захаживали сюда А. Луначарский, В. Маяковский, В. Мейерхольд... Близ кафе и тогда стоял, и посейчас находится ладный особнячок, который так и просится под ресторан или магазин: их так мало на оживленной, многолюдной, говорливой улице. Подхожу, читаю: «Отдел нежилых помещений». И сразу померкла праздничность улицы. Модный магазин «Светлана» и встык с ним — нежилые помещения. Сюжетик для фельетониста и предмет для размышлений организаторов торгового дела. В самом этом названии «нежилые помещения» есть что-то чуждое Кузнецкому мосту, что-то придуманное теми, кому все равно: будет тут кафе или не будет, удобен ли Кузнецкий для пешехода или ему тут так, как ныне... Была в этом особняке Академия коммунального хозяйства. Тогда нежилая управа расположилась неподалеку. Академию отправили на выселки. А роскошный этот дом, самим своим местом определенный для чего-то иного, отдали (может, они сами взяли?) под очередное ведомство. И идут мимо люди в рассуждении: где перекусить, где выпить чашечку кофе, где отобедать?

...Деловито и напористо осваивают города конторы, конторки и конторищи. «Снабы» и «сбыты», просто строительные и строительно-монтажные управления, специализированные и широкого профиля. Масштабно живут, самые лучшие здания занимают. В соседнем Столешниковом, в доме номер шесть, чего только нет. Тут приемка макулатуры, заготовительно-снабженческий «Моснабречфлот», несколько строительных управлений. От этих щедрот выделен подвальчик — в нем сейчас популярнейшее кафе. Предложили было организовать здесь Гостиный двор: с хорошим рестораном, с магазином русских сувениров, с кафетериями и блинными,— район угостительства и приветливости. Городские архитекторы, райисполком, всякие инспекции за то, чтобы начать переделку нынешних заведений в кафе и магазинчики. Все «за», вот только отдел нежилых помещений не то чтобы возражает, а просит войти в положение: куда, дескать, переселить эти СУ, СМУ, «Вторсырье» и еще какие-то холодные, с хлопающими дверями учреждения?

А нет ли для непереселения еще одной причины? Ну посудите: переведут из Столешникова все это неподходящее для центра города братство контор, и останется из нежилых и неподходящих только его величество Отдел Нежилых Помещений? Но ведь тогда...

Так только в Столешниковом? Если бы... Я знал, что в начале улицы Кирова был хороший парфюмерный магазинчик. И в нем всегда что-нибудь такое, чего не найти даже в ГУМе,— то ли лосьон какой редкий, то ли мыло особой душистости, то ли зубная паста. За ней я и вознамерился зайти, не обратив внимания, что над входом нет вывески. Толкнул дверь и сначала услышал стук, а потом и увидел, как четыре человека забивали «козла». Они были так увлечены игрой, что не сразу обратили на меня внимание.

— А парфюмерия? — робко спросил я.

— Закрыли,— коротко, чтобы не отвлекаться, ответил один.

Не составляло труда выяснить, что это Главторг Мосгорисполкома закрыл магазин и отдал его под шоферскую, чтобы было где коротать длинные паузы между служебными поездками руководителей Главторга... Это в общем-то не детективная история. Только тем она криминальна, что торговый главк, который с рвением добивается новых торговых помещений, сам же закрывает магазин, даже не посоветовавшись с покупателями. Ему, главку, так удобно, ведь он так разросся и разбух за последние годы. Было время, когда все руководство всей столичной торговлей было объединено под одной крышей. Затем отпочковались Главобщепит (со своим штатом и своим домом), Главмосплодовощпром (со своим штатом и своим домом), да и разные торги получили себе по дому или по этажу.

Каждый день десятки тысяч служащих спешащим потоком вливаются в Столешников, на Кузнецкий мост, на улицу Горького, а она очень добросердечна, когда надо найти помещение под учрежденьице. Одной своей рукой исполком Моссовета вроде бы за то, чтобы контор в центре было меньше, но сам же их вселяет (с помощью своего отдела нежилых помещений) в самый что ни на есть центр. На Пушкинской площади, если одолеет голод, утолить его не удастся. Да что Пушкинская. На бывшей торговой Никольской (ныне это улица 25-го Октября), на улице, соединившей ГУМ и «Детский мир» (это два самых посещаемых магазина), вовсе не поешь. В единственной «Бутербродной» всего-то пяток столиков. Выстоять очередь в «Славянский базар»?.. Присматриваюсь: «Союзэлектроремонт» Минэлектротехпрома; окна швейной фабрики; базы, склады, торговые конторы. Магазин с пустыми залами — «Химические реактивы». Вы часто покупаете гидрохинон и квасцы? Вообще не покупаете? Я тоже. Почти пятнадцать лет идет битва на улице. Главк общественного питания говорит: дайте нам эти квадратные метры. Министр торговли поддерживает эту просьбу. Но кому-то ближе позиция Минхимпрома, который несколько лет назад направил очередной протест в Мосгорисполком: «Руководство объединения «Союзхимреактив» возражает против освобождения помещения». Общепит снова с челобитной: дескать, подыщите «Химреактивам» что-то на окраине, а эти 346 метров отдадим экспресс-кафе, чайной, да и для блинной место останется. Нежилые помещения сурово и обидчиво поджимают губы: дескать, сами знаем, что делать.

И продолжают более чем двести контор оккупировать торговые этажи в самом центре. И стал этот центр городом не покупателей, не экскурсантов, а служащих.

Конторы порушили стилистику города. Они превратили вечерние улицы в унылую пустыню, они пугают позднего прохожего глухими фасадами и черными, незрячими окнами. А расцвети их огоньками кафе и рекламой пиццерии, звонкой вывеской над входом в блинную...

...Однако пора направиться в другие города. Начнем с КИЕВА. Тут тоже есть отдел нежилых помещений и мало кафе и вареничных.

ФАКТ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В 1981 году проведена сплошная инвентаризация всех нежилых помещений Киева. Помещения общей площадью до 150 квадратных метров остаются в ведении райисполкомов, которые теперь и подбирают арендатора: кому и для какой надобности передать эти метры. Городской же отдел нежилых помещений занимается теми, которые больше ста пятидесяти метров.

Но тут есть такой нюанс. Вот, скажем, прекрасный цоколь площадью 180 квадратных метров. Райисполком сам не имеет права передать его под магазин. Тогда две комнаты изымаются и кому-то передаются. А оставшимися 120—130-метровыми уже можно распорядиться без ведома горисполкома.

Отдел загружен работой под завязку. На сегодняшний день ему предстоит подобрать и предоставить различным просителям (в том числе важным) 65 тысяч квадратных метров. Это все учтенная площадь. Но есть масса случаев, когда подвалы нигде не значатся. Их для отдела и работников исполкомов словно бы не существует. На территории одного только жилищно-эксплуатационного участка № 605 около десятка домов (переведенных на централизованное теплоснабжение) имеют довоенные или даже дореволюционные котельные. Привести бы их в порядок и пустить в «оборот» — открыть вареничные, чайные или домашние мастерские. Знаю дом, в котором есть два подвала, а в «нежилом обороте» числится только один.

Не нужна ли какая-то плановая инвентаризация всех первых этажей, чтобы ничто не потерялось?

Из киевских подвалов выйдем на улицы АЛМА-АТЫ.

КВАРТАЛ ЗА КВАРТАЛОМ

Сначала я решил пройти по Коммунистическому проспекту. Здесь расположены разные офи-

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ГОРОДА

Рисунок Е. ШУКАЕВА

циальные учреждения, а на противоположной стороне — скверы и тенистые аллеи... Напротив театра — растянувшийся на полквартала магазин женской одежды «Сауле». Жены его именуют: «раскошелим муженька»... Вывески на первых этажах звали также в ателье проката «Турист», в цех по ремонту и пошиву обуви. Диетическая столовая, гастроном, модное ателье, кулинария, в которую заходят за пирожками служащие. Миновал уже семь кварталов. На пересечении с улицей Гоголя заметил кафе «Каракоз». Зашел, но лучше бы не заходил. Люди сидят в пальто и шляпах (гардероба нет), уюта никакого. Иду дальше, десятый по счету квартал: хлебный магазин, «Часы», блинная, снова кулинария.

Тут я свернул направо, на улицу Горького, которую считают торговой. Я пройду от ЦУМа (самого большого в Алма-Ате универмага) до Центрального рынка, крупнейшего в городе... Заглянул в блинную — очередь. Придется потерпеть. Зашел в «Дары природы», выпил стакан сока. Магазин новый, почти все есть, кроме яблок (Алма-Ата в переводе с казахского — «отец яблок»). Универсам, комиссионный магазин радио- и спорттоваров, студия звукозаписи, тир, «Союзпечать», мастерская по ремонту электронных часов, магазин «Сулу» (национальная одежда, украшения, керамика, предметы быта), еще один комиссионный, радиотовары, хлебный, почта... И вот он, Центральный рынок, где есть и яблоки, правда, по базарной цене.

Пытаюсь подвести итог. С одной стороны, вроде бы все нормально. Контор в нижних этажах немного. Но, с другой стороны, на всем пути некуда зайти, чтобы передохнуть, выпить чашку кофе или чая, пиалу кумыса или айрана, отведать манты, плов, лагман, баурсаки.

И, извините, ни одного общественного туалета...

...В ЛЕНИНГРАДЕ на Невском много магазинов, столовых, ресторанов. А будет...

НОВЫЙ ПАССАЖ

Это дерзкий проект. Ленинградские зодчие предложили построить на Невском сразу два новых пассажа! Допустимо ли такое вторжение в классический облик проспекта?

— Волнения напрасны,— заверил меня главный архитектор проекта Ю. Земцов.— Проект предусматривает сохранение и существующих уличных фасадов, и основных объемно-пространственных соотношений всей застройки.

Замысел архитекторов: создать две новые, украшенные уютными скверами и фонтанами торговые улочки, соединяющие Невский с параллельно идущей Стремянной улицей. Первый этаж дома № 63 после реконструкции расположит главные входы в суперсовременный универмаг и в ресторан, в кафетерий, магазин кулинарии, в соковый бар, в зал игровых автоматов. Открытые дворики нового универмага сохранят все основные черты старых петербургских дворов-колодцев.

Проект второго пассажа предполагает организацию многофункционального торгового и жилого комплекса на базе реконструкции и расширения существующей на Невском гостиницы «Балтийская» и жилого дома № 8 по Стремянной улице. Предполагается открыть четыре крупных продовольственных магазина, а крыши их использовать для летних кафе.

Замысел привлекательный. Судя по макетам, рисункам, с которыми довелось познакомиться в мастерской, он, право же, не оскорбит самого строгого ревнителя старины, и если проект осуществится, то украсит ближайшую к Московскому вокзалу часть города.

С моей точки зрения, проект примечателен и тем, что доказывает возможность находить резервы там, где, казалось бы, трудно придумать что-то новое.

Заметка из ХАБАРОВСКА была предельно деловой.

ИЩУ ЧАШКУ ЧАЯ

Прошагал четыре квартала по главному проспекту Хабаровска. Встречавшееся не радовало. Ни в выставочном зале, ни в книжном магазине, ни в «Овощах», ни в «Тканях», ни в ателье проката и уж, конечно, ни в управлении пожарной охраны, что расселились в первых этажах, стоек кафетерия не было. Как перекусить? Пошел по улице имени Ким Ю Чена. Первый же дом имел с десяток вывесок: «Птицепром», «Пчеловодство и пчеловодские совхозы», три инспекции, а также станция защиты растений и еще чего-то. Первые этажи следующих домов занимали строительный трест № 36, управление производственной технической комплектации, а понизу новенького девятиэтажного дома расположилось краевое агентство «Союзпечати». Булочная все же обнаружилась. Но она была настолько крохотна, что там не до стойки с чаем.

— В Хабаровске всего шестнадцать кафетериев при магазинах,— признались в отделе организации торговли.— Упрашиваем горисполком о выделении помещений под те же чайные. И получаем отказы.

Бывший магазин «Автомобили» решением горисполкома отдается под филиал Института советской торговли.

За пятилетку план прироста торговой площади выполнен немного больше, чем наполовину.

Такие вот дела и обстоятельства...

А вот в МИНСКЕ хорошо работают, налаживая торгово-общепитовское дело.

С ДОМА ПО ПОДЪЕЗДУ...

Вывески-то какие хорошие: «Пироги», «Бульбяники», «Кубрик», «Сдоба», «Снежинка»... И не нужно тратить лишнее время на толчею в большом магазине. Заглянул в подъезд на минуту-другую. И перекусил.

Торговать в подъездах больших домов в центре города — такая мысль пришла в голову работникам Управления общественного питания Минского горисполкома. Кого-то когда-то «осенило» заколачивать подъезды. И пропадало пространство, которого и без того не хватает. Разумно ли? Минский горисполком сказал: нет! И в центре города появились магазины одного продавца (правда, официально их так не называют, но не в названии же дело). Их уже немало, и есть намерение открыть еще. Тем более, выгодно это и государству. 45—50 тысяч рублей в месяц дают «открытые двери».

И еще надо сказать, что Минский горисполком принял решение освободить, где это возможно, помещения, которые пока занимают службы, не связанные с торговлей, общественным питанием, с удовлетворением бытовых запросов населения.

Как в ТАЛЛИНЕ? Здесь

СЧЕТ В НАШУ ПОЛЬЗУ

Гость Таллина, остановившийся в гостинице «Виру», решивший запастись эстонскими товарами, неспешно выйдет туда, где всё — «Виру»: и гостиница, и площадь, и улица — пешеходная, всего 350 метров. Справа стоят три березы, сразу за ними — четыре киоска. Дамы покупают бижутерию, студенты едят горячие бутерброды, школьники приобретают этикетки и значки... В доме № 23 находится книжный магазин «Дружба». Витрины следующего — стена в стену, как и все на этой улице,— магазина рекламируют постельное белье. Из двери парикмахерской принцессами выходят недавно вошедшие туда Золушки. А вот парфюмерия и косметика. В цветочном — ало-бело-розовый разлив.

За Вирускими воротами — обитель художественных изделий из ткани, кожи, глины, металла; магазин так и называется — «АРС», искусство. Рядом — более прозаичные чулки-носки. И вот ателье полуфабрикатов «Лемибиту» — костюмы, не завершенные в цехе, но готовые после примерки принять индивидуальные формы покупателя, а также пальто, платья, юбки, блузки, шубки, куртки...

И вдруг за окнами канцелярские столы и канцеляристы. Ведомство республиканского Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог.

Снова магазин, «Солид», и вправду солидный. Мерцающий и сверкающий прилавками ювелирный магазин. Правая сторона улицы Виру заканчивается экспресс-баром, работающим действительно со скоростью экспресса. А мы переходим на другую сторону. Нарядное, под средневековье, кафе «Гном» с зазывной вывеской; кинотеатр «Октябрь»; галантерейный магазин; подарки и сувениры; мужская готовая одежда; кинотеатр повторного фильма «Пионер»; посуда; обувной, комиссионный; кафе «Леммик»; упаковка покупок; магазин модных трикотажных изделий; фирменный магазин объединения «Вялк».

Вот, оказывается, какая она, улица Виру! На трехстах пятидесяти ее метрах — 4 киоска, 2 парикмахерские, 2 кинотеатра, 2 фотоателье, 3 кафе и 34 магазина! Счет, ясно, в пользу таллинцев, потому что на всей улице одна контора, а остальные помещения занимают предприятия бытовых и торговых служб.

* * *

Путешествие закончено. Но проблема остается. Надолго ли? Полагаем, получить ответ на этот вопрос нам помогут Министерство торговли СССР, Мосгорисполком и исполкомы Ленинграда, Киева, Таллина, Алма-Аты, Тбилиси, Минска, Хабаровска.

А может, напишут и читатели из этих и других городов?

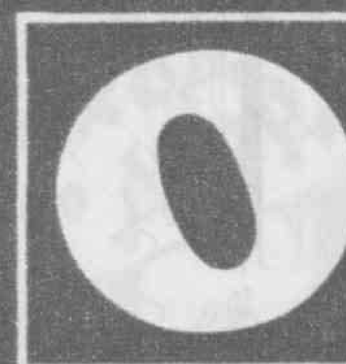

ВЕРНАЯ НО

ЧТО ДЕЛАЕТ ШКОЛУ ОСОБЕННОЙ! УСЛОВИЯ, В КОТОРЫЕ ОНА ПОСТАВЛЕНА, ИЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ТАМ РАБОТАЮТ! НЕКОТОРЫЕ СЧИТАЮТ МУЗЫКАЛЬНУЮ ШКОЛУ ИМЕНИ С. С. ПРОКОФЬЕВА ИСКЛЮЧЕНИЕМ. А МЫ ДУМАЕМ ИНАЧЕ...

Осенью прошлого года в московской детской музыкальной школе № 1 имени С. С. Прокофьева готовились к переезду. Что называется, сидели на чемоданах, но занятия не прекращались. Так и переехали в новое здание, не потеряв ни единого учебного дня. А тогда, осенью, я ходила по классам, мне показывали старый актовый зал. В зале, что солдаты на плацу, стояли новенькие

ОТА

Л. НАТОЧАННАЯ.
Фото
И. ГАВРИЛОВА

- У Андрюши Барзова первое выступление.
- Сольфеджио.
- Юный трубач Алексей Георгиевский.
- Преподаватель Е. А. Неволена прослушивает абитуриентов.

Может быть, эти девочки и не станут профессиональными музыкантами, может быть, им и недосуг будет часто прикасаться к любимому инструменту... Но есть уверенность: музыка останется с ними навсегда.

пианино, как бы ожидая команды на переезд. И все же это обшарпанное, потускневшее от времени здание, донельзя, судя по вывескам, забитое всякими учреждениями, покидали с грустью. И гордились новым, и уже любили его. Спохватились: «А сходите посмотрите, это близко».

И впрямь оно оказалось минутах в десяти хода от прежнего, в старинном Токмаковом переулке, на Разгуляе. Дома тут расступились, давая возможность полюбоваться шестиэтажным красавцем из светлого кирпича, который чуть свысока посматривал на своего «предка». И еще более невзрачным показался мне «старик». И подумалось: как же трудно было там заниматься, ведь в школе учатся, включая и вечернюю общего музыкального образования, и дошкольную группу, более 900 человек.

Уговорились с директором школы Александром Григорьевичем Каневским, что о ее истории расскажет мне заслуженный работник культуры РСФСР заместитель директора Ф. М. Виноградова.

— Фрида Михайловна лучше меня это сделает,— сказал тогда Александр Григорьевич.— Школу эту она создавала и до меня тридцать шесть лет директорствовала в ней. Я недавно здесь. Когда она свой пост надумала оставить, меня сюда и направили. Кое-кто говорил: «Куда ты идешь! У Виноградовой такой авторитет, и человек она с характером». Хотя я и музыкант по образованию, но директорского опыта не было — из Министерства культуры РСФСР сюда пришел. Фрида Михайловна меня в курс дела ввела, помогла быстро освоиться. Но мы ее не отпустим. Вот и общественным директором музея С. С. Прокофьева у нас в школе уговариваем стать. Думаем, уговорим. Начинается новый виток, новый этап в жизни нашей школы. Школьная реформа и ускорение в жизни духовной ставят перед нами новые задачи. Однажды сказано было, что воспитание музыкой — это не только воспитание музыканта, но и воспитание человека. Каждого обогреть надо...

Иду к Фриде Михайловне. Слушаю ее рассказ об истории школы. Началась она с того, что Виноградову, молодую пианистку, боевого председателя профкома Московской консерватории, руководителя фронтовой концертной бригады, профессор Яков Владимирович Флиер рекомендовал распределить завучем в детскую музыкальную школу. А управление культуры направило... директором. Погожим октябрьским золотистым утром 1948 года шел директор к месту своей работы. Место и впрямь существовало — проходная комната в районном Доме пионеров на улице Чернышевского в Москве. Мебели не густо — два стула. Из штатного расписания в наличии двое: директор да бухгалтер. А школы еще не было. Ее предстояло создать.

...Когда я поделилась с одним товарищем, что иду по заданию редакции в первую музыкальную школу, он мне не без скепсиса заметил: «Что ж, это школа не простая». Дескать, вот и пишете, раз она особенная. «Особенная!» — задумалась я.

Из более двух с половиной тысяч выпускников восемьсот с лишним стали профессионалами (тут уж без цифр не обойтись!). И профессионалами высокого класса. Более двадцати ее бывших выпускников работают учителями в родной школе. Я их узнавала сразу — по строгой и справедливой доброте, по требовательности, побывав на зачетном уроке руководимого заслуженным работником культуры РСФСР Н. И. Урюпиной фортепианного отдела. Ребята, как и положено, тогда волновались перед выходом на сцену за себя и за друзей, потом долго шептались в зале — там было свое, на манер взрослых, жюри. Пятнадцать преподавателей школы — авторы изданных учебных пособий для музыкальных школ страны, вот эти пособия красуются на стендах. Более четверти века работают в школе заслуженные работники культуры РСФСР Т. В. Ключарева, Л. В. Тихеева, педагоги Е. Н. Каценеленбоген, Т. А. Крумина...

Представлена в школе, как тут говорят, «вся палитра симфонического оркестра»; класс ударных, народные, духовые; открыли в позапрошлом году классы органа, балалайки. Идут ребята и на хоровое отделение, куда объявлен широкий набор. В этом году целый первый класс 346-й школы был принят на это отделение. Около двадцати лет существует класс композиции. Почти двадцать лет назад ныне покойным педагогом заслуженным работником культуры РСФСР А. И. Базаровым был основан первый в Москве детский ансамбль трубачей. Сейчас им руководит его ученик, выпускник школы В. Б. Кричевский, только что награжденный медалью «За трудовое отличие». Этот коллектив выступал по радио, телевидению. С какой любовью говорили мне о Базарове: видно, чудесный был человек. Болел сильно последние годы, но работы не оставлял. Есть в школе класс памяти А. И. Базарова...

Четверть века назад школе было присвоено имя С. С. Прокофьева — за верность заветам великого композитора, за пропаганду лучших образцов советской музыки, за высокую профессиональную подготовку учащихся. А в 1967 году здесь была перерезана ленточка в музее С. С. Прокофьева, созданного на общественных началах. Тут свыше 2000 экспонатов: много его фотографий, книги из личной библиотеки, пианино, за которым он работал последние годы, автографы, рабочие блокноты... Вдова композитора М. А. Мендельсон-Прокофьева очень дружила со школой. Она видела, как его чтят и любят здесь: школа стала для нее родным домом, домом, в котором жила память о муже. Она встречалась с ребятами, бывала на вечерах. И завещала музею мемориальные вещи. За несколько минут до своей смерти она говорила по телефону с педагогом М. В. Рейтихом, одним из основателей музея, и на словах: «Для меня сейчас самое близкое — школа»,— умолкла навсегда... Школа поддерживает связь с селом Красным (бывшая Сонцовка), что в Донбассе. Это родина композитора.

Да, можно увидеть «особинку» этой школы. Она в добрых традициях, которые в ней почитаются, в поисках новых форм учебной и воспитательной работы, в том, как умело расставлены опытные и молодые кадры, как растят молодых педагогов, и в том, что крепок умело руководимый коллектив; как творчески, с полной отдачей подходят здесь к своему труду, как бережно и строго ведут учеников, как учитывается «человеческий фактор» в подходе к делу. И ведь никто особых условий не предоставлял: начинали с нуля...

И теперь еще долго школа будет обживаться на новом месте. Все здесь умно продумано до мельчайших подробностей — учтены все пожелания и предложения школы, ее специфика. В учебном корпусе — классы для индивидуальных занятий, небольшие, но удобные. Стены почти метровой толщины со специальной звукоизоляцией. Есть четыре репетиционных зала со сценой и артистическими — для хорового и оркестровых классов. Предусмотрены кабинеты звукозаписи. И неплохо, что о столовой не забыли — у ребят будут горячие завтраки. Что уж точно не обойдешь стороной, так это концертный зал на 440 мест с хорошим звуком — акустики постарались.

И, конечно, не мечталось о таком вот здании в октябре сорок восьмого молодому директору Фриде Михайловне Виноградовой, переступившей порог той проходной комнаты на улице Чернышевского; и о том, что ее почти сорокалетний труд на благо родной школы и во имя воспитания юного поколения в нынешнем году, в День учителя, будет отмечен высокой правительственной наградой — орденом «Знак Почета»...

СХВАТКА С ФАШИЗМОМ

См. стр. 12.

ких дивизий. Можно с полной уверенностью сказать, что без коммунистов как объединяющего и руководящего фактора республиканские войска были бы разгромлены значительно раньше 1939 года».

Бывая на митингах и слушая выступления Долорес Ибаррури, я не раз имел возможность убедиться, что народ не зря зовет ее Пасионария, то есть Пламенная. А ее слова «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» стали наиболее ярким и, главное, принятым народом символом революции.

В полосе нашего фронта пока что было спокойно, если не считать редких перестрелок патрулей да пристрелок батарей с новых огневых позиций. Я постоянно находился в ротах, помогая испанцам в овладении военным делом, изучая их язык, обычаи и нравы. А на других фронтах не прекращались ожесточенные бои. На Центральном — франкисты по-прежнему стояли у стен Мадрида, трудно приходилось республиканцам в Астурии, Валенсии, Эстремадуре. Наконец, оживился и наш, Южный фронт: в результате наступления на Алкала-Ла-Реаль мы перерезали дорогу на Гранаду.

Но вскоре мне пришлось расстаться с анархистами, чтобы попасть... к другим анархистам: меня назначили советником в 21-ю пехотную дивизию. В тот же день я оказался в батальоне имени Маруси. Комиссар Леонсио, рослый, статный испанец с пересекающим лицо шрамом, не очень дружественно спросил:

— Зачем приехал?

— Посмотреть, как обороняется ваш батальон. Возможно, требуется помощь?

Комиссар скептически хмыкнул и вскочил на коня. Мне подвели явно застоявшегося жеребца.

— Смотрите, камарадо, он кусается,— с ухмылкой предупредил коновод.

Жеребец действительно был горячий. Вот когда пригодилась выучка, полученная на конезаводе! В Киргизии приходилось объезжать и не таких мустангов, так что с этим жеребцом я справился довольно быстро, и он послушно летел галопом.

— Николас казан? — спросил комиссар.

— Нет, кузнец.

— О, хорошо! Рабочий человек. Я тоже! — гордо сказал он.

Когда подъехали к району обороны и спешились, я увидел старую картину: узкие, неудобные траншеи, небрежно подготовленные пулеметные площадки, полное отсутствие ячеек для стрелков. Из перекосившегося на бруствере «максима» торчала грязная, кое-как набитая лента.

— Плохо стреляет,— заявил командир роты лейтенант Мануэль.— Лента застревает, ствол горит...

— Может, русский советник покажет, как нужно стрелять из этого пулемета? — лукаво предложил Леонсио.

Комиссар явно ждал, что я отвечу, не спасую ли. Я понимал, что стоит оплошать — и пойдет гулять по фронту худая слава о советском советнике.

— Покажу! — стараясь быть спокойным, ответил я и засучил рукава.

Повозиться пришлось изрядно. «Максим» был совсем новенький, даже не очищенный от заводской смазки. Отделил ствол — всюду нагар, грязь, крошево ржавчины. Тут я не удержался и начал ругать пулеметчиков.

— Мы его не разбирали,— виновато развели они руками.— У него пружины стреляют и улетают бог знает куда. Одна, правда, осталась...

Я показал, как надо вставлять пружину, разобрал «максим», вычистил замок, а потом повторил сборку и разборку с завязанными глазами. Тут и Леонсио, и Мануэль восхищенно зацокали:

— Браво, Николас! Бьен (хорошо), камарадо Руссо!

Мануэль тут же лег за пулемет и выпустил очередь точно в цель.

Вечером мы приехали к командиру батальона, плотно поужинали, а когда я собрался спать, комиссар Леонсио поманил меня в соседнюю комнату. То-то я удивился, когда увидел на столе «максим» и два ручных пулемета.

— Хочу знать оружие так же, как ты. Научи, пожалуйста,— попросил комиссар.

Урок продолжался до утра, но на рассвете Леонсио победно улыбался: оказывается, все не так и сложно.

В 21-й дивизии я проработал почти полгода. За это время удалось подтянуть дисциплину, наладить учебу солдат и офицеров, но в крупных операциях мы не участвовали, вели, как говорят, бои местного значения. Как ни странно, но все это сработало против меня: я рвался на Северный или Центральный фронт, где шли ожесточенные бои, хотел сражаться вместе с коммунистами и интербригадовцами, но, судя по всему, обо мне сложилось мнение как о специалисте по анархистам.

Однажды вечером меня вызвали в штаб армии и сказали:

— Тут дело налажено. За 21-ю дивизию мы спокойны. А вот в 22-й одни проблемы.

Постепенно дела в 22-й дивизии пошли на лад, и она стала вполне боеспособным соединением.

Между тем положение республиканской Испании усложнялось, не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия. Мятежники начали готовить новое наступление на Мадрид. Но за три дня до наступления фашистов республиканские войска провели теруэльскую операцию. С потерей этого города франкисты отказались от штурма Мадрида и начали переброску своих дивизий под Теруэль. Больше месяца продолжались здесь ожесточенные бои, и все это — в условиях суровой для Испании зимы с пятнадцатиградусными морозами. Особенно отличилась в те дни 11-я дивизия Энрике Листера.

Чтобы отвлечь часть фашистских полков из-под Теруэля, Южному фронту было приказано активизировать свои действия на Гранадском направлении. У меня родилась мысль захватить господствующую над местностью горную гряду Сьерра Когольес де Вега. С этой идеей я направился к старшему военному советнику В. А. Фролову. Это был очень умный и обаятельный человек. Во время Великой Отечественной войны он командовал войсками 14-й армии, а затем — Карельским фронтом. Должен сказать, что советские советники были рассредоточены по всем фронтам, к тому же все жили под псевдонимами, так что виделись мы редко, а узнавая из газет и народной молвы о делах друг друга, не знали толком, о ком идет речь.

Помню, как поразила нас смерть генерала Лукача. Мало кто знал тогда, что это известный венгерский писатель Матэ Залка, и уж совсем никто не догадывался, что полковник Фриц, находившийся с ним в машине в тот роковой момент, когда под ее левым колесом разорвался вражеский снаряд, не кто иной, как П. И. Батов. Интербригадовцы генерала Лукача всегда воевали на самых трудных направлениях и воевали не просто храбро, но и грамотно, разбивая в дым и прах превосходящие силы противника. Что же касается моральной подготовленности иностранных волонтеров, то она была на чрезвычайно высоком уровне. Вчитайтесь в слова присяги, которую они давали, ступая на землю Испании, и вы все поймете.

«Я стал добровольцем интернациональных бригад, так как у меня те же враги, что и у испанского народа,— фашисты.

Так как я знаю, что, если фашизм победит в Испании, завтра он придет в мою страну, в мой дом.

Я — доброволец и до последней капли крови буду бороться за спасение свободы в Испании и во всем мире».

Тогда же, во время беседы у В. А. Фролова, я узнал и о подвигах советских летчиков под командованием Дугласа (впоследствии дважды Героя Советского Союза Я. В. Смушкевича), о дерзких артналетах Вольтера (Н. Н. Воронова). А сколько неожиданных для врага операций было разработано при участии Я. К. Берзина, Г. М. Штерна, К. М. Качанова, К. А. Мерецкова, Р. Я. Малиновского, И. Г. Кулика, Б. Я. Колпакчи, М. И. Неделина, Н. Г. Кузнецова, А. С. Осипенко и многих других тогда еще совсем молодых командиров, а впоследствии прославленных советских военачальников, маршалов и генералов.

Но, повторяю, тогда мы о делах друг друга лишь догадывались, но наверняка почти ничего не знали. И это естественно, ведь в военном деле скрытность подготовки задуманной операции и тайна имен ее исполнителей — половина успеха. Поэтому я о своей задумке захватить горную гряду сообщил лишь В. А. Фролову. Он мою идею одобрил! А вскоре закипела работа. Не хватало орудий — ночью мы перебросили их с другого участка; разведчики искали тропы к вершинам, саперы делали проходы в минных полях. Когда все было готово, мы приняли еще одно неординарное решение: атаковать противника ночью. Такого на нашем фронте еще не было.

Ночная атака для противника была полной неожиданностью и увенчалась успехом! Трое суток фалангисты и марокканцы пытались вернуть свои старые позиции, но ни налеты авиации, ни психические атаки, ни обходные маневры не помогли — фашистам пришлось смириться с потерей горной гряды.

Мы ликовали! Но стали поступать тревожные сообщения с Арагонского направления. Более пятнадцати марокканских и итальянских дивизий в начале марта 1938 года перешли в наступление южнее Сарагосы. В. А. Фролова срочно перебросили на опасное направление, меня тоже. Так я оказался в Барселоне. К этому времени мятежники вышли к морю, и республика оказалась разрезанной на две части.

В Центре добровольцев меня принял главный военный советник Г. М. Штерн.

— Знаю, товарищ Лященко, что вы устали и вам уже время возвращаться домой,— сказал он,— но я просил бы вас остаться еще на несколько месяцев. Обстановка тяжелая. Если не возражаете, поедете в корпус, который закрепляется на рубеже реки Ногера. От действий корпуса зависит,

Генерал армии Н. Лященко — «капитан Николас». Испания, 1937 г.

как долго удастся сохранить Каталонию.

В тот же день я был в штабе корпуса. Командир корпуса Хосе дель Баррио попросил меня заняться наиболее неблагополучными 60-й и 61-й дивизиями. Учебу я там наладил быстро. Удалось пресечь действия паникеров, пораженцев и разносчиков франкистской пропаганды. Однажды во время занятий к нам приехал военный советник армии П. С. Курбаткин и язвительно спросил:

— Штаны в окопах еще не протерли? Уж не намереваетесь ли всю войну здесь отсидеться?

— Нам самим надоела оборона! — вскипел Баррио.— Руки давно по настоящему делу истосковались. К тому же, если мы не начнем наступать, это сделают фашисты.

Вскоре был утвержден план наступательной операции. Мы должны были форсировать реку Сегре, затем наступать в направлении Сарагосы, пробить брешь в обороне противника и соединиться с войсками Центрального фронта, ликвидировав таким образом раскол республики на две части. Первый этап операции прошел успешно, а потом произошло то, о чем несколько позже писал Энрике Листер: «...некоторые командиры, занимавшие высокие командные посты в той зоне, уже готовили измену, они были заинтересованы в разгроме республиканских войск в Каталонии».

Короче говоря, наступление провалилось. В довершение всех бед в наш командный пункт угодил вражеский снаряд. Многие офицеры погибли, а меня сильно контузило, и я попал в госпиталь.

Как раз в эти дни глава республиканского правительства Негрин на пленуме Лиги наций заявил о роспуске интернациональных бригад. В ответ на это Франко должен был вывести германо-итальянские войска, но он не спешил это делать.

Испания истекала кровью, республиканцы бились до конца, предпочитая смерть позорному плену. Но силы были слишком неравны...

Что ж, первая битва с фашизмом была проиграна. Но мы из этого горького урока сделали правильные выводы, настолько правильные, что в сорок пятом разгромили фашизм в его же логове.

Мне не раз доводилось встречаться с друзьями — и русскими, и испанцами, опаленными боями в Валенсии, Каталонии, Кастилии, Андалузии... И каждый раз мы с гордостью вспоминаем строки, записанные в «Истории Коммунистической партии Испании»: «Из той обширной моральной и материальной помощи, которую оказывала испанскому народу страна социализма, особо выделяется, как неувядаемое и волнующее воспоминание, деятельность героических советских добровольцев, прибывших в Испанию, чтобы обучить наших солдат и молодых командиров Народной армии обращению с новейшим военным снаряжением и современному военному искусству. Проявляя мужество и скромность, они показали, как следует сражаться в воздухе и на современных танках, как следует бороться с самолетами и танками противника. Советские добровольцы заслужили право занять почетное место в истории нашей войны».

Фото В. Тарасевича

Сегодня, как никогда, ясно, что уроки советской литературы важны не только для нас — для всего человечества. Созрев в системе духовных ценностей страны Октября, как важнейшая их составная, литература наша стала одной из влиятельнейших литератур мира именно в связи со своей неотделимостью от всенародной судьбы, от тех процессов, которые проходили в ней, продолжая и развивая идеи ленинской революции.

Писатель — участник всей жизни, ответственный за все, что в ней происходит: эта традиция укрепила и возвысила авторитет наших мастеров слова. Одним из таких ярчайших представителей советской литературы был Александр Трифонович Твардовский, крупнейший писатель современности, мастер, озаривший своим творчеством и родную русскую поэзию, и саму атмосферу литературной жизни страны. Он редактировал «Новый мир», был одним из руководителей Союза писателей, был удостоен высоких государственных и литературных наград и званий. И всегда оставался человеком принципиальным, страстным, коммунистом с обостренным чувством справедливости, не признающим компромиссов, когда речь шла о главном, о судьбе всей культуры или о конкретной человеческой жизни. Человек со сложным и неоднозначным характером, он был определенен, был личностью сильной и светлой.

Сегодня, когда мы столько говорим о партийных принципах организации жизни и творчества, столько делаем для того, чтобы эти принципы осуществлялись неукоснительно, уроки Твардовского поучительны и важны. Он отстаивал свои позиции далеко не всегда в условиях всеобщего понимания и поддержки, но неизменно верил в торжество ленинских принципов. Он не боялся трудностей, строго спрашивал с себя и других, понимая, что, как бы ни было сложно, честное партийное дело неодолимо. Временами казалось, что под ударами демагогов Твардовскому очень уж трудно, но он постоянно забывал о себе, отстаивая общее дело. Он верил в логику нашей жизни, противостоящую лжи; надо укреплять и отстаивать эту логику, не боясь трудностей, помня, что именно в этом партийный и профессиональный долг советского литератора. В воспоминаниях известного писателя, лауреата Государственной премии СССР Юрия Трифонова (1925—1981), публикующихся в таком объеме впервые, эта мысль вполне убедительна.

ВСПОМИНАЯ ТВАРДОВСКОГО

Юрий ТРИФОНОВ

Зимою шестьдесят пятого я на Пахре не жил только недели две, в январе. Александр Трифонович жил на даче круглый год. Житье там ему, по-видимому, очень нравилось. Время было шумное, журнал Александра Трифоновича набирал высоту и силу. Верней сказать, высоту он набрал года два назад, а теперь старался держаться на уровне, что было трудно. Во всех смыслах. Авторы, которые считались истинно новомирскими и еще недавно там густо печатались, теперь не выдерживали критерия: планка поднялась высоко. Не столько в смысле о ч е м, сколько — к а к. Всякого рода «остроту» в журнал тащили все, но отбор прозы становился все строже. Я ничего не давал в «Новый мир», было несколько рассказов, но дать их не решался. Было известно, что в отделе прозы сидят необыкновенно требовательные редакторы и вот «пройти» через них страшно трудно. Так говорили мои знакомые, печатавшиеся в «Знамени» и в других журналах, но получившие отказы в «Новом мире». Много было обиженных, уязвленных, раздраженных против журнала и его редактора за эти отказы, говорилось о групповщине, чванстве, дурном вкусе, об отсутствии широты, но в этих разговорах звучал писк лисицы по поводу винограда: на самом-то деле все литераторы, хоть чуть себя уважавшие, стремились стать авторами журнала Твардовского. То было всеобщее писательское вожделение. Не обошло оно и меня.

Но, боже мой, как не хотелось получать по мордасам! Ведь мы солидные авторы, нас хвалит печать, издают в «Роман-газете». А журнал Твардовского, как говорили сведущие люди, ко всем относится одинаково: к секретарям, к маститым, к начинающим, к неведомым авторам из самотека. И больше того: неведомые авторы из самотека даже пользуются, по слухам, некоей предпочтительностью по сравнению с маститыми. «Надо пройти отдел!» — говорили сведущие люди за столиками ЦДЛ. Ну, а там все зависит, конечно, от того, как посмотрит Атэ.

«Атэ» — таково было внутрижурнальное, кодовое имя Твардовского, произносимое, конечно же, за глаза, со школьным благоговением и трепетом, и люди, позволявшие себе всуе, за столиками ЦДЛ, произносить это имя, как бы причисляли себя — уже одним этим знанием кода — к сонму близких и посвященных. Увидеть Атэ, поговорить с ним было для всех, не только авторов, но и для сотрудников журнала, делом редким и непростым.

Я же встречал Атэ возле забора, разговаривал о сжигании листьев, уборке мусора. Зимою по вечерам мы сталкивались на темных, обледенелых аллеях — издалека были слышны его твердые шаги и стук палки. Той зимой он часто ходил один, быстро, не задерживаясь ни с кем из встречавшихся на дороге знакомых, напряженно о чем-то думая. Одинокая его фигура казалась мощной, большой, порывисто куда-то устремленной. Думал ли он о журнале, о своих друзьях и врагах или о том, что происходило в стране и в мире? Может быть, в эти минуты под стук палки и скрип снега возникали стихи? Но помню отчетливо: эта фигура, быстро шагавшая чуть обочь дороги, чтобы не мешать дачникам, гулявшим кучно, семейно, поражала необычайной сосредоточенностью.

Если мы и разговаривали о чем-то, то о делах поселка, о новостях, принесенных эфиром и почтальоншей, но никогда о журнале. Я старался не задавать вопросов, которые могли показаться попыткой проникнуть в редакционные тайны. Слишком много людей хотели бы проникнуть в эти тайны.

Постепенно, в разговорах, обнаружилось, что мы на многое — на дачных соседей, на события и на книги, о которых между прочим, между разговорами о жестянщике Толе, большом плуте и обманщике, и о сбрасывании снега с крыши, если вдруг заходила речь,— смотрим с Александром Трифоновичем одинаково. Летом мы стали встречаться и разговаривать чаще. Александр Трифонович еще не чувствовал во мне полного единомышленника — хотя я был именно таковым,— привычная настороженность и какие-то старые п р е д в з я т о с т и еще давали о себе знать, но доверие росло, правда, медленно. Был разговор о повести «Отблеск костра», Александр Трифонович впервые после долгого перерыва — лет тринадцати, что ли?— проявил интерес к моим сочинениям. Расспрашивал об отце, Миронове, Сольце. Интерес был, но сдержанный. Мне кажется, крупным недостатком повести в глазах Александра Трифоновича было то, что она напечатана в «Знамени». Все напечатанное в «Знамени», выпестованное «Знаменем», имевшее хоть какое-то отношение к «Знамени» встречалось Александром Трифоновичем предвзято и недоверчиво. Все должно было быть с изъянцем.

В повести «Отблеск костра» изъянцы, разумеется, существовали, но не в том смысле, какой предполагался традиционным новомирским мышлением. В «Знамени» ничего не может появиться! Если же появляется, то — вопреки. Между тем появлялось. И как раз вещи того смысла, о котором горячее других хлопотал «Новый мир». Сильной, смелой в духе XX партсъезда оказалась повесть Бакланова «Июль 41 года», отвергнутая «Новым миром». Александр Трифонович разнес баклановскую рукопись, Гриша был убит, понес Кожевникову, тот напечатал. Теперь Александр Трифоно-

вич, наверное, сожалел о том, что упустил баклановскую повесть. Это было время, когда журнал Твардовского с помощью новой мерки перекраивал ряды авторов. В разговорах «между Толей-жестянщиком и уборкой мусора» я слышал краткие, но довольно суровые, порой иронические, порой едкие отзывы о недавних любимцах «Нового мира». Про одного говорилось, что «темечко не выдержало», у другого «нет языка», третий «слишком умствует, философствует, а ему этого не дано». Давно не печатались в журнале Тендряков, Бондарев, Липатов, Бакланов, зато возникли новые имена: Домбровский, Семин, Искандер, Можаев.

И вот об этих, пришедших в последние годы, говорилось с интересом, порою увлеченно. Если в журнале готовилась к опубликованию какая-нибудь яркая вещь, Александру Трифоновичу не терпелось поделиться радостью, даже с риском выдачи редакционной тайны.

— Вот прочитаете скоро повесть одного молодого писателя...— говорил он, загадочно понижая голос, будто нас в саду могли услышать недоброжелатели.— Отличная проза, ядовитая! Как будто все шуточками, с улыбкой, а сказано много, и — злого...

И в нескольких словах пересказывался смешной сюжет искандеровского «Козлотура».

Так же в саду, летом, я впервые услышал о можаевском Кузькине. Об этой вещи Александр Трифонович говорил любовно и с тревогой: «Сатира первостатейная! Давно у нас такого не было. И не упомню, было ли когда...»

То, что Александр Трифонович делился со мной такими редакционными сокровенностями, значило много, и я гордился этим. Иногда Александр Трифонович приходил утром, очень рано, стучал палкой в стекло веранды.

— Тургенев говорил: русский писатель любит, чтобы ему мешали работать...

Признаюсь, я действительно радовался приходу Александра Трифоновича, откладывал писанину, работа прерывалась на несколько часов, а иногда на целый день. Я приближаюсь к теме больной и необходимой. В том смысле необходимой, что ее не обойти. Если писать правду. Он сам требовал этого от литературы, и, пиша о нем, нельзя об этом не помнить. В правде не бывает купюр. Горе Александра Трифоновича, горе близких ему людей и всех, кто любил его, заключалось в вековом российском злосчастии: многодневном питии. Это было то, что — вкупе с врагами Александра Трифоновича — отнимало у него силы в великой борьбе, почти в одиночку, которую он вел последние годы. «России веселие есть пити»— в этой легендарной премудрости, столь годной для гусарских пиров и одинокого пьянства, скрыта, если вдуматься, тысячелетняя печаль. Дачники Красной Пахры тщеславились перед знакомыми: «Заходит ко мне на днях Твардовский... Вчера был Александр Трифонович, часа три сидел...» Господи, да зачем заходит? И с тобой ли, дураком, сидел три часа или же с тем, что на столе стояло? Один дачник, непьющий, признался мне, что всегда вписывает в продуктовый заказ бутылку «столичной». «Для Трифоныча».

— А ты не заказываешь? Напрасно, напрасно. Всегда должна быть бутылочка в холодильнике...

У меня такого распорядка не было и быть не могло, ибо никак я не мог для себя решить: что правильно? Раздувать пожар или пытаться гасить? Правильней, конечно, было второе, да только средств для этого правильного ни у меня, ни у кого бы то ни было недоставало. Пожар сей гасился сам собой, течением дней. Мария Илларионовна однажды сказала: «Он все равно найдет. Уж лучше пусть у вас, и мне спокойней». И верно, находил — хоть на фабрике, хоть в деревне. Были знакомцы по этой части, специалисты по «нахождению» в любой час, на рассвете, в полночь — среди них Толя-жестянщик первый. Толя — забавнейший тип, о нем когда-нибудь напишу подробней. В нем была какая-то обманчивая доброта, привязчивость, готовность сию минуту помочь и сделать что-либо бескорыстно; кипела страсть изобретательства, он выдумывал, сочинял, бросался в разные артельные и единоличные предприятия, ничем не гнушался, торговал ворованным, мог стибрить, что плохо лежит, но вершиной всех его хитроумнейших замыслов бывало всегда одно: трояк на бутылку. Почему это я вдруг вспомнил про Толю? Он как-то прочно впаялся в мою жизнь на Пахре. Мы часто говорили о нем с Александром Трифоновичем, обсуждали его живописные качества. Угадывали его хитрости, смеялись над его словечками. «Александр Трифоныч, жализо для крыши не надоть? Могу завтра принесть. Только сегодня трояк нужен — ребятам отдать...» Его так и звали: «Толя-жализо».

Александр Трифонович относился к Толе хорошо, поручал ему изредка мелкую работенку: то водосток сделать, то колпачок над трубой,— до того дня, когда Толя, на свою беду, не совершил вопиющей неосторожности. Александр Трифонович однажды заметил, как Толя, находившийся на соседнем участке и собиравшийся прийти к нему, вздумал коротить путь— и сиганул через забор. Александр Трифонович крайне возмутился. Толя был изгнан с позором.

Несколько раз Александр Трифонович рассказывал об этой истории с гневом:

— Человек, который прыгает через забор, когда есть калитка, способен на все...

Вначале такая категоричность показалась мне странной, потом я понял, что резон тут есть. И Толя впоследствии, кстати, доказал, что способен если не на все, то на многое...

Александр Трифонович был ровен, проницателен и как-то по высшему счету корректен со всеми одинаково: с лауреатами премий, с академиками, с жестянщиками. Те ровность и демократизм, которые были свойственны редактору «Нового мира» в его отношениях с авторами, отличали Александра Трифоновича и в обыденной жизни, и поэтому он пользовался необыкновенным уважением всех людей, которые как-либо с ним соприкасались. Ну, и я был одним из этих людей, соприкасаясь с ним посредством деревянного заборчика, возле которого мы часто стояли и, держась за его сыроватые планки, разговаривали о всякой всячине.

И мне казалось невероятным, что когда-то я был автором Александра Трифоновича, а он был моим редактором, добрым редактором! Все то, что было пятнадцать лет назад, исчезло навсегда и окончательно. И я не огорчался. Ибо это, исчезнувшее, было связано со временем, справедливый удел которого был: исчезнуть. Александр Трифонович как будто и в уме не держал, не вспоминал о том, что я писатель. Пожалуй, я был для него читатель, квалифицированный, толковый, правильно мыслящий, с кем небезынтересно поговорить о литературных новинках. К его фразам, которые он произносил иногда, прощаясь, после прекрасного застолья на свежем воздухе, в саду, или на веранде с открытыми окнами, вроде такой: «Почему вы нам ничего не приносите? Приносите! Нам интересна каждая ваша страница!»— я относился с мучительным недоверием. Я подозревал в них глубоко — впрочем, и не очень глубоко — спрятанную иронию. Может быть, я ошибался, но скорей всего так и было. Уж очень непохожей на него была эта фраза: «Нам интересна каждая ваша страница!» Конечно же, он смеялся надо мной, как смеялся над другими, когда уходил, прощаясь, после прекрасных вечеров на свежем воздухе.

Повторяю: у меня были рассказы, но дать их Александру Трифоновичу я не решался. Кроме того, что пугал возможный отказ, удар по самолюбию, я еще боялся нарушить наши отношения, умеренно-дружественные. Боялся того, что он подумает, что я думаю, что, коль мы встречаемся по-соседски, это дает мне право...

Осенью 1966 года Борис Слуцкий взял моих три рассказа и отдал в «Новый мир». Спустя несколько дней мне позвонили и сказали, что рассказы понравились и будут напечатаны. Во всяком случае, два из трех: «Вера и Зойка» и «Был летний полдень».

Эти два рассказа прошли с необыкновенной быстротой все ступени редакционной лестницы и появились в декабрьском номере того же, 1966 года. Я снова стал автором «Нового мира». В марте следующего, 1967 года «Новый мир» напечатал рецензию И. Крамова на книгу «Отблеск костра», только что изданную «Советским писателем»,— это был первый и, пожалуй, единственный основательный отклик на книгу, появление которой в тогдашние времена представлялось фактом загадочным. Весною 1967 года я поехал по командировке «Нового мира» в Ростов — собирать материалы для документальной книги о двадцатом годе.

Помню, Александр Трифонович зашел в маленькую комнатку ответственного секретаря Хитрова, когда тот выписывал мне командировку, и, узнав, что я еду в Ростов, сказал одобрительно:

— Хорошо, хорошо. Надо его посылать...

В этих словах было много: «хорошо» для редакции, «хорошо» для меня.

Я написал рассказ о поездке в Болгарию — «Самый маленький город», отнес в журнал. С этим рассказом дело было так. Прочли в отделе, прочел Дорош, кто-то из членов редколлегии: одобрили, послали в набор. Александр Трифонович читал обыкновенно верстку — кроме крупных вещей, с которыми знакомился, конечно, в рукописи. Летом шестьдесят седьмого я на Пахре не жил. Приехал как-то осенью, встретился с Александром Трифоновичем, и он сказал мне, что только что прочитал «мой рассказик». Так и сказал: «ваш рассказик».

Я почувствовал холодноватость отношения к «рассказику». Да, разумеется, это было не свое, не новомирское — и по манере, по стилистике, по художественной задаче. В рассказе «Самый маленький город» не было ничего из того, что особенно ценилось журналом «Новый мир» и ставилось во главу угла: из так называемого социального. Хотя, на мой взгляд, социальное в глубинном, высшем его понимании — изображении общества как сплетения характеров—должно существовать и существует во всякой истинной литературе, какой бы далекой от социологизации она ни казалась. Один мой приятель, литератор, в конце пятидесятых годов всегда спрашивал, когда речь заходила о каком-либо романе, о рассказе или повести: «Против чего?» Скажешь ему, что пишешь, мол, рассказ или повесть, он сразу: «Против чего?» Все лучшие новомирские произведения, напечатанные за последние годы, очень четко отвечали на этот вопрос. А рассказ о Болгарии был как будто не против чего. Несколько лет назад Б. Закс сказал по поводу туркменских рассказов с неодобрением и даже, пожалуй, презрительно: «Какие-то вечные темы!..» Те рассказы были отвергнуты, на этот же раз отдел меня одобрил, хотя и со скрипом. Донеслось ворчливое высказывание Ефима Григорьевича Дороша: рассказ написан в какой-то западной манере, но печатать можно: «У Трифонова есть свой читатель».

В общем, ко мне относились гораздо лучше, чем несколько лет назад, и это было основанием надеяться на то, что рассказ пройдет. Очень хотелось его напечатать, он казался мне настоящим. Я и сейчас считаю его одним из лучших, из пятерки своих рассказов. Кроме того, мне непонятно высокомерие, с каким иные литераторы говорят о западной литературе, будто эта литература — какой бы высокой и значительной она ни была — все же чем-то ниже отечественной, мол, там чтиво, а здесь пища мозгам; там стиль, а здесь коряво, но правда. Все это ползет от непереваренной почвеннической фанаберии девятнадцатого века, не принесшей русскому искусству особых достижений, зато обольстившей наших мыслителей великим множеством приятнейших, душегрейных рассуждений: от гениального Достоевского до Шевцова. Пусть простят меня почитатели великого писателя за то, что соединяю его имя в одной фразе с именем графомана, но делаю так лишь затем, чтобы показать, сколь необъятна эта система и как много в ней всякого рода, всяких масштабов орбит. Есть там и орбита Ефима Григорьевича Дороша, да и весь «Новый мир»— теперь пусть простят почитатели замечательного журнала — тоже крутится где-то в этой вселенной, ядром которой является нечто, называемое «почвой» или, скажем, «родной землей».

В рассказе «Самый маленький город» было, на ортодоксальный новомирский взгляд, три порока: он был написан о Болгарии, а не о родной земле (о Болгарии должны писать болгары, а иные попытки — от лукавого), в его сти-

листике замечалось влияние не русской классической прозы, скажем, Толстого или Бунина, а, скорее, Хемингуэя, и вдобавок в нем совершенно не было «против чего». Но я-то считал, что «против чего» там было. Ну, может быть, так, против горечи жизни, против несправедливости судьбы, против... да бог знает против чего еще! Против смерти, что ли. Против обыкновенного житейского ужаса нигде и никогда, с чем мы примиряемся и живем.

Но все это было чересчур общо и ненужно.

Я не удивился тому, что Александр Трифонович сразу обнаружил холодность к рассказу, хотя сказал довольно мягко:

— Я понимаю, вы хотели бы такой памятничек... Но на вашем месте я бы рассказ теперь не печатал. Пусть полежит.

Никакого «памятничка» я не хотел. Даже в уме не держал. Написалось, и все. Возражать не стал и спокойно принял известие, что рассказ не пойдет. Почему-то была уверенность в том, что напечатаю в другом месте. Но Александр Трифонович неожиданно и каким-то безразличным тоном произнес:

— Если хотите, мы его напечатаем. Как хотите. Но мой вам совет — подождать.

Подумавши полминуты, я сказал:

— Александр Трифонович, я хочу его напечатать.

Это был странный разговор с редактором: хотите, не хотите. Мне было неловко, что не внял доброму совету, пошел наперекор Александру Трифоновичу, и, однако, уж очень мне хотелось этот рассказ напечатать.

Итак, рассказ был одобрен и определен в один из ближайших номеров. Между тем был у меня еще один рассказ, застрявший в отделе: «Голубиная гибель». Он, кажется, не очень понравился Дорошу, потому что был отсечен от тех двух, напечатанных в шестьдесят шестом. Я считал, что по качеству он ничуть им не уступает, да и по смыслу не худ. Словом, я набрался наглости и передал его как-то осенью, в один из приездов на дачу — прямо через забор,— в руки Александру Трифоновичу. Это было первый и единственный раз, когда я действовал помимо отдела, воспользовавшись выгодою соседства. Прошло всего дня три, и Александр Трифонович сказал, что рассказ ему понравился и он передал его в отдел.

— Он лежал у меня на столе, Мария Илларионовна прочитала,— сказал Александр Трифонович.— Хороший, говорит, рассказ, но почему конец такой грустный? Прямо, говорит, жить не хочется. Вы там что-нибудь сделайте с концом...

Потом был разговор об этом рассказе в редакции. Меня вызвали туда срочно. Звонил сам Дорош. Тут я понял, что значило для отдела, когда материал со своим «добро» передает Александр Трифонович. Все делалось с поразительной быстротой, с опаской не успеть, недоделать. Я должен был мгновенно учесть все замечания на полях, потому что рассказ добавлялся к болгарскому и шел в первый, январский номер шестьдесят восьмого года. Александр Трифонович просил зайти к нему в кабинет, на второй этаж. Об этом мне так же поспешно и с некоторым волнением сообщил Дорош.

Александр Трифонович подробно прошелся по всему тексту. Замечания его были точные, четкие. Ни одно не вызвало возражений, все шли на улучшение, уточнение рассказа. Он, например, подчеркнул везде слово «карниз» и заменил его словом «отлив». Предложил убрать несколько фраз в сцене ареста Бориса Евгеньевича, отчего все стало выразительней и сильнее.

— Хорошо он у вас говорит: «Разве вы не знаете, я же вчера человека убил?»

Я признался, что эту фразу не придумал, она из жизни. Мне рассказывала вдова Виктора Кина Цецилия Исааковна Кин, что, когда Кина уводили ночью из дома в тридцать седьмом году, няня их сына воскликнула: «Виктор Павлович, да за что же?» Кин ей ответил: «Разве ты не знаешь, Федора, я же вчера человека убил».

Александр Трифонович помолчал, супясь. Все было ведомо, слышано много раз, передумано с болью, и каждый раз — боль снова. Он покачал головой.

— Эта фраза, я думаю, не пострадает, а вот во что вцепятся: полковник в отставке. Он у вас довольно зло... Вцепятся непременно.

— Убрать, вы думаете?

— Убирать пока погодим. Но вы увидите, они его не пропустят.

Речь шла о члене домкома Брыкине. Я писал сей персонаж почти с натуры. Концовка рассказа тревожила Александра Трифоновича меньше, чем этот Брыкин, он лишь посоветовал снять в конце фразу о смерти Сталина, обозначавшую перелом времени. Фразу я снял.

Оба рассказа прошли без замечаний, однако «Голубиная гибель» только в «Новом мире» прошла в первоначальной редакции. В двух сборниках моих рассказов, вышедших в «Советской России» и в Гослитиздате, рассказ опубликован в изувеченном виде. Теперь это просто сентиментальный рассказ.

«Новый мир» в это время подвергался все более ожесточенным нападкам, номера с трудом продирались и выходили с опозданием иногда на два, на три месяца. Все, что печаталось в журнале Твардовского, часть критики рассматривала в лупу. За всем виделись злоумышления, второй план. Именно теперь модным, у всех на устах, сделался литературоведческий термин «аллюзия», известный прежде лишь профессорам. («Аллюзия» от латинского allusio — шутка, намек.)

Январский номер с двумя рассказами вышел лишь в марте. Весною я написал рассказ «В грибную осень», отдал «Новому миру». Рассказ вышел в августовском номере. Этот номер был сдан в набор тридцатого мая, а подписан к печати девятнадцатого октября. Подписчики получили его в ноябре.

Вот так обстояло теперь дело с «Новым миром». Шли разговоры о том, что Твардовского снимают. Этим слухам верили и не верили. Да, номера выходили с трудом, каждый рождался в муках, приходилось пробивать, отстаивать, спорить с чиновниками, и все же номера выходили, дело двигалось. Тут была какая-то странность. В печати, на собраниях журнал честили почем зря, обвиняли чуть ли не в антисоветчине,— особенно кидались на «Новый мир» те, кому досталось от отдела критики, армия этих оскорбленных с каждым годом росла и злобнела,— но почему-то оргвыводы не делались; уже зрела такая безумная догадка: «Новый мир» никогда не будет разогнан, ибо он нужен.

Зимою мы виделись редко, а в начале лета следующего, шестьдесят девятого года, когда я переехал на Пахру прочно, решив там жить все лето и работать — я писал тогда повесть «Обмен»,— мы виделись с Александром Трифоновичем чуть ли не каждый день.

Стоял свежий, теплый июнь.

Каждое утро мы ходили с Александром Трифоновичем купаться на речку. Мне было неловко заходить за ним — боялся быть навязчивым,— а он по дороге от своей дачи на речку заворачивал на мой участок, благо калитка не закрывалась ни днем, ни ночью, подходил к открытому окну на кухне или к веранде и говорил громко: «К барьеру!» Бывало это рано, часов в восемь. Я тут же выходил с полотенцем, и мы шли по шоссе, еще не успевшему нагреться, тихому и пустынному, солнце пекло нам в спины. На дачах никто не шевелился. Проезжала молочница на велосипеде, здоровалась с Александром Трифоновичем. Он кланялся ей степенно. В этой деревне, называемой Красной Пахрой, где жили писатели и бог еще знает кто, он был, конечно, самый знаменитый и уважаемый человек. Мы сворачивали налево, проходили через калитку на территорию моссоветовских дач, потом шли парком, спускались мимо заброшенного каменного здания клуба крутой тропинкой к рощице ивняка, и вот уже был берег нашей речонки Десны, повсюду узкой и жалкой, а здесь довольно широкой из-за плотины. Берег в этот час был безлюден. Может быть, два или три рыбака крылись где-то в укромных убежищах, в густой осоке или под счастливым деревом. Ни лодок, ни детского крика. Мы переходили по мостику на остров и там в гущине, в тени, возле коряжистой, изломанной старой ивы располагались на нашем месте.

Александр Трифонович не любил цивилизованного пляжа, вообще пляжа. Население поселка ходило обыкновенно к излучине реки, где было подобие такого пляжа, песок, мягкое дно, даже вышка для прыжков в воду, там днем и вечером гомонили купальщики, дети, молодежь, играли в волейбол, читали книжки, загорали, текла летняя жизнь. Александр Трифонович не ходил туда никогда. Он любил островок, где ивы, уединение, вязкое дно, всегда немного тенисто и грязно, но лишь на первый взгляд грязно, на самом-то деле грязь на пляже, а здесь самая чистая вода на всей реке. Потому что ключи, местами даже стынью обдает, плывешь, плывешь, и — холодом по ногам.

Сход в реку был удобен: подходили к глинистому обрывчику, хватались за склоненный низко над водой — будто по заказу — не толстый, но и не тоненький, пружинистый ствол ивы и, сделав два шага, оказывались на глубине. Александр Трифонович был крепок, здоров, его большое тело, большие руки поражали могутностью. Вот человек, задуманный на столетие! Он был очень светлокожий. Загорелыми, как у крестьянина, были только лицо, шея, кисти рук. Двигался не спеша, но как-то легко, сноровисто, с силой хватался за ствол, с силой отталкивался и долго, медленно плавал.

В июне шестьдесят девятого года, теплыми утрами на реке, от которой парило, я видел зрелого и мощного человека, один вид которого внушал: он победит! Настроение у Александра Трифоновича в те дни было и вправду боевое. Номера выходили хорошие. Только что опубликовали новую повесть Быкова «Круглянский мост», на выходе был Белов; какие-то уморительные «байки» или «бухтины», о которых Александр Трифонович говорил с удовольствием. Интеллигенция все еще жужжала восторженно о двух повестях Катаева (редактор восторга не разделял, но было приятно, что вокруг журнала шум), а тут снобам новая сласть: повесть «Кубик». Оглянувшись с озорным видом, будто кто мог подслушать, шептал: «А я вам говорю...» Я спорил. Катаев мне нравился. Первую повесть я считал блестящей и даже написал какую-то статью в ответ Дудинцеву, но «Литературка» не напечатала. Впрочем, дудинцевской грубостью Александр Трифонович был возмущен. Мы с ним говорили. Но то было давно, а теперь его уже раздражало ликованье снобов. Напечатаньем катаевских вещей он все же гордился, так как считал их, конечно же, литературой, в отличие от многого, что печаталось, и литературой, имевшей право на существование, но ему не близкой и даже в некотором смысле чуждой, однако же вот печатал, и не одну вещь, а три. Была известная гордость собой, своей широтой, великодушием. Отношение Александра Трифоновича к Катаеву меня не удивляло. Это был твердый, закаленный годами труда и размышлений вкус: видеть в литературе не стиль, а суть. Стиль часто мешал сути. Писатели из окружения Александра Трифоновича исповедовали ту же эстетику, одни подлаживаясь к нему, другие — совершенно искренне, как, например, Казакевич и Дорош. В письме о моей первой книжке рассказов Казакевич ругал как раз те рассказы (туркменского цикла), которые мне казались лучшими в сборнике, заметив при этом: «Для меня нет ничего ненавистнее стиля».

Александр Трифонович начисто отвергал Набокова. Однажды был разговор о прекрасной книге воспоминаний Набокова «Другие берега». Я читал ее с упоением. Александр Трифонович сказал, что она фальшива, искусственна, ничтожна, глупа и что у него терпения не хватило дочитать до конца. О «Лолите» говорил как о пакости. Нет, не читал ее, ибо пакость противно брать в руки. Из западных писателей он, по-моему, более других ценил Томаса Манна.

В июне по дороге на речку и с речки мы разговаривали о разных вещах. Не помню уж сейчас, о чем и как. К сожалению, ничего не записывал, и это было величайшей глупостью. Рассуждения Александра Трифоновича всегда отличались своеобразием, глубиной, острыми и неожиданными мыслями. Тут мой

грех: непривычка вести дневник, записные книжки. Помню, много говорили о статье Дементьева[1] в последнем, недавно появившемся апрельском номере «Нового мира» и в связи с нею — о журнале «Молодая гвардия» и группе критиков, возомнивших себя новыми славянофилами. Об этой публике Александр Трифонович говорил презрительно. Помню, он признался, что не читал Розанова, никогда не было желания искать и читать этого писателя, а теперь захотелось познакомиться. Слишком много разговоров о нем. У меня была одна книга Розанова — «О легенде «Великий инквизитор». Александр Трифонович попросил ее и, вернув очень скоро, дня через два, сказал, что разочарован, все где-то читано, знакомо.

Не знаю, может быть, я много на себя беру, и это дерзость с моей стороны — рассказывать о литературных вкусах и пристрастиях Александра Трифоновича. Он сам об этом писал, и люди, более близкие к нему, работавшие с ним в журнале, напишут авторитетней и подробней. Со мной-то Александр Трифонович говорил мимоходом, а с ними — с тем же Дементьевым, жившим у нас на Пахре,— разговаривал куда чаще и больше, обстоятельней, откровенней. Но не знаю, когда и что напишут другие, поэтому позволю себе записывать все мелочи, все мимолетное, оставшееся в памяти — может, это и покажется кому-то «превышением прав».

Июнь шестьдесят девятого — это была, кажется, лучшая пора в последнем году Александра Трифоновича-редактора. Физически он был крепок, духом бодр, как видно, ему хорошо работалось. И все же давление страшного атмосферного столба, которое то увеличивалось до чугунной тяжести, то чуть отпускало и даже якобы исчезало — обманчиво — вовсе, чувствовалось над головой журнала постоянно.

И если это чувствовали все мы, авторы близкие и далекие, и чувствовали читатели на необъятной России, то каково же было ему!

Помню, был разговор, от которого сжалось сердце. Очень хорошо помню: на моем участке, в саду, спустились со ступенек крыльца и шли к калитке. Он вдруг остановился и сказал тихо, с какой-то невыразимой, правдивой болью:

— А знаете, Юрий Валентинович, иногда проснешься утром и думаешь: а не бросить ли все это? Не послать ли куда? Ведь сил не хватает на борьбу... Ведь, ей-богу же, и сам я кое-что еще могу написать, руки есть, голова есть... А вот силы кончаются... А потом подумаешь, сколько же людей ждут этот журнал, как праздник, как надежду какую-то! В захолустных городках где-то, в деревнях подписываются, ждут, я же знаю... Обмануть их? Уйти в благополучную жизнь? Нельзя, невозможно. И говоришь себе, как протопоп Аввакум своей Марковне: «Марковна, до самыя смерти!» Она его спрашивала: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?»

Окончилось это спокойное время начального лета поездкою Александра Трифоновича в гости к Соколову-Микитову. Александр Трифонович любил старого писателя, они были земляками, дружили. Я не знал, что он уехал. Сказала мне Мария Илларионовна, и как-то с опаской: «Боюсь, как бы он не сорвался...» Да, видно, уж точно знала, обреченно предчувствовала: сорвется. Так и вышло. Случайно я был на шоссе, когда Александр Трифонович возвращался. Машина остановилась, дверца отхлопнулась, и Александр Трифонович крикнул что-то, зовя меня. Я подошел. По веселому, очень красному лицу, громкому голосу, желанию вылезти зачем-то из машины, что сделать было трудно, все стало ясно.

Мне почему-то кажется, что с этой поездки к Соколову-Микитову началась вся цепь дальнейших несчастий.

Впрочем, все шло к тому, к несчастьям, неотклонимо, и поездка ничего изменить или прибавить не могла. У Александра Трифоновича начался длительный период болезни, который окончился бедой: Александр Трифонович упал с лестницы в своем доме — лестница вела на второй этаж,— сильно разбил голову, повредил шею и был увезен в Кунцевскую больницу. Случилось это, кажется, в августе. Между тем недели две или три, от поездки к Соколову-Микитову до падения с лестницы, Александр Трифонович находился в том состоянии, когда были невозможны ни работа, ни купания в реке, ни чтение. И, наверное, не было худа без добра: он не мог по-настоящему вникать в ту отвратительную кампанию клеветы и травли, которая развернулась тогда, летом, на страницах некоторых газет и журналов. «Социалистическая индустрия», «Огонек» и какая-то еще газетка, не помню сейчас какая, печатали гнусные статейки теперь уже не против «Нового мира», а против его редактора лично. Такого рассчитанного и циничного хамства в нашей печати давно не бывало: со времен, может быть, пресловутой «борьбы с космополитизмом».

Неизвестно, откуда дул ветер и кто был закоперщиком кампании. Возможно, инициатива шла снизу, из тех газет и журнальчиков, где сидели люди, особенно люто ненавидевшие «Новый мир». Это догадки. Кто-то знает доподлинно, я не знаю.

Так или иначе, шла артподготовка к главному сражению: снятию Твардовского с поста редактора. А сделать это было, как видно, непросто. Уж очень велики в народе, в интеллигенции, в армии, во всей стране популярность и авторитет создателя «Василия Теркина».

Мы читали пасквильные сочинения, возмущались, надо было противодействовать. Решили написать письмо. В какое-то августовское воскресенье на даче у Бакланова такое письмо написали. Не помню сейчас, в какой именно адрес: то ли в секретариат Союза писателей, то ли куда-то выше. Письмо было очень короткое, резкое. Возмущены кампанией клеветы, которой подвергается любимый поэт советского народа и главный редактор лучшего в стране журнала, и требуем ее немедленного пресечения. Что-то в этом духе.

Тут же вечером побежали по поселку за подписями. Тендряков подписал, разумеется, сразу, Бондарев отредактировал текст, затем, получив его подпись, пошли к Нагибину, который в своем музейном, в золоте и бронзе, кабинете поставил подпись легко. Утром в понедельник поехали с Баклановым в город, зашли к старому приятелю по Литинституту, и он, к изумлению моему, не то что помявшись или поколебавшись, а очень решительно отказал:

— Нет, ребята, я этого подписывать не стану!

Тут мне открылось многое. Мне представлялось раньше, что громадное большинство писателей стоят на стороне Твардовского и только очень немногие являются врагами Александра Трифоновича и его журнала. Однако дальнейшее показало, что между друзьями и врагами Александра Трифоновича колышется необмерное море не тех и не других, но все же склоняющихся ближе к недоброжелателям, а еще точнее — к ущемленным, обиженным за что-то, когда-то.

Я, вообще говоря, убежден в том, что «Новый мир» страдал от того, что взорвался пороховой погреб писательских самолюбий. Слишком многих писателей этот журнал задел, слишком важные персоны раздел, обнаружив голых королей.

Письмо в защиту Александра Трифоновича подписали еще несколько человек: Антонов, Рыбаков, Каверин, Алигер, еще кто-то. Я ездил в Переделкино. Александр Трифонович об этой деятельности, разумеется, ничего не знал. Сейчас уж не помню, повлияло ли наше письмо или действия Симонова и Суркова, но газетная травля прекратилась.

Александр Трифонович долго находился в больнице. Слухи о ходе его болезни и лечении доходили неясные. Все были удручены неизвестностью, переспрашивали друг у друга, передавали сведения от Марии Илларионовны и удивлялись тому, что все так затянулось и так неясно. Те, кто навещал его в больнице, говорили, что он сильно изменился, постарел, голова его как-то согнулась. Раньше Александр Трифонович очень прямо и гордо держал голову, это было характерно для его фигуры, а теперь, как рассказывали те, кто видел его в Кунцеве, он неузнаваемо сгорбился. От падения повредились шейные позвонки. Все эти рассказы вызывали тревогу.

Летом я закончил повесть «Обмен», отнес ее в «Новый мир». Прочитали Дорош, другие члены редколлегии, все были «за». Повесть пошла в набор и была намечена на декабрьский номер. Александр Трифонович вернулся из больницы где-то в сентябре, скорей всего — в начале сентября. Встретив его случайно в один из приездов на дачу, я с болью почувствовал, как правы были больничные посетители: он постарел резко, это бросалось в глаза. Двигался медленно, голову держал слегка опущенной, как бы постоянно понурив, отчего весь облик принял непривычное, чуждое выражение. Какая-то стариковская сгорбленность — вот, что выражал его облик, и это было так дико, так несуразно и несогласно со всей сутью этого человека!

Надеялись на то, что болезнь пройдет, все восстановится. И наверняка бы восстановилось, если бы другая жизнь... Да где было ее взять, другую?

На ноябрьские дни я приехал на дачу. Помню, восьмого ноября Александр Трифонович зашел ко мне, как он выражался, «на огонек». Он был в осеннем просторном бушлате, с палкой, совершенно трезвый и спокойный. Принес книгу, которую брал читать, не помню уж какую. Кажется, какой-то номер «Красной летописи». Сели за столом внизу, Александр Трифонович достал пачку сигарет: курил он, несмотря на болезнь, по-прежнему много и все один сорт, крепчайшую, без фильтра, «Приму».

Александр Трифонович сказал, что ему прислали верстку декабрьского номера, он прочитал повесть «Обмен», сделал некоторые замечания на полях, и хорошо бы я зашел к нему сегодня или лучше завтра, и он эти замечания покажет. Разговор был обыкновенный, деловой. Отношения к повести Александр Трифонович не высказал, но было очевидно, что он не против опубликования, а, стало быть, повесть им одобрена. Я, конечно, был безмерно счастлив, хотя обстоятельства, окружавшие Александра Трифоновича и журнал, были невеселые. И радоваться теперь было как-то неприлично. Твардовский заговорил о «Красной летописи», где была занятная статья — ради нее и брался журнал — Книжника-Ветрова о семнадцатом годе в Питере. Оценки и суждения Александра Трифоновича были, как всегда, остры, метафоричны.

На другой день, созвонившись с Александром Трифоновичем, я зашел к нему на дачу, и мы посидели полчаса в его маленькой рабочей комнатке на нижнем этаже, где был стол, заваленный письмами и бумагами, загроможденный книгами, книжные полки и больше ничего. Настоящий кабинет с библиотекой был на втором этаже, но Александр Трифонович любил работать здесь, внизу, видя перед собой дорожку в саду и в глубине, за деревьями, калитку. Теперь я услышал одобрительные слова о моей повести, несколько замечаний по языку, с которыми согласился, и одно конструктивное предложение:

— Зачем вам этот кусок про поселок красных партизан? Какая-то новая тема, она отяжеляет, запутывает. Без нее — сильный, сатирический рассказ на бытовом материале, а с этим куском — претензия на что-то большее... Вот вы подумайте, не лучше ли убрать.

Я был совершенно убежден в том, что убирать нельзя. Может быть, Александр Трифонович не слишком внимательно читал — было не до того,— а может, ввиду сгущавшейся опасности проявлял некоторую осторожность, нежелание рисковать зря. Повесть мою он, наверное, не считал кардинальной вещью журнала, а рисковать и подставляться под копья следовало только ради чего-то кровного и дорогого. Могли быть нападки, очень нежелательные в то время. Но когда я сказал, что поселок красных партизан для меня важен и убирать его не стоит, ибо исчезнет второй план, Александр Трифонович легко согласился: «Пожалуйста, оставляйте...» В этом легком согласии я почувствовал не только великодушие редактора, но и некое грустное безразличие...

И это было то, что омрачало радость.

«Обмен» появился без единой поправки. Повесть вышла в предпоследнем номере, подписанном Твардовским, а последним оказался первый январский семидесятого года с повестью «Белый пароход» Айтматова.

* * *

Он умер в декабре семьдесят первого. И о похоронах писать нет сил. Напишут другие...

[1] А. Дементьев — литературный критик, член редколлегии «Нового мира».

Е. Лансере. 1875—1946. АУЛ ТИДИБ В ДАГЕСТАНЕ. 1925.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Малевич. 1878—1935. ДЕВУШКА С КРАСНЫМ ДРЕВКОМ. 1932—1933.

Государственная Третьяковская галерея.

ДАЮ УРОКИ

В Ашхабаде встретились и сразу же подружились двое «бывших»: журналист-международник Ростислав Знаменский и следователь по особо важным делам Ашир Атаев. Один, работая за границей, проиграл в рулетку деньги, выданные на покупку служебной автомашины. Другой был уволен за то, что не смог объяснить, откуда взялась в его сейфе большая сумма денег. Вскоре Знаменский и Атаев познакомились с ответственным работником Государственного комитета по иностранному туризму Самохиным. Атаев настоятельно советует больному Самохину слетать со Знаменским в Красноводск и Кара-Калу — там лечат почки целебным напитком из верблюжьего молока. Ростислав понимает, что эта поездка зачем-то нужна Аширу.

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Они шли по тихой улочке, по которой вчера проезжал Знаменский на машине, и улочка открывалась ему по-новому. Глаза невольно выискивали, чему бы тут порадоваться,— ведь ему теперь жить в этих местах. Они прошли мимо школы, большого здания с большими окнами, забранными в решетчатые из бетона узоры по первому этажу. Архитектор полагал, что узоры эти из бетона украсят его школу. Так, наверное, на рисунке и получалось, но встал дом, грянуло солнце, налетели из пустыни ветры с колкой пылью, дожди со снегом пролились зимой, и бетонные цветы-узоры угасли, запылились, краска сошла с них, всякий сор забился в прорези и извивы, и замыслы архитектора, его мечты на бумаге погребла реальность бытия.

Но зато, когда свернули за угол, где школьный двор открылся и где полно было ребятишек, собравшихся здесь летом, чтобы ехать в пионерский лагерь, замысел другого архитектора восхитил Знаменского. Это были мальчики и девочки из младших классов, тут, на школьном дворе, резвилась человеческая молодь. Уже были поданы автобусы, мамы и бабушки уже скликали ребят, но дети играли. Девочки были в длинных национальных платьях, тюльпанами разбегались они по двору, мальчики, хоть и в форменных костюмчиках, как-то так приспособили к себе эту форму, что казались не школьниками, а маленькими джигитами, они и прыгали тут, и скакали, будто сидели на лошадях, их главной игрой тут было перепрыгивание через довольно высокую металлическую ограду — туда-назад, туда-назад. Толстая труба ограды была отполирована их телами. Прыжки иные были просто рискованными. Но смотрели на джигитов девочки, перебегая стайками, замирая и дивясь. И мальчики рисковали, чуть ли не цирковые выделывая номера. И вот тут ожили серые стены школы, тут архитектор удивительную явил свою талантливость. Тут и небо было на месте, хоть и палило неистово, и горы близкие были очень нужны, уместны, и эта площадка, залитая асфальтом, не казалась унылой, а цвела тюльпанами, тут даже обыкновенная труба ограды, над которой метались ловкие тела, не казалась трубой, а была барьером ловкости и мужества. Вот такую свою школу и запомнят до конца дней своих эти ребятишки, мужать будут, стареть будут, а в глазах их удержатся этот двор, небо, горы, эти милые стены, а в памяти сбережется, что были ловки, смелы, не чувствовали своего тела, что будто летали они, умели летать. Да, иной тут работал архитектор, иными располагал и материалами — от железной трубы до снежной вершины и знойного неба.

Знаменский обрадовался этому школьному двору, столь близкому от его нового дома. У него не было детей, Лена не хотела обременять себя. А он и не задумывался, нужен ли ему ребенок, мелькали дни, некогда было о чем-то таком, извечном подумать. Но к ребятишкам тянуло. Где бы ни очутился, всегда заглядывался на таких вот, как они, мелькавших и скакавших. Теперь он сможет иногда бывать здесь, место было из радостных и для глаз, и для души.

Вдали открылась та улочка, на которой стоял дом Дим Димыча, теперь его обиталище. Там совсем было тихо, дувалы тянулись вровень с кровлями, кроны тополей, сходясь в вышине, выстлали по улочке густую тень, арычная вода позванивала, шла быстро. Вступая сюда, человек вступал в тишину и благодать. И он теперь жил тут. На всех почти дверцах, врезанных в дувалы, в крепостную их толщу, висели бумажки, на которых коряво было начертано: «Квартиры нет». Здесь не сдавали комнат, здесь жили для себя, потаенно, своим миром. А ему вот сдали. Он шел сейчас домой, к себе. Но на этом «к себе» мысль упиралась как бы в стену, в толстый, из вязкого самана дувал. Куда к себе? Кто там его ждет? И сам ли шел? Вчера его сюда привезли, сегодня его сюда повели. Он вдруг спросил у Ашира, приостановившись:

— О каких эта Роза-джан взятках говорила? Тебя, что же, уволили за взятки, Ашир?

И Ашир приостановился.

— Что ж, давай поговорим,— сказал он устало.— Да, считается, что я уволен из прокуратуры за взятки. Почти никто в это не верит, но факт получения мною денег, так сказать, зафиксирован. Не совсем, конечно. Иначе бы я сидел. Почему никто не верит? Тут я не прав. Кто захотел, тот поверил. Нашли в моем служебном сейфе пачку денег, толстую пачку, происхождения которой я не смог объяснить. Подсунули? Но ключ был только у меня. Он был, правда, когда-то и в других руках, у моего предшественника. Но когда это было? Надо было сменить замок, но мой предшественник был моим другом. Словом, не совсем убийственный факт, но достаточно убивающий, чтобы можно было прогнать, запятнать, уволить — вот оно, это слово! — за несоответствие. И это еще милосердно! — Ашир не заметил, что перешел на крик.— И это еще я благодарить должен! Пожалели с учетом былых заслуг!

— Я не верю, чтобы ты мог взять взятку,— сказал Знаменский.— Ну, не верю. И эта Роза-джан так говорила... А она из бывалых. Подсунули? А кому это нужно было, Ашир?

— Вот! — Ашир вдруг затравленным движением огляделся по сторонам, сникая, сводя голос на шепот.— Вот... Я это и должен установить, дорогой товарищ...— И опять он непонятно себя повел: дурашливо взмахнул руками, плечи свел-передернул, как-то жалко-беспечно, ухмылочкой пьяноватой развел губы, скалясь, будто радуясь.— Но я вот пью-гуляю, горе запиваю! Меня обидели, прогнали — я пью! «Бродяга я-а!..» — затянул он резко и фальшивя. Он встряхнул ящик, там зазвенели бутылки.— Вот сейчас добавим! Такие дела!

— Ашир, тут же никого нет вокруг,— близко подошел к нему Знаменский.

— Думаешь? Идем, идем, не оглядывайся...— Ашир, не разжимая губ, заговорил, едва расслышал его слова Знаменский: — Не оглядывайся, говорю... И чему вас учили, дипломатов?.. Ты кем был, разведчиком?

— Журналистом, Ашир. Понагляделся ты, смотрю, детективов.

— Ну, ну... А вербовали тебя всерьез или тоже по-киношному?

— Теперь начинаю понимать, что всерьез.

— Начинаешь понимать... В этом все дело! Понять! Самому! Нас учили дознаваться истины. Отлично! Это когда ты следователь по чужим делам. А когда самого воткнули? — Ашир лихорадочно произносил слова, но все время прислеживал за ними, чтобы не вырвалось бы какое в звук, не сорвалось бы на волю, для чужих ушей. И он все время озирался, хотя на улочке ну никого не было, ну ни единой души. Допекли человека! Теней от деревьев стал страшиться.

— Что ты, Ашир, никого же тут нет,— сказал Знаменский, повнимательней оглядевшись.

— Никого, я вижу,— согласился Ашир.— А знаешь, какие у нас тут дела недавно отшумели? У нас один из руководителей правосудия дважды стрелялся в этой тишине.

— Попал, наконец?

— Не шути про такое! Попал! Думаю, помогли старому человеку... Вот такие дела, а вокруг никого. Смели половину судей, селем прошлись по МВД, по прокуратуре, а вокруг никого.

— Бывает, что достается и невиновным. Это твой случай. Разберутся...

— Другой у меня случай. Другой! Противоположный!

— Ты чего-то недоговариваешь.

— Еще договорю. Теперь уж придется. Пришли! — Ашир остановился у двери перед домом Дим Димыча, ладонью медленно провел по лицу. И удалось ему, стерла ладонь его лихорадку, успокоенным сделалось лицо, даже приветливым.

Он толкнул дверь, она легко отворилась, разом открыв глазам дворик перед крыльцом, мир этот мирный со сливовым в фиолетовых плодах деревом, с виноградными лозами, с близкими вдали коричневыми горами. И тот же столик стоял, уйдя ножками в берега поливных канавок, и те же дары земли сошлись на нем, такой сотворив натюрморт, какой не дано бы было написать и великому мастеру, и тот же Дим Димыч тут был, мелькала за деревьями его сутуловатая, деятельная спина, и Светлана Андреевна как раз появилась на ступенях дома, по-домашнему одетая, совсем в простеньком платье и очень, кажется, красивая. Все, все тут было, о чем уже знали глаза, что и ожидалось, чего и хотелось. Но жило в этой картине и нежданное. У стола, прямо, большеглазо глядя на входящих, стоял мальчик лет десяти. Он был разительно похож на мать, на эту женщину на ступенях дома. Он был очень серьезный какой-то, совсем не такой, как те мальчишки, что прыгали возле

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—43.

школы, джигитуя и хохоча. У него был взрослый взгляд. Он был как нестеровский отрок — так же серьезен, задумчив. Показалось Знаменскому, что за отворившейся дверью открылась ему картина на какой-то библейский сюжет, с виноградными лозами на переднем плане и горными вершинами на заднем. А в центре этот мальчик.

— Чего уставился? Входи! — сказал Ашир и первым переступил порог, весело встряхнув ящик, чтобы зазвенели бутылки.— Светлана-джан Андреевна, принимай гостей!

Знаменский тоже переступил порог. Дверь за ним притворилась, мир замкнулся на этом дворе, на увиденной им картине. И здесь не просто было, здесь ощущалось какое-то напряжение.

— Здравствуйте, Ростислав Юрьевич,— сказала Светлана.— А это мой сын.— Она сошла с крыльца, подошла к мальчику, коснулась рукой его плеча, наклонилась к нему, и два родных лица подтвердили друг друга.— Дима, вот этот человек, который облетел и объездил весь мир.

Сказав это, она так же серьезно, как сын, посмотрела на Знаменского, зрачки у нее напряглись, она будто ждала чего-то, что тревожило ее, даже угнетало, хотя бестревожны были ее слова, обыкновенны, а мальчик был пригож, ну, серьезен, но пригож, им можно было только гордиться.

Но откуда-то, сперва не понял он откуда, звук протянулся, будто невнятное кто-то произнес слово, вымучил слово, понять которое было нельзя. Откуда этот странный звук? У мальчика шевелились губы, трудно, смято. Так это он произнес, выдавил слово? И еще такое же... Он был немым!

— Да, да, у Димы затрудненная речь,— сказала Светлана, быстро заживав, как кивают, когда подтверждают нечто само собой разумеющееся, короткой, промельком, улыбкой сопроводив свои слова, как улыбаются, когда хотят убедить, что ничего особенно печального, непоправимого не произошло.— С ним занимается замечательный логопед. И он обещает... Он уверен... У Димы всего лишь логопатия, речевая недостаточность, а слух у него замечательный. Но, представьте, не желает учиться музыке, все интересы его сосредоточились на географии, на путешествиях, на истории. Я нарекла его Димой в честь нашего Дмитрия Дмитриевича, но я просто подумать тогда не могла, что с именем передастся ему и профессия крестного. Вот ведь как бывает!

Она говорила, говорила, совсем иная лицом, чем та, вчерашняя, строгая и сердитоглазая, высокомерная даже, какими умеют показать себя женщины, зная себе цену, читая и презирая эти мужские взгляды, столь наскучившие, столь голые, умея показать свое пренебрежение, свою холодность и высокомерность в миг всего кратчайший, когда проходят мимо, как прошла она мимо вчера. А сейчас совсем иным было ее лицо, оно измучилось от всех этих слов, произносимых чуть-чуть с запинкой, будто и она сама была не чужда речевой недостаточности, всего чуть-чуточной этой помехе в жизни. А вчера те несколько слов, которые она произнесла сухо, сообщая, что идет на дежурство, были произнесены без запинки.

Мальчик снова заговорил, сминая губы, вымучивая в звук непонятные слова. Мать напряженно вслушалась в эти слова, угадывая их смысл, переводя:

— Дима спрашивает, были ли вы в... Где, Дима?.. Везувий?..— Мальчик кивнул.— Ты говоришь, Помпеи?..— Мальчик кивнул.— Вот, он спрашивает про Помпеи. Дался ему этот город, рухнувший в семьдесят девятом году нашей эры. Но, представляете, у него целая папка собрана про этот город и еще Геркуланум. Книжки, открытки. Дим Димыч надарил. Вот уж и я скоро займусь историей.

Мальчик ждал ответа, не сводя со Знаменского громадных глаз.

— Да, я был там,— сказал Знаменский.— И к кратеру вулкана поднимался, а потом был в городе, который когда-то залил лавой Везувий. Там в музее хранятся слепки людей, настигнутых лавой. Там есть дворик патриция, ну, честное слово, чем-то напоминающий вот этот дворик, где мы сейчас стоим. Такое же небо, угадываются горы, виноградными лозами расписана мозаика стен и пола.— Ах, как сейчас старался Знаменский! — Знаешь, там расчистили от лавы дороги, и, когда ступаешь по громадным плитам-камням, которыми они выложены, чувствуешь себя как-то очень странно, будто ты там, в том времени, сын этой земли.— Очень, очень старался Знаменский, пытаясь угадать, чего ждет от него мальчик.— Там есть амфитеатр, кстати, отлично сохранившийся, где, откуда ни заговори, каждое твое слово слышно...

Да, перестарался Знаменский, умолк виновато. Но Дима его оплошности не заметил, Дима улыбался радостно и увлеченно, он был ребенком и ему нравился этот заезжий человек, который так увлеченно принялся ему рассказывать про все то, про что он сам отлично знал, но по открыткам и книжкам, а этот рослый дядя там был, там ходил.

И улыбалась Светлана, радуясь радости сына, счастливой этой минуте.

Подошел Дим Димыч, еще издали кивая. Предовольный был у него вид.

— А в баню ихнюю заглянули, Ростислав Юрьевич? — спросил он.— У них там что-то вроде спортивного зала выходило. И баня, и гимнастические упражнения, игры. Умели жить древние! Все проще у них было, на колесницах передвигались — приметили глубокие колеи от грубых колес на дорогах? — но, просто-то просто, а жили, кажись, умнее нас, сложных да быстрых. Природнее жили.

— Да, был и в бане. Нет, там мне не понравилось. Это в Риме бани были гимнастическими залами, а там, в Помпеях, какие-то маленькие, с низкими потолками комнаты, крошечный бассейн, выдолбленный в камне, каким-то подземельем мне показалось это место.

— Ага, вы не учли главного!— обрадовался Дим Димыч.— Зной! Там не только мылись, там спасались от зноя. Нам бы такую баню! Нет, умели, умели жить древние.

— По слухам, пировали без меры,— сказал приунывший Ашир, присевший на ящик с бутылками.— Так пировали, что проворонили извержение, хотя их, я читал, предупреждали.

— А мы, Ашир, вот здесь, тут вот,— затрясся у Дим Димыча палец, когда он стал тыкать им себе под ноги,—а мы не проворонили? Собаки накануне выли, овцы, все отары за три дня уже сбились в гурты, встали голова к голове — и ни с места, а мы — ноль внимания! Нет, люди ничему не умеют научиться! История не учит, а констатирует. Мы неразумные! Мы беспечнейшие! Мы... Уж и не знаю, как нас обозвать...

Стало тихо. Да, вот тут, на этой земле, погибли у него двое маленьких детей и в калеку превратилась жена.

— Вы думаете, почему наш мальчик заинтересовался гибелью Помпеи? — снова заговорил Дим Димыч.— А потому, что он ашхабадец. Неважно, что землетрясение наше произошло за многие годы до его появления на свет божий. Неважно! Он на такой же земле живет, как и та,— на грозной! Здесь все у нас нешуточное. И мальчик понимает это. Сердцем понимает. Дети умеют понять очень многое. Они умнее нас, если хотите. Взрослея, мы теряем, а не обретаем. Уверен! Теряем, а не обретаем. Они... они ближе к природе...

15

Не удалось застолье с горделивой Светланой Андреевной, присевшей у краешка стола, снизошедшей до них. Сломался образ. Иной открылась. И она, иная, не могла быть сейчас рядом с ними, а занялась сыном, который пришел к Дим Димычу, и тот тоже не мог быть с ними, а занялся мальчиком, у них много было общих дел, общих интересов, Дим Димыч был мальчику крестным, а немой этот мальчик был ему из прошлого голосом, памятью его собственных детей, драгоценным для него гостем.

Уселись вдвоем у столика, вяло попивая теплое и противное шампанское, только и оказавшееся в картонном ящике Розы-джан.

— Лучше бы там и остались, у Розы,— уныло сказал Ашир.— А то жуем ее плов остывший, который особенно не идет под горячее шампанское. Знаешь, я заметил, ты понравился мальчику. Что я ни делаю, он со мной ни разу не улыбнулся. У тебя талант располагать к себе людей. И даже Светлана,— Ашир понизил голос,— даже она стала смотреть на тебя по-доброму. Ну, конечно, ты русский! Между вами сами по себе ниточки протягиваются. Тут ничего не поделаешь, дорогой. Человечество опутано ниточками, которые тоньше паутины и крепче каната.

Вышла из дома Светлана, ведя сына. Она переоделась, они собирались уходить. Вчерашний строгий костюм был на ней, но не вчерашней она была, сломался образ, смягчился, что-то утратила она в глазах Знаменского, но что-то обрела, поближе ему стала: у него беда и у этой женщины беда. Еще какая! И у Дим Димыча вся жизнь из бед, и у Ашира все скверно,— дом этот, люди здесь были под стать ему, одним миром мазаны, ему легче тут дышалось. И горы, и небо, и древняя земля, грозно притихшая,— тут ему и жить, в мазанке этой, а дальше уже и некуда.

— До свидания, Ростислав Юрьевич! — сказала Светлана, вскинув руку.— Дима прощается с вами. Нам пора в интернат. К нашему доктору. До свидания, Ашир!

Ашир вскочил, выпрямился, статным стал, хоть и был в бесформенной одежде.

— До свидания, Светлана Андреевна! Дима, не забывай старого Ашира! — Глаза его осветились, и на смуглое лицо вплыл румянец.

Мать и сын ушли, а Ашир все еще стоял, долго стоял, прислушиваясь к их удаляющимся за дувалом шагам.

— А ты знаешь, Ростислав Юрьевич, что такая женщина, как она, возможно, единственная во всем мире.— Он сел, налил себе, но пить не стал.— Да, да, я не шучу. Вот здесь, вот сейчас из этой хибарки вышла самая лучшая женщина в мире. Я знаю, что говорю. Я вел ее дело. Я видел ее в унижении, на суде. Я вижу ее рядом с этим мальчиком. Я все знаю про нее. Она удивительная!

— Ты любишь ее, Ашир?

— Зачем спрашиваешь?

— А за что же ее на суд?

— Это пусть она тебе сама расскажет. Она расскажет. Вот сына привела. Почему? Как думаешь?

— Я не думал об этом. Сын попросился к Дим Димычу, вот и привела.

— Нет! Она к тебе его привела. Почему?

— Не знаю, Ашир.

— Она не желает, чтобы ты про нее обманывался. Гордая! Вот почему! Нет ничего прекраснее, чем гордая женщина. Мы унижаем своих женщин, но мы хотим, чтобы они были гордыми. Ислам очень противоречив, скажу тебе.

— И ты у нас верующий? — попробовал улыбнуться Знаменский.

— Со мной все в порядке, я неверующий. Но ислам — это не только вера, это и обычаи. Суры корана, сунны корана. Нет другой религии, которая бы так вторгалась в жизнь, в быт человека. Каждый шаг расписан. Каждый поступок оценен. Мы, теперешние, не верим, но мы все еще в плену обычаев, иные из которых совсем не плохи, иные терпимы, но иные отвратительны. Да вот хотя бы недавняя история... В одном нашем областном городе жил да пил молодой джигит. У-у, какой джигит! Когда он в Ашхабаде работал, весь город его знал, все рестораны гудели. Но уехал, перевелся в родной город, туда, где родное селение рядом, где родное племя вокруг. Куда меньше Ашхабада город, куда больше простора. Совсем просторно! Жена молодая у него была. Приревновал. Убил! И ее, и любовника! И ничего, оправдали. Понимаешь, совсем просторно! Оправдал наш советский суд. А потому что и в сурах корана, и в суннах корана, и у шиитов, и у суннитов изменившую жену ве-

лено убить, как шелудивую собаку. Изменившую мужу женщину может и должен побить камнями любой сосед. Так повелевает обычай. От седьмого века. Но и сегодня. Совсем рядом, в Иране, например. Ты спросишь: причем тут уголовный кодекс, и суры, и сунны? А вот об этом и речь. Уголовный кодекс молодой, наши обычаи сложились в веках. И знаешь, представь себе, не только оправдал убийц народный суд — ему помогал приятель,— но эти два парня стали героями в городе. Когда они шли по базару, их приветствовали, в ресторане им посылали вино. Я затребовал это дело. Оно и издали не показалось мне слишком простым. Я слишком хорошо знал убийцу. Если бы он чтил предписания ислама, он бы не был пьяницей, бабником, картежником, не баловался бы кокнаром или тирьеком, а это опийный наш наркотик. Одно возражало другому. Зачем такому убивать? Ну, прогони! Вот тут как раз наш кодекс подходит. Прогони, возьми другую. Тут мы шире ислама. Согласен со мной? Не наскучил мой рассказ?

— Я слушаю.

— Да, я оказался прав, в этой истории о ревности, а мы народ ревнивый, каким-то все неясным было, не стыковалось в деталях. Я доложил, Верховный суд республики вынес протест по приговору, я сам повел это дело. Для начала наших ревнивцев взяли под стражу. И это было моей ошибкой. И мой протест, и моя активная позиция. Тут я повел себя, как мальчишка, как стажер. Убийца был сыном влиятельного в том городе человека. Невелик город, но велик пост. Месяц не прошел, и я узнал, что оба убийцы снова на свободе. Больными оказались. До суда, мол, пусть полечатся. Невелик город, но велик пост народного избранника. И позор на его голову! Но я и тут повел себя, как мальчишка. Да... И тут-то нашли в моем сейфе ту толстую пачку денег, о которой я уже говорил. Возможно ли?! В прокуратуре республики?! Такое?! Но пачку подложили! Клянусь тебе! Ты мне веришь?!

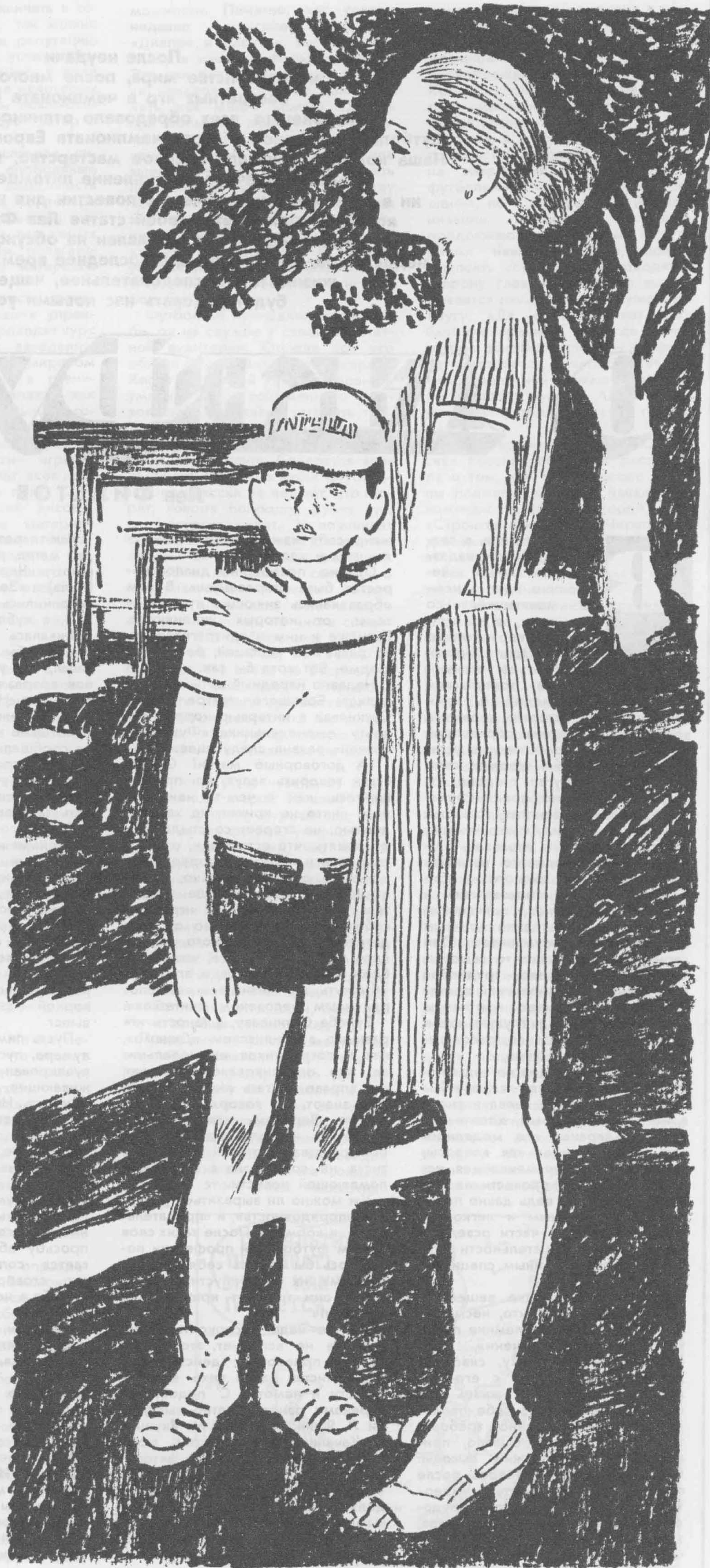
— Да.

— Подложили! Но это еще не все. Мне важно было понять, кто это сделал. А тем, кто это сделал, важно было понять, готов ли я уняться или полезу на кинжал. Они ждали, они терпеливо ждали, считая меня умным человеком. А я действовал, я стал распутывать клубок. Но я заторопился, у меня было мало времени. А надо было понять, почему они пошли на такую крайность, на такой риск. Из-за этого ревнивца и гуляки? Ну пусть отсидит два-три года. Нет, из-за него на такой страшный подлог не пошли бы. Меня знают все-таки. Меня в Москве знают, в Ленинграде. Они страшно рисковали. Но кто они? Почему пошли на такое? У меня было мало времени, я спешил, а когда спешишь, открываешься. Я открылся, стало ясно, что я многое успел узнать, понять, что я становлюсь действительно опасным. Те, кому я стал опасен уже всерьез, тоже заторопились. И вот я здесь, перед тобой, Ростик...— Ашир поднялся, держа стакан в руке, сутулый, жалковатый, в повисшей рубахе, в этих штанах пузырями. Он, кажется, сейчас нарочно себя таким жалким, будто побитым, подавал, на себя как бы со стороны поглядывая.— Считаешь, что проиграл?

— Считаю, что отобьешься,— не очень уверенно сказал Знаменский.— Правда-то на твоей стороне...

— Красиво, очень красиво говоришь, товарищ. Как в пьесах.— Ашир прошелся туда-сюда по дворику, до виноградных лоз дотронулся ладонью, в небо поглядел, на солнце глянул, прищурившись. Он явно играл, подтрунивал.— Правда... Ее доказать надо, дорогой товарищ... Добыть... А я, сам видишь, какой я... Ладно, что унижен, я связан, у меня путы на ногах, как у непокорного верблюда.— Он вдруг к Знаменскому наклонился, обдав горячкой своей, спросил жарким шепотом: — Ты поможешь мне, Ростик?..

Продолжение следует.

После неудачи на первенстве мира, после многочисленных бесцветных игр в чемпионате страны наконец-то всех обрадовало отличное выступление футбольной сборной в играх чемпионата Европы со сборной Франции. Наша команда показала высокое мастерство, выиграв со счетом 2 : 0. И все же удачное выступление питомцев Лобановского ни в коей мере не снимает с повестки дня наболевших вопросов, которые поднимает в своей статье Лев Филатов. Ясно одно: чем откровеннее будет поставлен на обсуждение ряд серьезных недостатков, проявившихся в последнее время в нашей футбольной жизни, тем последовательнее, чаще футболисты будут радовать нас новыми успехами.

О ЛЖЕФУТБОЛЕ

Лев ФИЛАТОВ

Вокруг футбола, в связи с футболом издавна, постоянно, неумолчно идет в чем-то меняющийся со временем, а по сути дела, один и тот же диалог. Одна сторона, назовем ее атакующей, представлена зрительской взыскующей громадой и теми журналистами, которые держат в воображении картины образцовой игры, высокие нравственные установления и по ним сверяют свои впечатления. Другая сторона, защищающаяся,— это профессионалы футбольного занятия, тренеры, начальники команд, функционеры, которым доверено управлять футболом и кого принято называть специалистами. В диалоге им принадлежит роль истолкователей и нередко ответчиков, выискивающих себе в оправдание причины похитрее и потуманнее. Они свои реплики роняют то свысока, контратакуют, надеясь эрудицией и мудреной терминологией привести в замешательство противную сторону; то, уйдя в глухую защиту, со слезой в голосе, рассчитывая вызвать сочувствие.

Диалог этот за долгие годы настолько укоренился, что все мы привычно и охотно снова и снова в него вклиниваемся, хотя и научились заранее его моделировать, предвосхищая как вопросы, так и ответы, и посмеиваемся, если нас пытаются провести на мякине. Болельщик ведь давно перестал быть наивным и легковерным, он готов по части осведомленности и проницательности дать сто очков вперед иным специалистам.

Все это в порядке вещей. И можно согласиться, что, несмотря на мелькающие в полемике перехлесты и преувеличения, либо околичности и утайку, сквозняк диалога благотворен, с его помощью футбольная жизнь на свету, испытывает на себе полезный напор общественной требовательности. Диалог, бывало, приносил и практические выгоды. Скажем, жалобы тренеров после проигрышей на отсутствие видеотехники, тренировочного оборудования, восстановительных центров, хорошего инвентаря, рекомендации ученых как оправдательный жанр себя изжили, ибо были услышаны и удовлетворены.

Однако постепенно диалог перестал быть откровенным. В нем образовались зияющие пустоты — темы, от которых уклоняются. Если же к ним и притрагиваются, то разве что в общей, безличной форме. Вот хотя бы так.

Недавно народный артист СССР, солист Большого театра Зураб Соткилава в интервью корреспонденту еженедельника «Футбол — хоккей» заявил следующее:

«А договорные матчи? О них стали говорить вслух, но, прислушайтесь, как о чем-то неизбежном, никто не кричит, не хлопает дверью, не сгорает со стыда. Пора понять, что есть вещи, о которых если и говорят в порядочном доме, то для того только, чтобы искоренить зло. Раньше предательство в футболе — к игре и к себе — было неотделимо от предательства человеческого, а теперь как-то получается, что в футболе можно и коллег, и зрителей обмануть, а в жизни все равно порядочным человеком считаться».

Зураба Соткилаву, в юности игравшего в тбилисском «Динамо», как и сотрудников еженедельника, где опубликовано интервью, мы вправе считать людьми, которые знают, что говорят и что печатают. Впрочем, можно не сомневаться, что для подавляющего большинства читателей тирада артиста не содержала в себе ошеломляющей новости.

Уж можно ли выразиться резче: и «непорядочность», и «предательство», и «обман»! После таких слов людям футбольной профессии полагалось бы считать себя оскорбленными, их не пропустишь мимо ушей, они требуют крикнуть: «К барьеру!»

Но не надо беспокоиться, перепалка не вспыхнет, это многократно проверено, действующие специалисты давно уже впали в глухоту и немоту. С подобными упреками ранее печатно выступали Л. Яшин, И. Нетто, М. Якушин, Г. Качалин, Н. Старостин, люди с огромным футбольным авторитетом. Но безответно. Мне думается, что специалисты, которые должны были считать себя задетыми, про себя, иронически ухмыльнувшись, называли этих авторитетов несовременными.

Как-то раз в «Огоньке» я назвал два матча, разыгранных по сценарию: «Черноморец» — «Динамо» (Киев) и «Зенит» — ЦСКА. Оба они закончились с разудалым счетом 3 : 3, а публика на трибунах посмеивалась и посвистывала, видя, что борьбы ни на грош. Я предполагал, что участники тех постановок возразят, обидятся, даже хотел этого. Нет, молчок. Очерк вошел в книжку. Когда она вышла, некоторые из «героев» при встрече сообщали мне, что книжку прочитали, произносили приличествующие случаю слова, а о тех матчах — ни звука. Самый что ни на есть заговор молчания!

С 1978 года в чемпионатах введен лимит ничьих. К нему прибегли после того, как вакханалия с виду мирных, нейтральных, а фактически подтасованных итогов матчей достигла предела. Никто и не подумал протестовать, хотя лимит был не чем иным, как знаком недоверия, оскорбительным для чести футболистов и тренеров. Видимо, они утешились поговоркой — стыд не дым, глаза не выест.

Пусть лимит не больше чем полумера, пусть он деликатен и завуалирован, все же что-то сдерживающее, предостерегающее в нем есть. Но спустя недолгое время лимит стали выдавать за обыкновенный технический норматив. Так ловчее, безобиднее. Некоторые тренеры, чьи команды он поджимал, поговаривают, что от этого надуманного норматива пора отказаться. Но ни одному из них и в голову не пришло, что просьбу об отмене лимита полагается сопроводить заявлением, что сговоры изжиты и отныне борьба в чемпионате ведется безупречно.

Ничьими, получившими легальное и уклончивое наименование «странных», ситуация не исчерпывается.

В конце прошлого сезона развернулись события куда более вызывающие и дерзкие. Напомню. После 27-го тура кутаисское «Торпедо» прочно осело на самом дне таблицы. И вдруг принялось выигрывать матч за матчем. Были повержены «Динамо» (Тбилиси), «Черноморец», московское «Торпедо», «Днепр», «Металлист», «Динамо» (Киев). В первом круге всем этим командам кутаисцы безнадежно проиграли при общем соотношении мячей 2 : 13, а тут у всех выиграли, да еще как — 15 : 5. Правда, что было особенно заметно, в середине победоносной серии произошла осечка, поражение от «Кайрата» 1:4. Тот сам отстаивал место в высшей лиге, и, естественно, поддаться не пожелал, и легко победил «грозных» кутаисцев.

Итак, в 27 играх кутаисская команда смогла одержать всего-навсего 5 побед, а в семи последних — 6. Благодаря этому необычайному рывку «Факел» был вынужден уйти в первую лигу, а «Черноморец», который сплоховал в своих расчетах, и «Нефтчи» — проводить дополнительные переходные игры. Недавний беспросветный аутсайдер гордо вознесся на 11-е место, оказавшись совсем уж неожиданно выше «Шахтера», московского «Динамо» и «Арарата».

Тут возможно возражение: «А что, если команда под занавес сезона открыла в себе дремавшие могучие силы?» Нет, ни одна душа не поверила этому «подвигу». Он вызвал волну возмущения любителей футбола, их гневные письма публиковались на страницах газет. И снова — молчание, открытый диалог не получился. Поговаривали только, что кого-то пожурили за закрытыми дверьми.

А кутаисское «Торпедо», получив возможность еще год покрасоваться в высшей лиге, и нынче на последнем месте, в его игре нет ни малейшего признака, который подтвердил бы истинность того взлета. Он так и останется навсегда в хрониках нашего футбола крупной мистификацией.

Как же, спрашивается, после этого доверять таблицам чемпионата, которые мы на протяжении многих лет привыкли считать документами большой точности? И не оттого ли у многих пропадает желание ходить на стадион, что там нельзя верить своим глазам?

Зураб Соткилава прав: самое поразительное, что о договорных матчах говорят вслух как о чем-то неизбежном. Пожалуй, к его эмоционально верным оценкам полагается прибавить еще одно слово из юридического словаря — мошенничество.

Написав все это, и я, как Соткилава, знаю, что никого из любителей футбола удивить не могу. Но, признаться, навязли в зубах прозрачные намеки, иносказания, эзоповы приемы. Придет ли конец заговору молчания?

Нравственность не отвлеченное понятие, это известно, она в основе любых наших дел. Футбол не исключение. Можно изобрести сколько угодно причин технического характера, чтобы объяснить затянувшиеся неудачи, напридумывать множество вспомогательных мероприятий, и все равно производительность футбольного труда останется низкой, ибо ничем нельзя возместить искажение, подрыв нравственных начал.

В последнее время специалисты все чаще сетуют на то, что команды в целом или кто-то из игроков не проявляют достаточной воли, пасуют перед упорным противником, упускают в последний момент победу, нерадиво тренируются, останавливаются в спортивном росте. А не так давно футболистов наших обычно критиковали за технические или тактические пробелы, но их волевые качества под сомнение не ставились. Отчего же такая перемена?

Несомненно, футбол наш обзавелся солидным международным опытом, все новинки известны, тренировочные программы составляются по последнему слову спортивной науки. Но несомненно и то, что «модерн» имеет под собой кисельную (или кисейную) почву. Не проходит безнаказанно, если команда то и дело поправляет свои турнирные обстоятельства, минуя борьбу на поле. У игроков, хотят они того или нет, вырабатывается привычка к легким приобретениям, которая подводит в те моменты, когда надо отдать все силы. Короткие локальные удачи при подобном образе жизни еще возможны, но не постоянные и длительные, которые обеспечиваются честностью перед своим делом, спортивной идейностью.

В этом году сборная страны сыграла 12 матчей, которые вошли в ее почетный ранг-лист, открытый в 1952 году. Среди этих двенадцати матчей есть проведенные в официальных турнирах и товарищеские. Когда видишь, что побед всего-навсего три (одна из них над слабой командой Канады), а поражений пять да еще четыре ничьи, невольно задумываешься, с каким же чувством надевают футболку сборной наши лучшие мастера. Не относятся ли они к некоторым из этих матчей как к незначительным, а то и как к обузе? А вот и прямая связь: сразу после бесстрастно, бессвязно проведенной товарищеской встречи с командой Швеции (0 : 0) последовала как продолжение столь же невыразительная игра уже в рамках чемпионата Европы со скромной командой Исландии (1 : 1).

В прошлые годы за нашей сборной укрепилось название «чемпиона по товарищеским встречам». Произносилось это с улыбкой, но незлобиво, просто болельщики заждались, когда же она станет взаправду чемпионом после большого турнира, как 26 лет назад в розыгрыше Кубка Европы. В самом деле, уж очень давно это было. Я, очевидец той парижской победы, иногда, чтобы вспомнить какие-то детали, роюсь в своих блокнотах.

Тем более нет у сборной никаких оснований небрежничать в товарищеских встречах, так можно незаметно потерять и репутацию да и веру в крупный успех в будущем. «Сгонять ничейку» в ходе чемпионата страны для некоторых клубов стало удобным обыкновением. Не оттуда ли дует ветер и в сторону сборной?

Создалась парадоксальная ситуация. Если раньше футбольные неудачи ставились в зависимость от трудностей извне, то теперь осложнения возникли изнутри, они созданы при участии тех самых специалистов, которым полагается стоять на страже интересов футбола.

По части образованности тренеров нынешнего поколения упрекнуть не в чем. Они проходят курс наук в специальном заведении, знакомы с футболом в мировом масштабе, разбираются в тренировочном процессе, знают, как обеспечить функциональное состояние игроков к нужному дню и что нужно для отдыха, превзошли тонкости стратегии игры и турниров, ведут подсчет всех движений футболистов на поле. Среди них есть защитившие диссертации и собирающие материал для защиты. Тем не менее завидная образованность, которая выше, чем у тренеров старшего поколения, да и у многих зарубежных, реализуется нашими специалистами больше на словах, чем на деле.

А удивляться нечему: никакая эрудиция не выручит, если в пренебрежении нравственные основы. Позволительно ли, например, считать стратегией то, что футболисты приучены делить матчи на настоящие и шутейные, если они без зазрения совести могут в иной день появиться перед аудиторией, держа в уме, что проигрыш не отразится на их благосостоянии?

Если бы возникла необходимость коротко охарактеризовать основное противоречие нашего футбола, то я бы ответил так: возможности не приведены в действие. Возможности — в основательной безотказной деловой поддержке, в очевидной квалификации многих игроков, в традициях (иначе — в здоровой наследственности), в долготерпении грамотных и благожелательных зрителей.

Только бы и играть. Но не получается даже то, на что вполне реально было бы рассчитывать, не заносясь в фантазиях.

Что собой представляет нынешний чемпионат страны? Независимо от того, как он закончится, ясно, что удавшимся его не назовешь. Ни один из клубов не блеснул лидерской статью ни по игре, ни по целеустремленности. То вверх, то вниз бросало всех. Ничейное засилье. Крайне низкая результативность атак.

Наперед известно, что оправдательные версии сыщут. Возможно, обвинят во всем июньский чемпионат мира, что он сбил с ритма. Упомянут перегрузки киевского «Динамо» и перестройку «Спартака». Правда, не знаю, в какой словесный целлофан обернут провал московского «Торпедо», «Днепра», минского «Динамо», «Черноморца», топтание на месте из года в год «Жальгириса», «Арарата», «Металлиста», «Нефтчи», «Кайрата», как превознесут относительный, местного значения подъем московского «Динамо», «Шахтера», тбилисского «Динамо».

Вовсе не намерен забыть хорошее, то, что иллюстрирует возможности. Памятно, как совсем недавно минское «Динамо», «Днепр» и «Зенит» вносили живинку в нашу футбольную жизнь. Это как раз те локальные вспышки ненадолго, которые дают понять, как много можно сделать при большом желании. По-прежнему держит марку киевское «Динамо», весной в хорошем стиле выигравшее Кубок кубков. Девять лет подряд вверху и на виду «Спартак». К слову, ровный ход этой команды, по моему убеждению, обеспечивается тем, что ведут ее Н. Старостин и К. Бесков, убежденные, последовательные сторонники бескомпромиссной борьбы.

Футбол не принадлежит сам себе, он на службе у своей бессчетной аудитории. Отсюда все его обязанности и моральные нормы. Когда же мерой удачи становится умение ради собственного удовольствия закулисно устроить турнирные дела, напрасно надеяться как на надежность игры, так и на людское доверие. Создается впечатление, что иные люди футбольной профессии не ведают, что творят, говоря попросту, рубят сук, на котором сидят. И возникает странность: футбол как бы просит защиты от футбольных деятелей.

Футбол не просто смотрят, о нем рассуждают и спорят, вокруг его дел возникают, оттачиваются суждения отнюдь не чисто специальные. Его доброе имя публике дорого не меньше, чем голы и очки. Так что вовсе не безразлично, что о нем говорят. Однажды у одного мастера при обсуждении «странного» результата матча вырвалось: «На улицу стыдно выйти!» Значит, и прохожие не в стороне.

Так почему же чувствуют опасность люди старой закалки — ветераны, зрители, журналисты, а те, в чьих руках футбол, упорно много лет делают вид, что ничего предосудительного не происходит? Как было бы по-граждански верно, если бы публично обменялись мнениями на назревшую, острейшую тему ведущие тренеры: В. Лобановский, В. Емец, О. Базилевич, В. Иванов, Н. Ахалкаци, Е. Лемешко, Г. Нодия, В. Зелькявичюс, А. Бышовец, Э. Малофеев... Тогда, в обстановке гласности, было бы легче сообща одолеть недуг.

Предвижу вопрос: «Известно ли все это управлению футбола и президиуму федерации?» Да, известно. В силу их близости к донесениям с «поля боя» эти организации информированы, пожалуй, получше, чем болельщики и журналисты. Ведь ими же введен лимит на ничьи, ими же создана в начале этого года экспертная комиссия, которой вменено в обязанность «готовить заключение о матчах, проводившихся без должной спортивной борьбы, с пренебрежением к зрителям». Комиссия, правда, так и не набралась смелости напомнить о своем существовании.

Время, в которое мы живем и трудимся, не только дает право на энергичное вмешательство в футбольные «договорные» отношения, но и требует его. А организации, ведающие футболом, продолжают жить старыми категориями невмешательства, боятся выносить сор из избы, отводят в сторону глаза. Осуждение высказывается лишь в узком служебном кругу. «Да, сомнений нет, матч был сговоренный, но где взять точные доказательства» — эта фраза повторяется, наверное, лет десять, перед ней сникают, бессильно разводят руками. Антрепренерам лжефутбола только того и надо.

А тем временем газета «Советская Россия» подробно рассказала о том, как следственные органы поймали за руку начальника команды мастеров второй лиги «Строитель» из города Череповца, дававшего взятки судьям, и судей, эти взятки бравших.

Так чего же дожидаться спортивным организациям?

Несколько лет назад президиум федерации футбола вызвал на свое заседание тренеров двух команд, которые на стадионе изобразили бесконфликтную, нулевую ничью. Поначалу тренеры с улыбочкой отрицали сговор, но, натолкнувшись на доводы компетентных очевидцев, упали духом и струхнули. Им «строго указали», и коммюнике о заседании напечатали.

Так было всего лишь однажды, на том попытка навести порядок закончилась. А она, надо заметить, показала, что вовсе не обязательны «отпечатки пальцев», что для такого вмешательства достаточно опереться на здравый смысл, футбольный опыт и принципиальность.

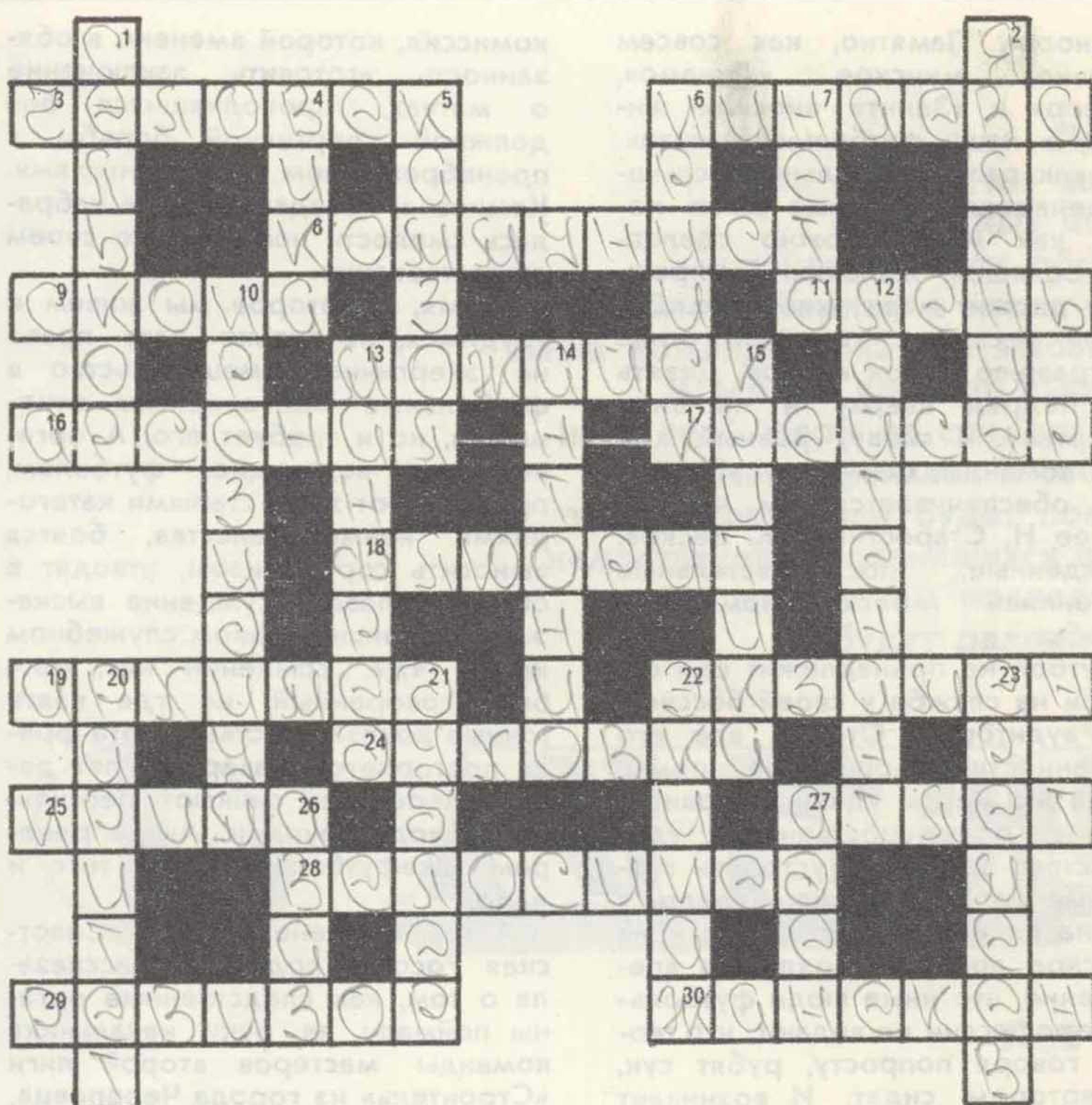
Спортивные организации вправе лишать званий, отстранять от работы, дисквалифицировать, запрещать занимать тренерские и другие должности. Лишь бы была решимость. Лишь бы было признано, что мошеннические проделки подрывают силы футбола, являются опасностью номер один.

Однако ни у кого рука не поднимается нажать кнопку сигнала тревоги. Оттого и удается заговор молчания, оттого и повисают в воздухе, оставаясь без ответа, справедливые и резкие обвинения представителей общественности.

Рисунок В. Пескова

кроссворд

По горизонтали: 3. Лирический сборник Э. Межелайтиса, удостоенный Ленинской премии. 6. Советская спортсменка, трехкратная олимпийская чемпионка в гребле на байдарках. 8. Фильм, снятый кинорежиссером, народным артистом СССР Ю. Я. Райзманом. 9. Хищная птица. 11. Парнокопытное животное с ветвистыми рогами. 13. Город, близ которого произошло Бородинское сражение. 16. Фильм, снятый лауреатом Ленинской премии А. П. Довженко. 17. Боевой корабль. 18. Минерал, плавиковый шпат. 19. Древнегреческий механик и математик. 22. Проверка знаний в учебных заведениях. 24. Железная коробка в кухонной плите. 25. Музыкальный интервал. 27. Спортсмен. 28. Транспортная машина, приводимая в движение педалями. 29. Контролер. 30. Французский композитор эпохи Возрождения.

По вертикали: 1. Стихотворение В. В. Маяковского. 2. Часть акта в пьесе. 4. Кормовое бобовое растение. 5. Старинная одежда без рукавов. 6. Место разработки драгоценного ископаемого. 7. Ангольский общественный деятель, поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 10. Руководящий орган политических, общественных организаций. 12. Офицерское звание. 13. Симфония П. И. Чайковского. 14. Действующее лицо оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 15. Разбор, обсуждение для оценки. 20. Редкая, ценная вещь. 21. Актер, заменяющий исполнителя основной роли. 22. Личный состав корабля, самолета, танка. 23. Рабочий, один из руководителей штурма Зимнего дворца. 26. Узбекский поэт, просветитель. 27. Столица Народной Демократической Республики Йемен.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 3. Эдельвейс. 5. Фланец. 6. Рубенс. 9. «Клоп». 10. Балобан. 11. «Цирк». 15. «Болеро». 16. Акташ. 18. Оленин. 19. Акселератор. 22. Гафури. 23. Весна. 24. Кредит. 25. Трек. 26. Скрипка. 29. «Мать». 32. Терцет. 33. Кремль. 34. Филумения.

По вертикали: 1. Церера. 2. Белуга. 3. Этан. 4. Свет. 5. Флорес. 7. Свинец. 8. Достоевский. 9. Кронштадт. 12. Клинопись. 13. «Москвич». 14. Морозка. 16. Агеев. 17. Шпага. 20. Шуберт. 21. Медаль. 27. Кресло. 28. Карони. 30. Гриф. 31. Змея.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Первоклашка Таня Шишкина.
(См. в номере материал «Верная нота».)

Фото И. ГАВРИЛОВА

ПОПРАВКА

В № 43 подпись под фотографией с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым следует читать: «Международный гроссмейстер Н. Крогиус и президент Международной шахматной федерации Ф. Кампоманес (Филиппины) увенчали чемпиона мира Гарри Каспарова лавровым венком».

не занимайте места!

Наша новая рубрика «Не занимайте места!» вызвала много читательских откликов, среди которых и короткие рецензии на просмотренные фильмы. Сегодня мы публикуем одну из них, написанную читателем из Ярославля А. Ширяевым.

«ЗОЛОТОЙ» ЖАНР НА ЯКОРЕ

Поводом для этих размышлений послужил... провал в памяти. Совершая традиционный экскурс в день минувший, дабы проанализировать все «за» и «против», я долго не мог вспомнить, на что же были потрачены два дневных часа. Пришлось поднапрячься... А-а, оказывается, я был в кино. Смотрел новый фильм «Бармен из «Золотого якоря» (сценарист Я. Филиппов, режиссер В. Живолуб). Однако ощущение новизны увиденного почему-то меня не посетило. Зато не покидало другое ощущение: все это уже было. Много раз. И давно. Такого яркого цвета и широкого экрана не было. И меня не было. А подобные картины уже были. Может быть, даже лучше.

«Шпионские» фильмы пользуются огромным успехом. Этот жанр просто золотой для проката. Потому что зритель «пойдет». Но не для искусства. Потому что тот же зритель как пришел, так и уйдет, не дождавшись заключительных титров. Да еще и обидится. Потому что его обманули (кого заинтересует разгаданный кроссворд?). Ну, обманули раз, обманули другой, а потом этого зрителя, который якобы все проглотит, особенно «про шпионов», не заманишь в кинозал, даже если барменшу сыграет Алла Пугачева. Конечно, в данном жанре можно сделать и хороший фильм, но у нас это чаще всего как-то не принято, «это ж головой думать надо», как сказал бы персонаж Райкина. Куда проще, когда по накатанной дорожке, по схеме — быстро и средненько. Шаблон — якорь надежный.

Посмотрев треть фильма, можно было уже предсказать, чем все кончится. Нам показывают, как зарубежный шпион Макс с помощью отечественной шпионки Анны подготавливает и осуществляет хитроумнейшую операцию, цель которой проникновение в закрытый город Приморск с явно недружественным визитом. Анна — подружка бармена Коли, бармен Коля — брат врача Елены, а врач Елена — невеста лейтенанта-пограничника Андрея. (Жаль, что у него нет какого-нибудь дяди, например, капитана подводной лодки, тогда сюжет был бы еще более «напряженным».)

Анна обманывает Колю, Коля обманывает Елену, Елена никого не обманывает, но и ничего не говорит Андрею, и в результате — Макс достигает цели. Но вот совершенно случайно Елена обнаруживает обман Коли. А дальше финал. Разумеется, Андрей окажется в нужный момент именно там, где надо, пробежит, потом прыгнет без дублера и в самый последний миг вытащит из моря в качестве вещественного доказательства подстреленного своими же злополучного Макса. И все кончится для нас хорошо, а для команды шпионского судна очень даже плохо.

Нам показывают таблицу умножения, которую мы знаем наизусть...

Актерам играть нечего. Лена (роль Н. Вавиловой) мила, порядочна, но до обидного безлика. Анна (Т. Догилева) изначально ведет себя так, словно уже лет двадцать работает на Запад. Внутренне менее статичен Е. Герасимов в роли Николая, но и ему трудно в рамках этого «ширпотребного» фильма.

Не везет А. Ростоцкому. Кажется, что на некоторые картины его приглашают только затем, чтобы не утруждать каскадеров. Честь и хвала актеру, если он все может сам, но хочется увидеть не персонаж, а образ, как это было в «Эскадроне гусар летучих», «Днях Турбиных», «Непобедимом».

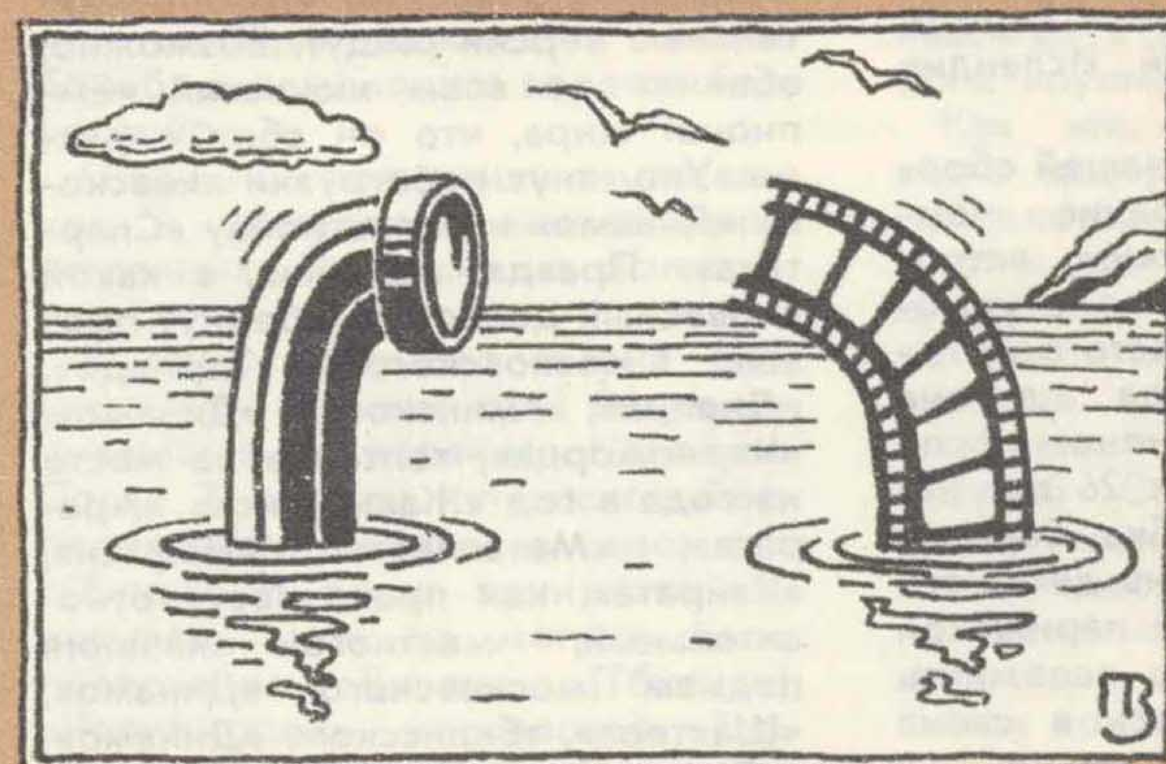
В роли Макса Паттерсона — Альгис Матуленис, зловещий и жутко «западный». Наверное, потому что из Прибалтики... Попробовали в некоторых лентах московских актеров «озападить», но не привилось. Видимо, не та школа. Уже кажется, что Бельмондо сыграл меньше французов, чем каждый второй наш прибалтийский актер — американцев и англичан. Словно они ничего больше играть не могут. Это уже порядком надоевший штамп... Матуленису не удалось в этом фильме кого-нибудь избить, как в недавнем «Двойном капкане», но зато он еще не примелькался в такого рода ролях.

Нет, я менее всего хочу обвинить кого-нибудь из актеров; хорошо, что они много работают, считаю это правильным, да и трудно предугадать конечный результат, но мне обидно за них: все они люди творческие и делом доказавшие свой талант. Жаль, что иные режиссеры об этом забывают.

Сейчас много «достается» студии имени М. Горького, а я люблю эту киностудию. Может быть, как работнику ТЮЗа, мне кажутся родными слова «детских и юношеских»?.. Конечно, и это тоже. Но прежде всего студия имени М. Горького — это фильмы С. Герасимова и М. Донского, А. Роу и И. Фрэза, это такие имена, как Л. Кулиджанов, Т. Лиознова, Э. Бочаров, В. Грамматиков и многие другие. А «Бармен» — это скорее исключение, нежели правило. И кстати, на «Мосфильме», мне кажется, процент слабых картин более высок.

Да, если плохо, так уж плохо. И не спасут ни красиво снятое море, ни «Машина времени», ни актерские имена...

Александр ШИРЯЕВ,
ассистент режиссера Ярославского ТЮЗа

Никола Себастьян Рок Шамфор (1741—1794 гг.) занимает видное место в ряду французских писателей-моралистов. По словам его соотечественников братьев Гонкур, «он был воплощением острого ума и щедро рассыпал вокруг себя не медные гроши, но великолепные золотые монеты, которые когда-нибудь потомки будут хранить как морали». В историю культуры он вошел прежде всего как автор книги афоризмов и острот «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты» (1795 г.). Избранные мысли Шамфора мы предлагаем сегодня читателям.

ТАК ГОВОРИЛ ШАМФОР...

Убеждения — это совесть разума.

Иной раз довольно не примириться с высокомерием и чванством, чтобы обратить их в ничто; порой их довольно не заметить, чтобы они стали безвредны.

Большое несчастье потерять из-за свойств своего характера то место в обществе, на которое имеешь право по своим дарованиям.

Почтительность без уважения — вот награда за чванство без заслуг.

Признание ценнее известности, уважение ценнее репутации, честь ценнее славы.

Известность — удовольствие быть знакомым тем, кто с тобой незнаком.

Человек может стремиться к добродетели, но не может сколько-нибудь основательно притязать на то, что обрел истину.

Людей безрассудных больше, чем мудрецов, и даже в мудрости больше безрассудства, чем мудрости.

Как не пожелать, чтобы негодяй был ленивцем, а глупец молчальником!

Со счастьем дело обстоит как с часами: чем проще механизм, тем реже он портится.

Грош цена тому чувству, у которого есть цена.

Великодушие — это не что иное, как сострадание благородного сердца.

Кто не обладает возвышенной душой, тот не способен на доброту, ему доступно только добродушие.

Упрямство имеет примерно такое же отношение к силе воли, как любострастие к любви.

в мире мудрых мыслей

Сергей ОБРАЗЦОВ

В редакцию пришел Сергей Владимирович Образцов и принес небольшой сверток. Когда бумагу развернули, увидели маслом написанную картину.

— Давайте напечатаем ее в журнале,— сказал Сергей Владимирович.— Ведь это этюд молодого Константина Коровина, хороший этюд, и я расскажу о том, что у меня связано с ним.

С. В. Образцов передал «Огоньку» и еще одну новеллу. Мы с радостью публикуем работы, в которых Сергей Владимирович ведет читателей по ступенькам своей памяти.

клибка

Рисунок Е. ШУКАЕВА

В дачном поселке «Московский писатель» жила маленькая черная собачонка. Никому она точно не принадлежала. Ее все любили. И киношники: Орлова с Александровым, и бывший глава всех партизан Пономаренко, и большое семейство поэта Суркова (Сурковы от нас через забор живут). Даже бродячие больные, которые в серых пиджаках по садику Абабуровской больницы ходят да на скамейке «козла» забивают, и те эту собачонку любили. Она к ним бегала просто так. Здороваться.

Только я зря все пишу «она» да «она». На самом-то деле она была совсем не «она», а «он». И большую часть своего собачьего времени пес проводил с нами. А ночью всегда у нас.

Дружился с огромным сенбернаром, которого нам Виллемс в подарок из Брюсселя на самолете прислал (был тогда Виллемс директором Дворца искусств в Брюсселе). И с котом дружился, и с приходящим ежиком (они втроем по вечерам из одной миски молоко ели). И с Бандитом дружился. Не думайте, что Бандит — это человек. Совсем не человек, а тоже пес. И тоже приблудный. И тоже друг. Это только кличка у него такая — Бандит, потому что не было во всем поселке такого забора, под который он не мог бы подкопаться или через который не мог бы перепрыгнуть.

Очень долго мы маленькому всеобщему любимцу не могли имя придумать. Сурковы звали его Тобик, Орлова с Александровым — Шарик, а Пономаренки — Черныш.

Да только не подходили ему собачьи имена. Уж больно он был человечный. Всегда доброжелательный, всегда веселый, всегда улыбался.

А тут как раз в Москве конкурс пианистов проходил. Международный. И первую премию на этом конкурсе получил американский пианист Ван Клиберн. В английском-то произношении он Клайберн, но у нас все его Клиберном звали.

Но не одно только жюри ему эту премию присудило, а чуть ли не все сидевшие в зале слушатели.

На последнем туре, только он закончил играть и снял с клавиш руки, все слушатели, как сговорились, начали кричать: «Перва-я пре-ми-я, пер-ва-я пре-ми-я, перва-я пре-ми-я».

А импровизацию на тему «Подмосковных вечеров» на заключительном концерте лауреатов он так сыграл, что дух захватило.

Да и сам он очень всем нравился. Молодой, стройный. И не то чтобы красивый, а весь какой-то улыбчатый. Такая у него прелестная добрая улыбка была, ну прямо, как у нашего Шарика-Тобика. Вот мы и назвали этого Шарика-Тобика Ван Клиберном. Шутя, конечно, назвали, да только имя это к нему приросло. Раскололось потом на два. На Ваньку и Клибку. Так мы его этими двумя именами и звали. И он на оба откликался. И соседи к этим именам привыкли, но когда за что-нибудь особенно хвалили, всегда говорили «молодец Клиберн».

А хвалить было за что. За доброту, за веселость и за смешное умение на полу плавать. Кто этому научил его, не знаю. Но стоило только сказать: «Поплавай, Клибка, поплавай»,— как сейчас же он распластывался, как цыпленок табака, скреб по полу передними лапами и очень медленно плыл на животе, вертя хвостиком.

И вдруг произошло страшное. Клибка, поздоровавшись с гуляющими в садике больницы, побежал по улице Лебедева-Кумача (Лебедев-Кумач жил и умер на этой улице), подбежал к идущим навстречу детям. Трое их было. Двое маленьких и один побольше. И тут из чьей-то калитки выскочила большая собака. Увидела Клибку. И остановилась. И Клибка остановился. Мне все это потом очевидцы, перебивая друг друга, рассказывали. Больные, к которым Клибка здороваться прибегал.

Стоят две собаки, большая и маленькая. Смотрят друг на друга. И тут мальчишка, который постарше, закричал большой собаке, показывая на Клиберна: «Фтю его — фтю его».

Собака кинулась. Клибка назад к больнице. Собака у самого забора догнала. Клибка завизжал. Маленькие дети закричали, а большой мальчик, тот, который натравил, взялся хохотать и радоваться.

Все это видел еще один человек, живший на нашем участке. Звали его Дмитрий Иванович. Замечательный человек. Простой, скромный. Весь седой. Во время войны был он начальником прифронтовой станции. Орден Ленина дали ему за то, что он так бесстрашно работал всю войну.

Так вот этот человек вырвал Клибку из собачьей пасти и принес к нам. Клибка умирал. У него вывалились кишки. Долго дышал. Потом умер.

И когда Дмитрий Иванович закапывал его в землю, то плакал. Не в голос, а тихо. Я даже не сразу понял, а потом увидел, слезы текут.

Что же это получается? Старый человек, прошедший всю войну, видевший смерть людей, плакал потому, что большая собака загрызла маленькую, а двенадцатилетний мальчишка смеялся и радовался.

Почему это так? Да потому, что у мальчика этого было атрофировано органическое чувство жалости. Физическое ощущение чужой боли, чужого несчастья, чужого горя.

Есть удивительное по своему значению русское слово — сострадание. Боль, когда другому больно.

Жалость — это высшая форма сочувствия. Безжалостность — атрофия этого чувства.

В старой русской деревне не говорили: «У нее хороший сын, он мать любит». Говорили: «У нее хороший сын, он мать жалеет». Недаром же крестьянский сын Есенин написал: «Ты меня не любишь, не жалеешь».

Любовь без жалости не любовь, а потребительство.

Ребенок родится, а человек делается. Делается всеми людьми, которые его окружают. С самого раннего детства. И, если трехлетний мальчик мучает котенка и смеется, когда тот пищит,— надо уже бить тревогу. Воспитание безжалостности началось. Скорее, скорее учите его жалеть.

Взрослые, помните об этом. Вы думаете, что только семья и школа воспитывают вашего мальчика? Ошибаетесь. И у школы, и у семьи есть очень сильный конкурент. Часто, слишком часто он сильнее и семьи, и школы. Старший товарищ.

Он герой. Он уже курит. Значит, и я закурю. Он сделал замечательную рогатку и стреляет в воробьев. Здорово попадает. Значит, и я сделаю рогатку и буду стрелять в воробьев. Он привязал к хвосту собаки консервную банку. Собака прямо-таки с ума сошла. Банка на веревке по асфальту скачет и гремит. Собака пугается, хочет от нее убежать, а не может. «Вот смеху-то было». Он герой. Поймал голубя и отрезал ему лапки. Голубь летает, а сесть на крышу не может.

Ваш сын еще не понимает, что издеваться над слабым, мучить слабого и тем утверждать свою личность — это не геройство, а трусость. Геройство — защищать слабого.

Еще раз мне хочется напомнить, что когда я вместе с вами шагаю по ступенькам моей памяти, то вы представляетесь мне не моими сверстниками, а людьми куда моложе меня.

Так вот сейчас непосредственно к вам, молодым, я и обращаюсь. У вас есть дети. У большинства безусловно. Научите их жалеть и любить слабого. Щенка, котенка, воробья, голубя, рыбу в аквариуме, маленького ребенка. Научите любить и защищать все живое. Вот тогда дети ваши вырастут такими же храбрыми и добрыми, каким был Дмитрий Иванович.

Клибку он до сих пор не может забыть.

вторая премия

В столовой, в узком простенке прямо над шкафчиком, на котором стоят две фарфоровые фигурки, маленькая и побольше, висит картина, тоже совсем маленькая.

Обе чуть подкрашенные фигурки изображают молодого человека, поднявшего кверху руки с двумя куклами. Тот фарфоровый человек, что побольше, держит Кармен в красной юбке и Тореадора в красном плаще, а тот, что поменьше,— двух кошек. Черную и рыжую.

Это меня Слоним лепил, а отливали фигурки на разных заводах. Та, что с кошками, на Ленинградском фарфоровом, а та, что с Кармен, в Гусь-Хрустальном. (Такая же в Третьяковке выставлена, чем я, естественно, очень горжусь.)

Так вот, чтобы снять с гвоздя картинку, что висит над шкафчиком, надо на стул вставать, иначе можно свалить слонимские фигурки, а подставлять стул лень. В конце концов если осторожно, то можно дотянуться и потихоньку эту злосчастную картинку стащить.

Я это часто делаю. Во-первых, знакомым показываю. (Тоже с гордостью, потому что картинка прямо-таки уникальная и рассматривать ее надо близко и внимательно.)

А во-вторых, еще и потому, что и без всяких знакомых я ее люблю рассматривать. Ассоциаций она в моей памяти вызывает целую кучу. Годы и люди сквозь нее далеко просматриваются. В том числе и те годы, в которые я жил, и те люди, с которыми я так или иначе сталкивался.

Удивительная картина. Я ее как книгу читаю и поэтому часто с гвоздя снимаю. Вот и сегодня дотянулся до рамы и снял.

Маленький, совсем маленький этюд маслом. Явно с натуры и явно наскоро, в один присест. Изображено «Старое гулянье» в Сокольниках.

Сегодняшние москвичи его не знают. Это сравнительно небольшое место в Сокольническом парке, на самом его краю, где-то, если я не ошибаюсь, между третьей и первой Лучевыми просеками. Прямо туда Митьковская улица выходит, на которой мы жили.

Помню, если чуть подальше «Старого гулянья» пройти, на суку большой сосны железный кровельный лист висел. Это его ураган девятьсот четвертого года с какой-то крыши содрал. Мне всего тогда три года было. И мы с мамой под здоровенный дождь в лесу попали. На Клязьме жили. Там ураганом железнодорожный семафор штопором скрутило, и поезд с папой остановился. Опоздал папа к чаю.

А само «Старое гулянье» я хорошо помню. Там среди сосен деревянные столики стояли с лавками. По воскресеньям гуляющие в Сокольническом парке за этими столами из больших самоваров чай пили. А развлекали их шарманщики с попугаями или белыми крысами, вытаскивающими скрученные бумажки «счастья». Возьмешь за копейку, раскрутишь бумажку, прочтешь, и жить становится веселее — раз тебе такое счастье предсказано.

А то еще с обезьянками шарманщики ходили. Несчастными кувыркающимися «Марьями Ивановнами». Вертинский про них очень точно пел: «Плачет мокрое утро. Мочит дождь обезьянку. Пожилую актрису с утомленным лицом». Очень точно сказано: «Пожилую актрису с утомленным лицом». Я до сих пор этих несчастных обезьянок забыть не могу. Талантливым, очень талантливым поэтом был Вертинский.

Ну и петрушечники вместе с шарманщиками приходили на «Старое гулянье» развлекать чаевников.

Вот из-за Петрушки-то я и купил эту маленькую картинку в каком-то полуподвальном комиссионном магазине на Сретенке. Ну, как не купить, если на картинке изображен Петрушка, высунувшийся из-за ширмы. Такой же ширмы, как моя. Точно такой. Только я-то с этой ширмой по разным шикарным клубам выступаю да и за границу езжу (на прошлой неделе у меня два сольных концерта в Лондоне были), а предшественник мой, такой же москвич, как и я, дальше «Старого гулянья» да подмосковных ярмарок никуда. Даже во двор и то рискованно войти. Выгонит дворник или городовой.

Хоть и наскоро написана картинка, а замечательно. Деревья, шарманка, ширма с Петрушкой, веселый купец за столом, огромный медный самовар, девчонка какая-то. И по колориту все собрано, и владение кистью удивительное. Несколько маленьких мазков, а характер купеческого лица, размером в два миллиметра, передан с портретной точностью.

Пришел домой. Развернул из бумаги картинку и вдруг вижу, во-первых, в правом углу тоненькая подпись «К. Коровин», а во-вторых, очень неуважительно, явно прямо по сырой краске то ли гвоздем, то ли обратной стороной кисти крупно выдавлено: «2 премия 10 р.».

Здравствуйте, так про это же мне Архипов рассказывал, что, когда он учился вместе с Левитаном и Серовым по классу пейзажа у Саврасова, им давали задания во время каникул писать на природе этюды (барбизонцы тогда в моду входили). И осенью все эти ученические работы просматривались и за лучшие давались денежные премии.

Абрам Ефимович, смеясь, говорил, что многие, и он в том числе, летом писать ленились и уж перед самым концом отпуска писали что придется на память, а потом ловили комаров и на непросохшую краску приклеивали. И хвойные иголки, и вообще что попало, чтобы казалось, будто все это «на пленэре» ветром надуло.

Только никаких следов «пленэрного мусора» на этюде Коровина не было, и зря ему только вторую премию дали. Замечательно написан этюд. С настоящим мастерством художника.

Но когда же это он его написал? Премия дана не художнику, а ученику. Поступил Константин Коровин в школу живописи в 1875 году, когда ему было четырнадцать лет. Значит, писал он «Старое гулянье» лет шестнадцати.

Подождите. Так, может быть, и левитановский «Кленовый просек в Сокольниках», по которому я на велосипеде катался, тогда же написан? Лезу в шкаф, достаю кнебелевское издание Левитана, на титульном листе которого написано: «Скована жизнь и свободное искусство», и смотрю даты написания картин. Так и есть. «Осенний день в Сокольниках», ученическая выставка восемьсот семьдесят девятого года. Значит, Левитану тогда было девятнадцать лет.

Жил тогда Левитан очень плохо. Голодал и спал на чердаке.

Вот смотрю я сейчас на маленький этюд молодого Коровина, и плывут передо мной какие-то удивительные ассоциации, цепляясь одна за другую, перемешивая годы, людей, события.

Серов учился у того же Саврасова вместе с Архиповым, Коровиным и Левитаном. В Третьяковке висит серовская картина. Два его маленьких сына стоят на каком-то мостике. А моя двоюродная тетя Вера давала этим мальчикам уроки на дому. Говорила: «Очень хорошие были мальчики».

Архипов, Серов и Коровин очень дружили с Шаляпиным, а сын Шаляпина Борис, как и я, учился живописи у Архипова. Наши мольберты стояли рядом. Может быть, в той же самой мастерской, где и Коровин, и Архипов, и Серов натурщиц да натурщиков писали.

Борис устроил чуть не всю мастерскую смотреть и слушать папу в «Фаусте». Пел Шаляпин в летнем театре сада Эрмитажа.

В антракт вышел к нам высокий, загримированный Мефистофель. Борис сказал: «Папа, это мои товарищи художники». Шаляпин потрепал кого-то из нас по плечу, сказал басом: «Ми-и-и-лые худо-о-ожники»,— улыбнулся «дьявольской улыбкой» и ушел в деревянную дверь театра.

В этом самом театре я через много лет выступал и нажил узел на связках.

А с Борисом мы потом встречались в Нью-Йорке. Он мне подарил двух маленьких крокодильчиков. Сантиметров, наверное, по десять. Жена их за пазухой привезла, чтобы не замерзли да и чтобы таможня не отобрала.

Тотоша и Кокоша выросли. И, когда стали сантиметров по пятьдесят — шестьдесят, мы их подарили Дворцу пионеров.

Видите, как все перепуталось в моей голове. И понял я, что так называемые «поколения» идут совсем не волнами, сменяя одно другое. Нет, они текут, проникая друг в друга. И люди совсем разного возраста долго ощущают себя одним поколением.

Двадцати- и сорокалетние часто совсем не думают, что они разных поколений, потому что их мысли, их идеи, их увлечения, их работа совпадают. Да и любви и браки между ними бывают.

Но, когда постепенно не только старшие, но и сверстники куда-то исчезают, человек начинает ощущать, что вот еще год, еще два, ну, может, пять, ну десять лет — и ты останешься совсем один. И не будет рядом с тобой людей твоего поколения...

«Вторая премия. Десять рублей». Маленький этюд маслом, а сколько поднял он в моей памяти.

Надо вешать обратно на гвоздь. Только не разбить бы по дороге самого себя в фарфоровом виде.

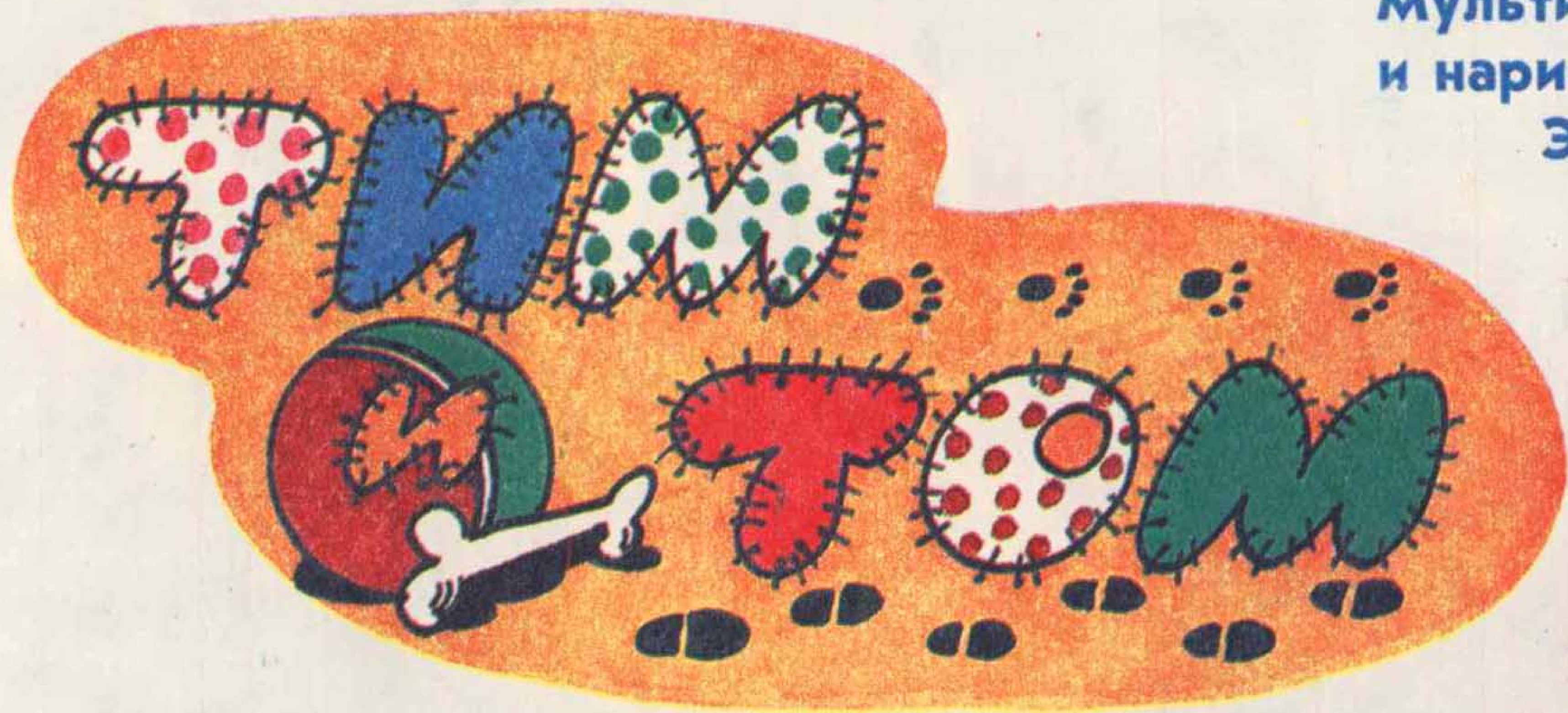
К. Коровин. СТАРОЕ ГУЛЯНЬЕ В СОКОЛЬНИКАХ .

ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Публикацией новеллы Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР С. В. Образцова «Вторая премия» и этюда Константина Коровина «Старое гулянье в Сокольниках» мы открываем новую рубрику.

С. В. Образцов. Фото Дм. Бальтерманца. Октябрь 1986 года.

Мультик придумала
и нарисовала
Э. ДЕСЯТНИК.

ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК ТИМ, У НЕГО БЫЛО МНОГО-МНОГО ИГРУШЕК,

НО

ТИМ БЫЛ НЕСЧАСТЛИВ

И ВОТ ОДНАЖДЫ...

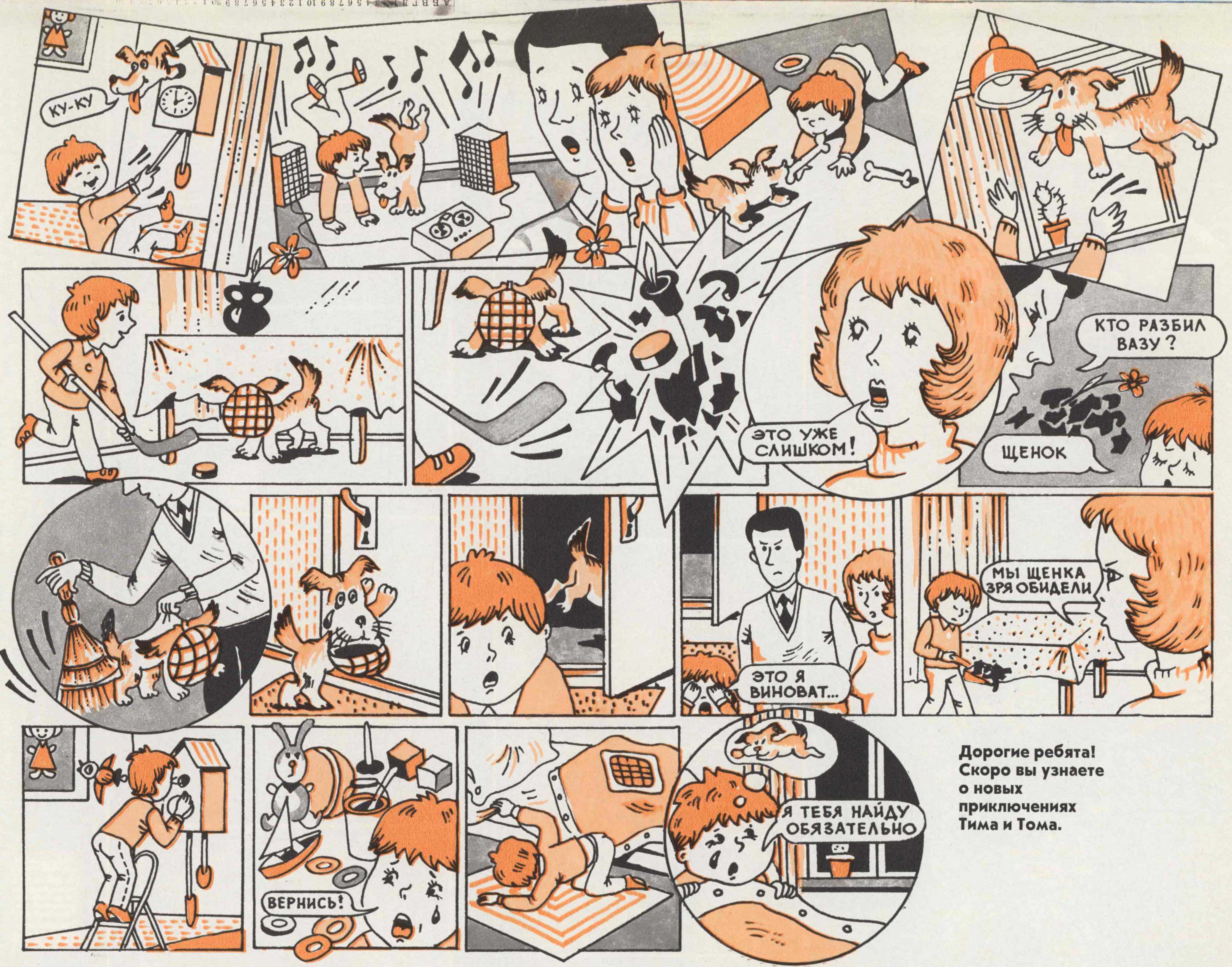
ЗООПАРК

СЛУЧИЛОСЬ ЧУДО

НЕ ХОЧУ ДОМОЙ!

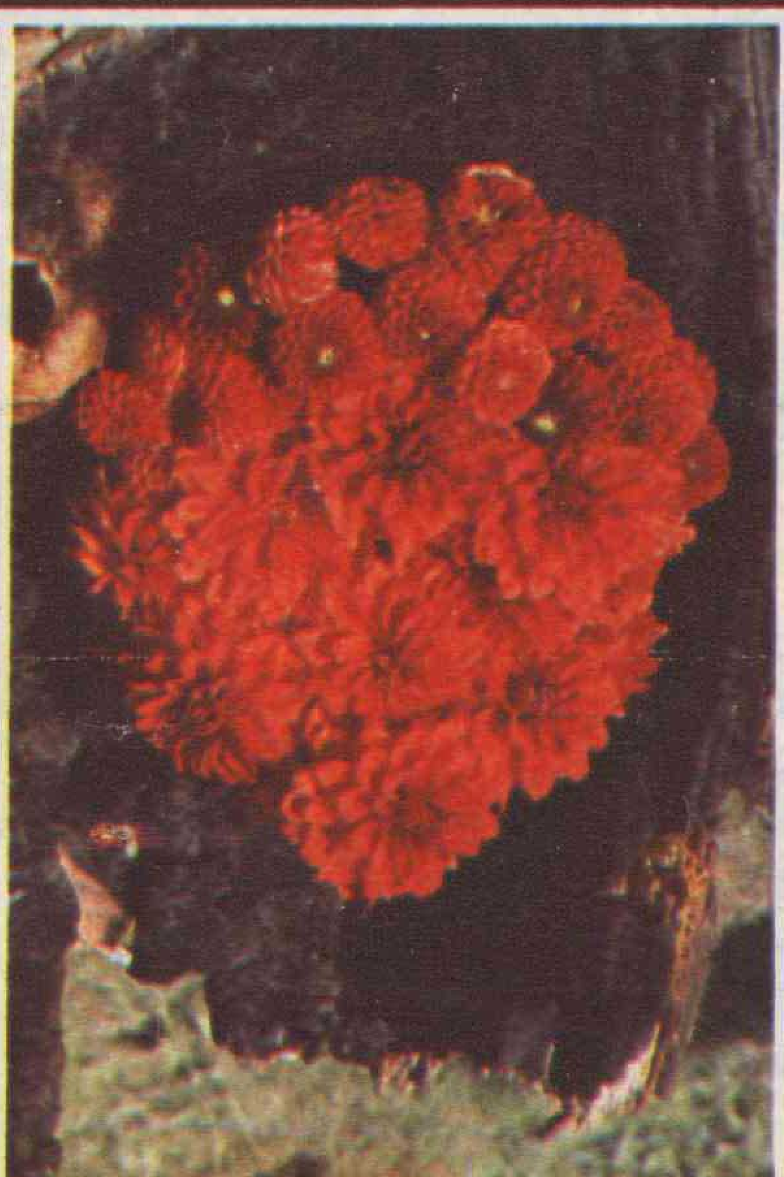
Я ЗНАЮ, ЧТО ЕМУ НУЖНО

ДОГОНЯЙ!

**Дорогие ребята!
Скоро вы узнаете
о новых
приключениях
Тима и Тома.**

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

Чего только в те дни можно было не увидеть под золотыми куполами Киево-Печерской лавры: и воплощение нежности — водяной гиацинт, и стрелицию — цветок, почти копирующий изящную головку венценосного журавля, и «Антуриум Андрэ», при виде которого хочется воскликнуть: «Не может быть!» Десятки, сотни самых разнообразных расцветок роз, хризантем, гвоздик... Всю эту красоту вырастили, собрали в букеты, композиции, огромные цветочные картины и павильоны сотрудники ботанических садов и управления зеленого строительства Киева. Среди многих восторженных отзывов прочел я и такую запись: «Если есть в мире прекрасное, то это те минуты, которые я провела здесь. Бывшая партизанка Л. Огирок».

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО